

Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

III

Диалектология

МОСКВА
2014

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3.
— М., 2014. — 574 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Чермак Вацлав, доктор филологии (Прага, Чехия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Л. Л. Касаткин, д. филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. А. Букринская (Москва, Россия);
О. Е. Кармакова, к. филол. наук (Москва, Россия);
А. В. Малышева, к. филол. наук (Москва, Россия);
О. Г. Ровнова, к. филол. наук (Москва, Россия);
А. В. Тер-Аванесова, к. филол. наук (Москва, Россия)

Выходит 3 раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

ISSN 2311-150X

© Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, 2014
© Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov Russian
Language Institute**

III

Dialectology

MOSCOW
2014

Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute. III

— M., 2014. — 574 p.

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., (Prague, Czech Republic);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Tore Nasset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);

Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany)

MANAGING EDITOR OF THE ISSUE

Leonid L. Kasatkin, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Irina A. Bukrinskaja (Moscow, Russia);

Olga E. Karmakova, PhD (Moscow, Russia);

Anna V. Malysheva, PhD (Moscow, Russia);

Olga G. Rovnova, PhD (Moscow, Russia);

Alexandra V. Ter-Avanesova, PhD (Moscow, Russia)

Published three times a year

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute, 2014

© by Authors, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФОНЕТИКА И АКЦЕНТОЛОГИЯ

<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Динамика изменения яканья в одном южнорусском говоре	11
<i>Д.М. Савинов</i> (Москва). Редукционные модели в южнорусских говорах с диссимильным вокализмом	34
<i>А.В. Тер-Аванесова</i> (Москва). Ударение <i>i</i> -глаголов в говоре д. Та-мица Онежского района Архангельской области в контексте лингвистической географии	55

ГРАММАТИКА

<i>О.Г. Гецова</i> (Москва). Из наблюдений над лексикой и синтаксисом архангельских говоров	96
<i>И.Б. Качинская</i> (Москва). Предлог <i>при</i> в архангельских говорах	107
<i>А.В. Малышева</i> (Москва). Объектный генитив в русских летописях и современных говорах	120
<i>Л.А. Новикова</i> (Тверь). Модификационное словообразование в тверских говорах	145

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

<i>О.А. Глуценко</i> (Петропавловск-Камчатский). Специфика значения общерусского наречия в говоре	152
<i>А.Ф. Журавлёв</i> (Москва). Лексикографические фантомы. 8. СРНГ, II	168
<i>Л.А. Инютина</i> (Новокузнецк). Территориально маркированная и общерусская лексика в процессе формирования и развития лексико-семантических парадигм говора вторичного образования	188
<i>Е.В. Колесникова</i> (Москва). Семантика общерусских лексем <i>путь</i> и <i>дорога</i> в архангельских говорах	204

<i>Г.В. Медведева</i> (Иркутск). «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири»: состав и структура	215
<i>Е.А. Нефедова</i> (Москва). Взаимодействие семантических полей: <i>время, погода, жизнь</i> в поворотах и вращении	239
<i>А.Р. Попова</i> (Орел). Фразеологические единицы со словом <i>рука</i> , обозначающие и характеризующие человека, в русских народных говорах	249

ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

<i>И.А. Букринская, О.Е. Кармакова</i> (Москва). Русские говоры центра: из истории изучения	258
<i>А.П. Майоров</i> (Улан-Удэ). Общерусское и региональное в разговорной лексике XVIII в. (по памятникам Забайкалья)	273
<i>Т.А. Сумникова</i> (Москва). Обобщение основ родительного-винительного и дательного-предложного падежей личных местоимений ед. ч. и возвратного по данным лингвогеографии и памятникам русской письменности	293

ЭТИМОЛОГИЯ

<i>Ж.Ж. Варбот</i> (Москва). Словообразовательно-этимологические комментарии к словарю «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь». Вып. 1–5	303
<i>Т.В. Шалаева</i> (Москва). К этимологии русск. <i>издеваться</i> и <i>измываться</i>	308

ОПИСАНИЕ ГОВОРА

<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии	325
<i>О.Г. Ровнова</i> (Москва). Говор старообрядцев Южной Америки по письменным материалам	374

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ

<i>С.В. Дьяченко</i> (Москва). Образцы говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области	400
<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва). Идиолект донской казачки	407

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Малышева</i> (Москва). Говор д. Шваровка Горецкого района Могилевской области Белоруссии	458
<i>О.Г. Ровнова</i> (Москва). «Спасай да спаси свою душу» (из «Повести и жития Данилы Терентьевича Зайцева»)	473
<i>А.В. Тер-Аванесова</i> (Москва). Образцы говора с. Пустоша Шатурского района Московской области	499

РЕЦЕНЗИИ

Г.В. Афанасьева-Медведева. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / Научн. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников, Ф.П. Сороколетов. Т. 1–6. Санкт-Петербург: Наука, 2007–2010. (<i>А.В. Малышева</i>).....	516
---	-----

IN MEMORIAM

<i>И.А. Букринская, О.Е. Кармакова</i> (Москва) Памяти С. В. Бромлей .	529
<i>С.В. Бромлей</i> (Москва) <Из опыта перевода Нового Завета>	536
<i>Л.Л. Касаткин</i> (Москва) Лидия Николаевна Булатова	561

CONTENTS

PHONETICS AND AKCENTOLOGY

<i>Leonid L. Kasatkin</i> (Moscow). The Progress of Development of Yakanye in one South Russian Dialect	11
<i>Dmitry M. Savinov</i> (Moscow). Vowel Reduction in Southern Russian Dissimilative Dialects	34
<i>Aleksandra V. Ter-Avanesova</i> (Moscow). The Accentuation of i-verbs in the Dialect of Tamica (Onego District, Arkhangelsk Region) in the Context of Linguistic Geography	55

GRAMMAR

<i>Oksana G. Gecova</i> (Moscow). From Observations over Dialectal Vocabulary and Syntax	96
<i>Irina B. Kachinskaya</i> (Moscow). Russian Preposition <i>npu</i> in Arkhangelsk Region	107
<i>Anna V. Malysheva</i> (Moscow). Partitive Genitive in Russian Chronicles and Contemporary Dialects	120
<i>Ludmila N. Novikova</i> (Tver). Derivative Word Formation in the Dialects of Tver	145

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

<i>Olesya A. Glushchenko</i> (Petropavlovsk-Kamchatsky). Some Specific Features of all-Russian Adverbs in Dialects	152
<i>Anatoly F. Zhuravl'ov</i> (Moscow). Lexicographic Phantoms. 8. SRNG, II	168
<i>Ludmila A. Inyutina</i> (Novokuznetsk). Territorially Marked and General Russian Vocabulary during the Process of Forming and Developing of Lexical-Semantic Paradigms of a Dialect of Secondary Formation	188
<i>Elena V. Kolesnikova</i> (Moscow). Semantics of the Lexical Items <i>Put'</i> and <i>Doroga</i> ('the Way' and 'the Road') in the Modern Russian Language and the Arkhangelsk Dialects	204

CONTENTS

<i>Galina V. Medvedeva</i> (Irkutsk). «Russian Dialects of Old Residents of the Baykal Siberia. A Dictionary». Lexical Entries and Structure	215
<i>Elena A. Nefedova</i> (Moscow). Intraction of Semantic Fields: <i>Time, Weather, Life</i> in Turns and Rotations	239
<i>Anna R. Popova</i> (Orel). Phraseological Items with the Component <i>Hand</i> Denoting and Characterising Human in Russian National Dialects	249

LINGUOGEOGRAPHY AND HISTORICAL DIALECTOLOGY

<i>Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova</i> (Moscow). Dialects of the Center of Russia: Towards the History of the Study	258
<i>Aleksandr P. Majorov</i> (Ulan-Ude). All-Russian and Regional Elements in Colloquial Vocabulary of XVIII Century (Based on Records from Transbaikaliye)	273
<i>Tatiana A. Sumnikova</i> (Moscow). The Generalization of Stems of Personal and Reflexive Pronounce in Gen.-Acc. and Dat.-Loc. (on Linguistic Geography and Old Russian Literature Monuments Data)	293

ETYMOLOGY

<i>Zhanna Zh. Varbot</i> (Moscow). Wordformation-etymological Commentaries on «Seliger. Materials on Russian Dialectology. Dictionary», Issues 1–5	303
<i>Tatiana V. Shalaeva</i> (Moscow). On the Etymology of Rus. <i>Izdevatsia</i> and <i>Izmyvatsia</i>	308

.....	325
.....	374

DIALECT TEXTS

<i>Svetlana V. D'iachenko</i> (Moscow) Samples of the Dialect of the Village of Rogovatoe (Starooskolskiy District, the Region of Belgorod)	400
<i>Leonid L. Kasatkin</i> (Moscow). Idiolect of a Don Cossack Woman	407

CONTENTS

<i>Anna V. Malysheva</i> (Moscow). The Dialect of the Village of Sharovka (Goreckiy District, the Region of Mogilev, Belarus)	458
<i>Aleksandra V. Ter-Avanesova</i> (Moscow). Samples of the Dialect of the Village of Pustosha (Shaturskiy District, the Region of Moscow)	473
<i>Olga G. Rovnova</i> (Moscow). “Redeeming your Soul, you will Redeem it” (from Danila Terentievich Zaicev)	499

REVIEW

Galina V. Afanas’eva-Medvedeva «Dictionary of Russian Dialects of Old Residents of the Baykal Siberia», 20 Vols. Scient. Eds. A. M. Hatsak, S. A. Myznikov, F. P. Sorokoletov. Vols. 1–10, St. Petersburg, «Nauka Publ.», 2007–2012 (<i>Anna V. Malysheva</i>)	516
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Irina A. Bukrinskaja, Olga E. Karmakova</i> (Moscow). In Memory of Sofia Vladimirovna Bromlej	529
<i>Sofia V. Bromlej</i> (Moscow). From the Essay of Translation of the New Testament	536
<i>Leonid L. Kasatkin</i> (Moscow). In Memory of L. L. Bulatova	561

ФОНЕТИКА И АКЦЕНТОЛОГИЯ

Л. Л. Касаткин

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rolekas@yandex.ru*

Динамика изменения яканья в одном южнорусском говоре

В статье приведены все примеры с гласным первого предударного слога после мягкого согласного на месте гласных неверхнего подъёма из первых двух часов записей речи четырёх женщин, родившихся и всю жизнь проживших в одном старообрядческом селе на территории Молдавии. Сравнение их речи показывает динамику изменения в говоре в направлении от сильного яканья к системе С'аCV || С'еС'V и далее к еканью и иканью и различия в осуществлении этого процесса в корнях знаменательных слов, в служебных морфемах и в местоимениях. В системе предударного вокализма сохраняются также следы диссимилятивного яканья.

Ключевые слова: русские диалекты, предударный вокализм, яканье, еканье, иканье.

Говор русского старообрядческого села Кунича Флорештского района Молдавии характеризуется набором диалектных черт, свидетельствующих о принадлежности этого говора к Юго-Западной диалектной зоне (см. в этом же сборнике статью: Касаткин Л.Л. Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии). Для этой зоны характерно диссимилятивное аканье и яканье (см.: [ДАРЯ I, карты 2, 8]), однако в Куниче сильное аканье: произношение на месте /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных [а] перед всеми ударными гласными, а яканье тоже носит следы исконно сильного: произношение на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягких согласных [а] перед всеми ударными гласными, но и с примерами произношения [е], реже встречающегося перед твёрдыми согласными и чаще — перед мягкими.

Мною выписаны все примеры фонетических слов с произношением гласного 1-го предударного слога на месте фонем неверхнего подъёма после мягких согласных из первых двух часов записей речи Ефросиньи Перфеньевны Шиленковой (1942 года рождения, окончившей 7 классов школы, всего записано 5 часов), Дарьи Григорьевны Тютюнниковой (1929 года рождения, в школе не учившейся, всего записано 6 часов), Акулины Зиновьевны Донцовой (1930 года рождения, окончившей 5 классов школы, всего записано 4 часа) и Татьяны Мартиновны Дьяковой (1931 года рождения, окончившей 1 класс, записано 2,5 часа), лучшие других жителей села сохраняющих в своей речи многие диалектные черты.

Вот эти примеры из речи Е. П. Шиленковой.

В позиции С'ГСГ' (после мягкого согласного перед твёрдым)

перед **ы** – б'ады́, д'з'абы́, з'амны́и, л'ажы́т', н'амы́и, с'астры́ (6)¹, св'аты́х, ч'асы́ (2), ч'аты́р'и (14), ч'аты́р'и, ч'аты́рнэцто опр'ёл'е, ч'аты́рныцсто, ч'аты́нысто, ч'аты́нст, ч'аты́р'истэ, ч'аты́нэстава; – 38;

– *опи'ожы́т'ие* – 1;

– *п'ир'ары́вэ* – 1;

– *н'а был́ (6), н'а был́'и (2), н'а вы́п'иш, н'а жы́л, н'а слы́иш; – 11;*

перед **у** – б'ау́, б'ару́ (2), б'ару́т', в'арну́лс'и (3), у́л'ажу́ (2), д'ару́цы, зэв'арну́ла, йаду́, нэт'ану́л'и, п'атру́шкэ, п'атру́шку, пэб'ау́, пэв'арну́ла, прив'аду́т', пэу́л'ажу́, р'аву́т', г'аву́т', с'п'аку́т', сп'ашу́, с'т'ир'ау́, т'акуч'ие, уб'ару́т, ут'ану́л'и; – 27; – б'еру́т', зэв'ерну́лэ; – 2; всего 29;

– *н'а бу́ду (6), н'а бу́ит' (2), н'а бу́ит, н'а бу́д'и, н'а бу́жит', н'а бу́д'им, н'а ду́жы, н'а ку́п'иш, н'а ку́шэл'и, н'а ну́с'т'ит', н'а слу́жут', н'а му́ч'илс'е; – 17; – н'е бу́ду, н'е бу́дут'; – 2; всего 19;*

– *йаму́, јаму́; – к ч'ему́; – всего 3;*

перед **б** – б'ау́ом (2), в'адрó (5), в'адрóм (2), с'вузл'акóм, з'арно́ (3), з'арно́м, д'алóф^х, д'ашóвэ́йа, Н'астрó (2, Днестр), н'амно́шкэ, п'ашкóм (3), р'адóу (2), зэ с'алóм, с'арпóм, с'им'анóф^х, т'ажóлэ́йэ (2), т'ажóлэ, т'аплó, ч'асно́к, ч'асóу, часóр, часóв, ч'асóткэ, Шыл'анкóу (3); – 38; – Н'естрó, т'ежóлэ; – п'е́цот (пятьсот), с'едмóвэ, ф'с'ерóтк'и; – 5; всего 44;

¹ В скобках указано число одинаковых примеров.

– скл'ирѡс, д'ив'ицѡт; – 2;

– т'оплѡ – 1;

– п'ир'абѡйа, п'ир'авѡда; – п'ир'еѡдѡ; – всего 3;

– н'а здѡхнут', н'а помн'у, н'а тоѡ, н'а слѡпѡла, н'а стрѡгѡ, н'а трѡѡлѡ, н'а рѡднѡйѡ, н'а хѡч'ит'; – 8; – н'е скѡрѡ; – всего 9;

– йавѡ, йавѡ, у йаѡ, рѡз'б'ирѡт' ѡвѡ, ат н'авѡ, ус'аѡ, ч'авѡ, ч'авѡ, н'ич'авѡ, ч'аѡ, чѡѡ, б'из ныч'аѡ, ц'аѡ; – йавѡ; – 14; – йеѡ (7), йевѡ, йевѡ, јевѡ (2), вѡз'л'и н'евѡ, н'ич'еѡ (2), н'ич'еѡ, ч'евѡ; – 16; всего 30;

– ч'овѡ; н'ич'оѡ (2), н'ч'оѡ, – 4;

перед **а** – в'адрѡ, в'атрѡ, вѡ'алѡ (23), вѡйавѡл'и, вѡс'амнѡцѡт', ѡл'а-дѡйу, д'аржѡлѡ (2), д'аржѡл'и, дв'анѡцѡт' (3), д'в'анѡцѡт' (2), д'в'анѡ-цѡт', дв'анѡцѡт' (4), дв'анѡцы, д'в'анѡцѡтый, д'в'анѡцѡтый, зѡѡл'а-дѡт', кр'астѡ (2), л'ажѡт', л'атѡит', нѡт'а ѡѡйут', нѡч'авѡл'и, ѡдв'а-зѡлѡ, п'атнѡцѡт' (2), п'атнѡцѡт', п'атнѡцы сѡтык, п'ирнѡч'авѡл (2), пѡд н'алѡ, пѡл'ажѡлѡ, пѡв'азѡт', пѡл'а ѡлѡ, пѡын'аслѡ (4), пѡн'аслѡ (2), пѡн'аслѡ, с'им'анѡ, с'им'анѡм'и, сн'аслѡ, пѡ:ц'адѡт'ил', пѡыс'а-дѡт'ил'а, пѡс'адѡт'ил'а, с'астрѡ (5), см'атѡнѡ, т'а ѡѡйут', ув'азѡт', уз'алѡ (2), уз'алѡс', ч'ардѡк, ч'асѡ (4), ч'асѡ, ч'ир'в'акѡ; – пѡд'аржѡлѡ; – 95; – јѡвѡр', пѡл'ин'ѡс'лѡ, ч'ердѡк; – в'етрѡ, вч'ерѡ, вѡыс'емнѡцѡтѡвѡ, д'ер-жѡлѡ, зѡм'ерзѡлѡ, м'ѡиѡл'и, на ѡр'евѡл'ис', пѡйѡежѡла, т'ер'ѡйус'; – 12; всего 107;

– ап'ирѡц'иѡу, кѡмп'и(н)сѡц'иѡу, м'ихѡн'н'ика, т'ил'и ѡрѡму, т'ип-лѡ (быстрый темп) – 5;

– п'ир'аслѡл'и; – б'ѡс пѡм'ит'и; – 2;

– н'амѡ (21), н'ахѡй; – н'амѡ (6), – н'емѡ (48), н'емѡе (2), н'ехѡй (2); всего 80;

– н'а знѡйу (40), н'а знѡя, н'а знѡиш (2), н'а знѡим (3), н'а знѡи, н'а знѡй, н'а знѡла (2), н'а знѡлѡ (2), н'а мѡткѡ, н'а нѡда (2), н'а нѡдѡ, н'а спѡл, н'а спѡла, н'а спѡл'и, н'а тѡм, н'а (х)мѡрыт; – н'а знѡйу, н'а скѡ-жѡыт'; – 63; – н'ѡмѡ (6), н'ѡ знѡйу; – н'ѡ брѡт', н'ѡ дрѡл'ис', н'ѡ знѡйу (13), н'ѡ знѡиш, н'ѡ знѡи, н'ѡ знѡла, н'ѡ мѡйу, н'ѡ нѡдѡ, н'ѡ нѡицѡ, н'ѡ рѡдуи, н'ѡ рѡз, н'ѡ рѡс, н'ѡ стѡлѡ, н'ѡ тѡк; – 33; всего 96.

В позиции С'ГСС'Г' (после мягкого согласного и [и] на месте /j/ перед группой согласных с первым твёрдым и последним мягким)

– с'астр'иц'ка, ч'арн'илѡ; с'амѡйу; – ч'атв'ѡртѡм; нѡ з'амл'ѡ, т'ап-л'ѡй (3), т'апл'ѡи; – з'амл'ѡ (2), с'ин'т'абр'ѡ, укт'абр'ѡ, нѡйабр'ѡ; – ч'атв'ѡрты; – 15; – ч'етв'ѡрто, с'емѡѡ; – 2; всего 17;

– бр'ихн'и, пр'идм'ѡты, н'и с'ирд'илѡс'; – 3;

- б'ез јаишыноо (предлог чётко, медленно);
- н'а вэ'ал, н'а ўс'ём; – н'а вэ'ал; – 3; – н'е вэ'ал'и; – всего 4.

В позиции С'ГС'Г' (между мягкими согласными и [й]) на месте /j/)

перед **й** – б'ал'ылы, б'ал'й, б'аш'ч'йнствэ, вэ'ал'йс', ўл'ад'йвч'и, д'ат'йшых, Кэт'ар'йнэ, К'т'ар'йну, эпрэд'ал'йт'и, пэд'ал'йлс'и, прив'аз'й, прив'ал'й, с'ам'й, т'ар'п'ймэ, уўл'ад'йж ды, ч'а.г'йш'н'и; – 16; – в'ез'й, п'ет'й, прив'ез'л'й (2), с'л'ет'й, ум'ен'йт'; – 6; всего 22;

– т'ил'ив'йзэру (2);

– н'а в'йд'ил'ис'; – н'а п'йшу; – 2; – н'е п'йшут'; – н'е в'йд'илэ, н'е п'йсыт', н'ец'йстэ с'йлэ; – 4; всего 6;

перед **ў** – кэч'ар'ў; – 1;

– н'е ч'ўстэула – 1;

перед **б** – з' д'ат'онкэм, дэ К'ис'ан'о́ва, ат К'ис'ан'о́ва, прив'а-д'от', с'ад'мои, с'ад'мом, с'ал'отк'и, с'ал'ской, ч'ат'в'орты; – 9; – б'ер'ом (2), в'ед'от', д'ет'онэк (2), з' д'ет'онкэм, м'ет'олка, м'ет'ол-ку (2), р'еб'онэк, с'ек'от', С'ем'он, С'ем'ону, с'уз'еч'ком, с'ейц'ом, с'ейц'ом, уп'ер'от; – 17; всего 26;

– т'ич'от' – 1;

– н'е йд'ош, н'е йшол; – 2;

– у н'ийо – 1;

перед **э** – ад'д'ал'эн'иш, ўл'ад'элэ (2), д'ат'эм'и, н'ав'эска (2), к н'ав'эск'и (2), ўл'ад'эт', пэўл'ад'эт', пэўл'ад'эл (2), пэўл'ад'элэ (2), пэһл'ад'элэ, пэһр'аб'эн'ие, пэл'ат'эл, п'рэз'л'ат'эл'ис', ўл'ат'эл (2), ф'с'ал'э, у'с'ал'э, ч'ар'эш'н'а, ч'ар'эшынка, ч'ас'т'эй; – 25; – ўл'ед'элэ, ўл'ед'эл'и, зэп'ер'эт', кр'еш'эн'е, до кр'еш'эн'а, л'еч'эбнэ, пэб'е-с'эдэвл'и, пэл'ет'эт', пэм'еш'эн'а; – 9; всего 34;

– д'ир'эвйа, в'ич'эр'н'у, в'ич'эрн'ия школу, вэскр'ис'эн'е, вэс-кл'ис'эн'е, вэскл'ис'эн'а (2), вэскл'ис'эн'и, ускл'ис'эн'е, с'ускл'ис'эн'а, н'ид'эл'а (2), н'ид'эл'и (7), н'ид'эл'у (4), пэн'ид'эл'н'ик (7), т'ип'эр'а, р'иў'эн (рентген), эд'ил'эн'и (отделение в больнице); – 33;

– н'ир'ејэхэл – 1;

– н'а в'эр'ил'и, н'а д'эл:ла, н'а д'эржу, н'ал'эз'ит'; – 4; – н'е в'эр'ил'и (2), н'е д'эл:ла, н'е з'д'эл:, н'е јэлэ (2), н'е р'эзэлэ, н'е с'эулэ, н'е с'јела; – 9; всего 13;

– у с'аб'э; – м'ин'э (Р. п. 20, Д. п. 25, В. п. 6), м'ин'еа (В. п. 1), т'иб'э (Р. п. 2, Д. п. 11, В. п. 2), с'иб'э (Д. п. 2, В. п. 1); всего 71;

перед **а** – уус'ан'ат (2), з' д'ат'ам'и, зэјаж'айу, јаж'ж'ай, кэз'л'ан'аты, кэзл'ан'ат, кэт'ан'ат, қэт'ан'ат, сэбэц'ан'ат,

прыч'аи'ат', ут'ан'аты, пэт'ар'ат'; – ут'ан'ат'; – 14; – атв'еч'аит', атв'еч'айут', вѡс'имд'ес'атэм, ф с'емд'ес'атэм, (в) гэр'еч'ах, г дв'ер'ам, д'ен'уам'и, д'ев'атэ, д'ев'атэи, д'ев'атэва, д'ев'атэва, д'ев'атэм (3), д'ес'атый, д'ес'атэк, д'ес'атку, д'ес'атэ, д'ет'ам, зэв'еш'ан'а, жеж'ай, кур'ејакэ, м'ен'ал'ис', нэ пл'еч'ах, п'ец'ал'и, прїејез'ал'и, прїејез'аит', рэјіејез'ат'; – 28; всего 42;

– п'ид'ис'ат (4), с'ич'ас, с'иц'ас (2), с'ич'ас (8), с'ич'ас, с'иц'ас, с'иц'ас, с'иц'ас; – 20.

После отвердевшего согласного: *часы́, чаты́р'и (3), чаты́р'и, ч'аты́р'и; – үреши́т', пѣт'и́, пэ үреб'ин'а (погребенье); – упер'от; – стрѣва́т'; – вэскрїс'ен'а; – 12.*

После выпавшего согласного в начале слова и после гласного: *ивѡ (2), йа ивѡ, дав'ос ивѡ; служут' ийѡ, с'астра́ ийѡ, ийѡ (2), ии'е́; – пр'ишж'ал'и, п'иис'ат (5), шыис'ат (5), ф шыис'атэм; – 21.*

Таким образом, в расшифровке первых двух часов звучания рассказа Е. П. Шиленковой встретилось на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предупредном слоге после мягкого согласного 778 примеров произношения, после отвердевшего согласного – 12 примеров и после выпавшего в начале слова [j] ([й]) и после гласного – 21 пример, всего 811 примеров.

Подобная система, но с бѡльшим числом примеров произношения предупредного [е] по сравнению с [а] и более продвинутая в направлении к типу С'аСГ || С'еС'Г, описанному К.Ф. Захаровой [ДАРЯ I, карта 3], наблюдается в речи Д. Г. Тютюнниковой.

В позиции С'ГСГ (после мягкого согласного перед твѣрдым)

перед **ы** – *б'ажы́т', жады́, йазы́к, кр'асты́, л'ажы́т' (9), сп'ашы́м, с п'ир'апры́шк'и, ч'аты́р'и (3); – 18; – б'ежы́, в'ежы́т'е, д'ержы́, кр'есты́, л'ежы́т'; – 5; всего 23;*

– н'а бы́л, н'а вы́ч'еркну́л'и; – 2; – н'е бы́л, н'е бы́л'и; – 2; – всего 4;

перед **у** – *а ул'ану́тца, а ул'ану́лэс', атв'арну́с'а, б'ажу́, б'ару́, б'ару́т' (4), в'арну́л'ис', ул'ажу́, зэб'ару́т', пэв'арну́лэ, прыв'азу́т' (2), прын'асу́; – 16; – б'еру́т' – 1; всего 17;*

– п'ир'ау́лэж – 1;

– н'а бу́ду (3), н'а бу́иш (2), н'а бу́ит' (3), н'а ту́тэжа; – 9; – н'е бу́ду (4), н'е бу́ит'; – 5; всего 14;

– йаму́ (13); – йему́ (3); всего 16;

перед **ó** – бэс'ако́м (3), в'адро́, в'асно́й, дәл'ако́ (2), йало́выи, Јаро́уму, Јарио́ва (2), кэл'асо́, Л'ао́ну, л'ано́вы (льняные), с'ало́ (3), с'астро́й, с'им'ано́, с'л'апо́й (3), Ф'адо́:ч'ха, ф Прыд'н'астро́в'и, ч'арво́нцы; – 25; – Б'ело́вы, л'ено́выи, л'ено́вы, м'ешо́к; – 4; всего 29;

– јиро́й (герой) – 1;

– л'оно́вэ́йа н'и́тка – 1;

– н'ир'аво́т; – н'ир'ево́ды; – всего 2;

– н'а мо́жу (2), н'а мо́жыш, н'а мо́жэ, н'а по́мн'у (2), н'а по́мн'иш, н'а хо́ч'ит' (2), н'а хо́ч'ит'и; – 10; – н'е бо́л'и'и, н'е мо́жу (3), н'е по́мн'у (3), н'е по́мн'ит', н'е про́бэвэ́нэ, н'е про́бэ(ва)ла, н'е то́ итэ, н'е тро́ үдэ; – 12; всего 22;

– йаво́ (11), јаво́, йаво́ (8), јао́ (2), йао́ (10), у н'ао́, фс'аво́, ч'аво́ (11), ч'аво́, ч'ао́ (2), н'ич'аво́, н'ич'ао́ – 50; – вс'ево́, йево́ (6), йево́ (7), с'ево́, йео́ (11), ч'ево́; – 27; всего 77;

перед **á** – Ал'акса́ндра, в'адро́, в'азáть (2), в'азáлэ, вз'алá (6), вз'а-лас', вс'ау́дэ, выйавáл'и, үр'аха́, дв'ана́тцэт', з'арна́, зэл'азáт', зэл'а-тáт', из'д'авáтцэ, кэл'асá, кыч'алáи, л'ажáт', л'ажáл, л'ажáлэ, н'ат-на́цэт' (2), пэ́дв'азáл, пэ́рс'адáт'л'им, с'алá, с'астро́ (3), св'азáла, с'в'аклá, сл'апáйэ, см'атáнку, сп'аклá, ч'арда́к (2), ч'асá (2), ч'ир'акá; – в'азáт'; – 44; – Ал'екса́ч'х'и, атл'ета́ит', бр'еха́т', в'езáт', в'езáл'и (2), в'езáнку, вз'елá, вэ́йева́лэ, д'в'ена́цэт' (2), д'ержа́л (5), д'ержа́лэ, д'ержа́л'и, д'ержа́лэс'а, д'ержа́лэса, з'ерна́, Йева́н'ка, л'ежа́л, н'и ч'ер-та́, пэ́в'езлá, с'в'ит'ерка́, с'емна́тцэт', с'им'ена́; – 28; всего 72;

– ап'ира́ц'и́йу, ү'икта́рэ, т'ил'иура́му; – 3;

– зэв'озáт', пэ́в'озáтца; – 2;

– н'ир'абра́лсы; – б'есплáтнэ; – б'ез ма́сла; – всего 3;

– н'амá (9); – н'е үра́мэтны, н'е үра́мэтнэму, н'ема́ (27), н'еха́й (7); – 36; всего 45;

– н'а бра́лэ, н'а да́й бо́х (4), н'а да́с'т', н'а зна́йу (2), н'а зна́я, н'а на́дэ, н'а ска́жыт'; – 11; – н'э бра́л'и; – н'е да́й бо́х (2), н'е зна́йу (12), н'е зна́я, н'е зна́ит', н'е ма́йу, н'е ма́л, н'е ма́тк'и, н'е на́дэ (4), н'е пла́ч', н'е пра́вда, н'е ра́с (2), н'е сва́р'иш, н'е сва́р'ут', н'е ска́жыш, н'е ска́жыт', н'е спра́иуит', н'е та́к (2); – 35; всего 46;

– јана́ – 1.

В позиции С'ГСС'Г (после мягкого согласного и [й] на месте /j/ перед группой согласных с первым твёрдым и последним мягким)

– з'амл'и́ (2), Јарм'и́ла, Јарм'и́лэ, Јарм'и́лэвэ, т'апл'и́ч'ка, т'апл'и́ч'ку; – 7; – зв'ерк'и́, ув'езл'и́; – 2; – всего 9;

- з'амл'у (2), с'амју (2), – с'емју; всего 5;
- д'евч'онкэ (2), см'ерт'онэи (2); – 4;
- Ал'акс'ей (2), ув: з'амл'э, С'ар'у'ей, С'ар'у'ейка, С'ар'у'ейк'и; – 6;
- в'ерт'эш, в'ерт'эжэм, зэ Йерт'ейку, С'ер'у'ейка; – 4; всего 10;
- з'амл'а, с'амја (3); – 4; – бр'ехн'а, д'евч'ат, з'емл'а, с'емја, ч'ерт'акэ; – 5; всего 9;
- Јав'уэн'ивна (2), Јав'уэн'ивнэ, йавреи; – д'евч'ат; – всего 5;
- ур'иб'ошк'и – 1;
- п'ир'а'ун'имшы; – дл'и см'ерт'и; – всего 2.

В позиции С'ГС'Г (между мягкими согласными и [и] на месте /j/)

перед **й** – вз'ал'ис', вз'ал'ис'е, ул'ад'иш, ул'ад'ит', Д'ам'идэвэ, Д'ам'идэвы, Д'ам'ич'иху, зэс'в'ат'ит', йад'им, л'ач'ис', пэ'ул'ад'им (2), пэ'ул'ад'ит'а, пэ'ил'ад'и, пэс'в'ат'ил'и (3), прыв'аз'л'и (3); – 20; – аб'иес'н'ит' (2), эб'иес'н'ит', б'ер'и, б'ер'ит'е, Д'ем'идэва, зв'ер'к'и, кр'ес'т'ит', пэ'ид'им, пэс'в'ет'ил'и (3), пррн'ес'л'и, прыв'ез'л'и (4), прын'ес'л'и, с'в'ет'ит', с'ир'ед'ину; – 20; всего 40;

– д'ис'т'в'ит'л'нэ, т'ил'ив'изэру (2), т'ил'ив'изру; – 4;

– н'е в'ижу (2), н'е в'иднэ; – 3;

– н'и п'ит' – 1;

перед **у** – с'ам'ју; – см'е'јутцэ, см'е'јуцэ; – всего 3;

– н'е л'уб'у – 1;

перед **б** – б'ар'ома, б'ар'от', д'ат'онкэ, д'ат'онку, т'ак'от', ч'а'јоч'ик; – 6; – атн'ес'ош, б'ер'ош (2), б'ер'от' (3), б'ер'ом (3), б'ер'от'а, в'ер'о'ук'им, в'ер'х'ом, в'ед'ош, д'ет'онэ (2), д'ет'онка, д'ет'онкэ (7), д'ет'онку, д'ет'онкэф, зэн'ес'ош, л'еб'откэй, н'ес'ош, Н'ес'т'орч'к'инэ, п'еч'онэвэ, прыв'ез'от' (2), прын'ес'от', с'ед'мо'й, С'ем'он (2), см'е'јотцэ, с'т'ер'ох; – 38; всего 44;

– в'ид'ом – 1;

– н'е йд'от', н'е п'јот'; – 2;

– јајо; – йејо (10); – всего 11;

перед **э** – ул'ад'эт' (2), д'ат'ей (2), л'ач'эн'е, нэ с'ар'эд'н'им, пэ'ул'ад'эт' (4), пэ'ул'ад'эл, пэ'ул'ад'эл'и (2), пэ'ур'аб'эн'ийа, пэ'ур'аб'эн'е (2), пэ'ур'аб'эн'а (3), С'ар'у'ейкэ, ч'ар'эшэнк'и; – 21; – б'ер'эм'инэ'а, б'ер'эм'инэ'й (3), б'ер'эм'инэ'й, б'ер'эм'иным, ул'ед'эт' (4), д'ер'эвн'а, д'ет'ей (17), ин'т'ер'эснэ, н'ев'эска, н'ев'эску, нэ пл'еч'э, пэ'ул'ед'эл, пэ'ул'ед'элэ (2), пэ'ур'еб'эн'ийа, пэ'ур'еб'эн'е (2), пэс'в'еш'эн'е, Т'ер'эн'т'ийу; – 40; всего 61;

– в'из'д'э, вэз'н'ис'эн'е, вэскр'ис'эн'а, д'ир'эвн'и, ин'т'ир'эсна, Ир'ин'ей, Ир'ин'ейа, н'ид'эл'а, н'ид'эл'и (2), н'ид'эл'у (4), р'ип'эл, ф Т'ир'ин'ештэх, цар'н'иб'эсный; – 17;

– б'ез'д'эн'их, н'ир'ев'эс'т'; – 2;

– н'е д'элэт', н'е д'элэл'и, н'е с'эйут', н'е с'эй; – 4;

– м'ин'э (Р. – 43, Д. – 23, В. – 12, всего 78); т'иб'э (Р. – 10, Д. – 31, В. – 5, П. – 1, всего 47); с'иб'э (Р. – 1, Д. – 14, всего 15); – 140;

перед **а** – пэт'ар'аиш, пэт'ар'алэс', нэч'ар'апэйу, Ч'ал'аб'инскэйа, Ч'ал'аб'инскэй; – 5; – аб'еш'и'айу, атв'еч'аицэ, в дв'ер'эх (2), в'ен'ч'ал'ны, д'ев'атэй, д'ев'атэвэ, д'ев'аты, д'ет'ам (3), з'д'ет'ам'и, зэсм'ејал'ис'а, йед'ат', м'ел'ас (патока), м'ел'аскэ (2), м'ел'аску, нэ пл'еч'эх, п'еч'ал'ч'и,к, пэт'ер'ала, прійеж'ж'аит', прійеж'аит', прыйеж'алэ, прійеж'ал'и, пррч'еш'и'ал, с'м'ејал'ис'а, см'ејал'ис'э, уйеж'аит', Ч'ел'аб'инск, ф Ч'ел'аб'инскэм; – 31; всего 36;

– бл'ис'т'аиш'и'ийа, Д'ир'аја (2), н'ил'з'а (3), с'ич'ас (11), с'ич'ас, шыд'ис'ат; – 19;

– м'ин'а.

После отвердевшего согласного: зэкрапл'оныи, пòлчасá, чáвó (2), чáвó, чáтырнэцэт'; – рэб'онка, пэсред'и, пэсвет'ил'и, свет'ил'и, ч'ирепók; – вэскрыс'эн'йа, вэскрыс'эн'е, сых'ас, сич'ас, сиб'э; – ч'ираз јót, ч'ираз д'эс'ит'; – 18.

После выпавшего согласного в начале слова и после гласного: бáпкэ ел'энэ; – ий бó ју, ивó, иó (его), зэ ијó, как ијó, иш'ó (14), мáмк'ин ыш'ó (2); – пр'ишж'аит' (2), прѣшж'ал (3), прышж'аит'е, п'ишс'ат (2), ушж'ат'; – 31.

На месте /и/ – б'ел'эт, К'ци'ен'óф, н'ахтó.

Отведён от подсчётов пример с'эмсót в связи с произношением с'эм-сот и с'ёмсót, свидетельствующем о восприятии его как сочетания слов.

Таким образом, в расшифровке первых двух часов звучания рассказа Д. Г. Тютюнниковой встретилось на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягкого согласного 815 примеров произношения, после отвердевшего согласного – 18 примеров и после выпавшего [ј] ([и]) в начале слова и после гласного – 31 пример, всего 864 примера.

Дальнейшее изменение предударного вокализма говора наблюдается в идиолекте А. З. Донцовой.

В позиции С'ГСГ' (после мягкого согласного перед твёрдым)

перед **ы** – л'ажы́т' (2), пэл'ажы́м (2), п'ир'ары́ў, с'астры́, цв'аты́ (3), ч'аты́р'и (2); – 11; – л'е́жыт', – в'есны́, л'е́жыт', р'ешы́л'и, с'естры́ (2), ч'есы́; – 7; всего 18;

– н'е вы́с:хла – 1;

– н'и бы́л'и – 1;

перед **у** – б'ару́т', б'ару́т, в'азу́т', в'арну́цы, в'арту́к'и, ұл'ажу́ (2), зэв'арну́ла, л'ажу́ (3), св'аклу́ (3), св'акру́ха, св'акру́хэ (2), с'в'акру́ха, с'в'акру́хэ (2), с'т'ану́, т'ану́т', т'ану́ла, пррры́т'ану́ла, – 24; – б'еру́ (2), в'ерну́цу, ы́еду, л'е́жу, п'еку́, прын'есу́, с'естру́, т'ену́ла, ч'ему́р; – 10; всего 34;

– н'а бу́ду, н'а бу́ит', н'а ұлу́пэс'т'и, н'а кұшы́аца, н'а у́ч'к'и; – 5; – н'е му́ч'ил, – н'е бу́ду (2), н'е хлу́пэс'т'и, н'е ду́жэ (2), н'е ду́жэ, н'е ку́шыл; – 8; всего 13;

– н'и ку́ны – 1;

– йаму́ (3);

– йиму́, пэч'иму́ (2);

перед **о** – в'адро́, вэ'ало́, к'ис'л'акóм, м'ашо́к, у С'в'ардло́в'и; – ч'асо́ў; – 6; – с'ело́, – б'еуóм, в'ич'ерко́м, д'еу́чо́нку, д'ело́ў, кэл'есó, Л'ео́н'т'ивна, м'ешко́ў, м'ешо́ч'к'и (3), м'иртв'ецо́ф, пэр'еуóч'у, р'емо́нт, р'емо́н'т'ик (2), П'етро́ич', С'в'ердло́ў, с'ело́ (2), с'ело́м, с'емсо́т, ч'есо́ў (3); – 25; всего 31;

– с'изóну (2), ф Х'ирсо́н'и; – 3;

– у С'в'ордло́в'и;

– н'амно́шкэ – 1; – н'е́мно́шкэ; – н'емно́шкэ (17), н'емно́шкэ, н'емно́шка (3), пэн'емно́шкэ (2); – 24; всего 25;

– н'имно́хэ, н'имно́шкэ (8); – 9;

– н'а по́мн'иш, н'а ў ро́ку; – 2; – н'е ко́н'ч'ил'и, н'е ко́н'ч'уцу, н'е мо́жу (4), н'е мо́жыт', н'е мо́жэ, н'е мо́жым, н'е мо́жэм, н'е мо́жут', н'епло́ха, н'е по́мн'у (3), н'е хо́д'у, н'е хо́ла́днэ, н'е хо́ч'ит' (2), н'е хо́ч'ут', – 20; всего 22;

– вс'аво́, фс'аво́, йаво́ (3), йаво́ (2), йао́ (2), н'ич'ао́; – йаво́; – 11; – йево́ (2), – вс'ево́ (4), (в)с'ево́, фс'ево́, йево́ (5), йево́ (8), йео́ (5), ч'ево́, н'ич'ево́ (3), н'ич'ео́, н'ч'ео́; – 32; всего 42;

– н'ич'ио́ (5), н'ч'ио́ – 1; – всего 6;

перед **а** – вэ'ала́, в'асна́, кэн'ака́, л'ажáлэ, пэл'ажáл, мыс'т'арá; – 6; – ап'ера́ц'ийу (2), б'ежа́т', в'едра́, в'езáт' (2), вре́м'енá, пэв'езáт', попэ́дзэв'езáл'и, в'есна́, вэ'елá (3), вч'ера́ (2), дв'ена́цáт' (3), д'евáт', д'ержáл'и (2), з'ерна́, им'енá, л'еу́ла, л'ежа́т' (2), прэл'ежа́л,

прэл'ежала, м'ешаим, м'ешал (2), пом'ешайт'и, м'с'т'ера, н'есла, нар'ежат', нэр'ежат', нэр'ежацэ, нэр'ежал'ис'а, п'етнацэ(ть), п'етнац, поп'и.г'ив'езат', пэм'ешайу, пузам'етала, р'ешат', св'екла, с'емнацэт', с'естра (8), см'етана, сп'евалэ, с'т'енá, уч'ера, ч'еса (7); – 65; всего 71;

– *ап'ирац'ийу, ап'ирац'ия, в'иранда, у'иктар, с'истра; – 5;*

– *нэч'эвал;*

– *пер'асатка – 1; – б'ез улаз'и, п'ир'естал'и; – 2; всего 3;*

– *н'ема (19), н'едáмнэ, н'епраил'нэ (2), нехай; – 23;*

– *н'има (3), н'ихай (13); – 16;*

– *н'а знаим – 1; – н'е знайу (16), н'е знай, н'е знау, н'е знаиш, н'е знаим (3), н'е знала, н'е на́дэ (2), н'е на́а, н'е скажу (2), н'е стал, н'е то́; – 30; всего 31;*

– *н'и знайу, н'и знаим; – 2;*

– *йана́ – 1.*

В позиции С'ГСС'Г' (после мягкого согласного и [й] на месте /j/ перед группой согласных с первым твёрдым и последним мягким)

– *л'а ул'и, м'ашк'и; з'амл'у (2), з'амн'у (=землю); – 5; – з'емл'и (2), пэв'езл'и, пув'езл'и, с'естр'ич'кэ (3); з'емл'у; – 8; всего 13;*

– *пэв'изл'и, прыв'изл'и; – 2;*

– *д'евч'онкэ, д'евч'онк'и; – 2;*

– *д'ивч'он(ка), ч'итв'ортэ – 2;*

– *нэ з'емл'э, ф'с'ин'т'ебр'э; – 2;*

– *т'ирп'ен'а – 1;*

– *з'амл'а – 1; – з'емл'а, с'емйá, с'ин'т'ебр'á; – д'евчáты; – 4; всего 5;*

– *Д'имjáнэич', с'имjá; – 2;*

– *дл'а вс'эх – 1;*

– *н'е бр'эшу – 1.*

В позиции С'ГС'Г' (между мягкими согласными и [й] на месте /j/)

перед **й** – *ул'а:д'ит', ул'ад'и (2), д'ис'ат'и, зэс'т'ал'илэс', Йаф'имуч', Кэпт'ал'инэ, нэч'ал'и, пэс'т'ал'ил, уз'а(л)к'и; – рэс'т'ал'ил'и; – 11; ул'ед'иш, ул'ед'и (2), зэм'ес'ил'и, йейч'к'и, йейч'ик, пэ'б'эл'ил'и; – абйес'н'ит', б'ел'ит', б'ер'и, б'ер'ит'и, в'ез'л'и (2), ул'ед'иш, ул'ед'ит'и, д'ив'ет'и, д'ис'ет'и, зэм'ес'ил'и, зэшыв'ел'и́цы, Йеф'имэич', Капэ́т'ел'ина, Капт'ел'ина (2), Кэпт'ел'ина, м'ес'ил'и (2),*

апр'ид'ел'ил'ис', пәйед'ім (2), пәс'т'ел'іт', приѣ'ел'і, пув'ез'л'і, с'в'ет'іт', с'ем'і (3), упер'ед'і; – 37; всего 48;

– бл'ис'т'іт', м'ис'іл'и, прын'ис'і, св'из'л'і; – 4;

перед ѱ – св'еч'ѱ, С'ер'ѱн'а, С'ер'ѱн'и, ч'ейку (2); – 5;

– хәз'иѱум – 1;

– н'е л'ѱб'у – 1;

перед б – б'ар'ом', б'ар'ом, з'ал'онәйә, з'ал'онә, з'ал'онә':н'кы, н'ас'ом, п'ак'ом', С'ам'он, уп'ар'ом'; – 9; – з'ел'оныи; – апррд'ел'онәйә (2), апырд'ел'онәйә, б'ер'ом' (3), б'ер'ом (5), в'ез'ом' (2), в'ез'ом, д'ет'онкә (4), д'ет'онку, д'ет'он:ч'ка, з'ел'оны, кәс'еч'ок, кәт'ел'цоб, н:б'ер'ош, п'ек'ом (2), п'ек'ом'и, п'еч'о (= плечо), с'ед'моо, С'ем'он (5), С'ем'онә, С'ем'ону (2), см'ејоцә, сп'ек'оцы, т'ек'ом', т'ел'онәч'ик, уп'ер'ом (4), фп'ер'ом, ч'ет'в'ортәо, ч'ет'в'ортәә, – 49; всего 58;

– кәс'ич'оч'ик, С'им'он (3), С'им'онәўна, т'ил'ифон, ч'ит'в'орты; – 7;

– йејо – 1;

перед е – н'ав'эскә, н'ав'эск'и, ч'ар'эш'н'и; – 3; – уч'ит'ел'ей, – б'ер'ет'ик (2), в'ез'е, д'ет'ей (9), л'еч'ебнәйә, л'еч'емнәе, н'ев'эскә, н'ев'эск'и (2), паул'ед'ел'ис', п'еч'ен'а, п'ил'ем'ен', пл'ем'ен':ца, пл'ем'ен'ицы, пл'ем'ен'икәм, с'л'ет'ела, пә с'ел'е, у с'ел'е, ф с'ел'е, ч'ер'ешынка; – 29; всего 32;

– вәскр'р'ис'ен'иә, ускр'р'ис'ен'а, д'ир'евн'у, д'ир'ейн'у (3), д'ир'евн'и, д'ир'ейн'и (2), д'ит'ей, л'ич'ебнәйә, л'ич'ебнә, (царствә) н'иб'эснәйә, н'иб'эснәе, н'иб'эснә, н'ив'эскә, н'ид'ел'и, н'ид'ел'у, П'ис'т'им'ейә, п'ич'ен'ие, ч'ит'в'ер'х'; – 21;

– б'из'етәвә; н'ир'ид'еләт', н'ир'ид'етым; – 3;

– н'е д'ерәж(ут), н'е з'д'еләдим, н'е л'ез'им; – 3;

– н'и д'еләит, н'и јез'д'ил'и, н'и с'к'ем; – 3;

– м'ин'е (65), т'иб'е (33), с'иб'е (15), с'иә; – 114;

перед а – апырд'ел'ацә, апырд'ел'айуцә, в'ен'ч'ацә, п'ирв'ен'ч'алис', д'ев'атый, д'ен'һам'и (2), д'ет'ам (4), д'ет'ам'и (4), кәт'ел'ца, м'ен'ал'и, пәт'ер'ал, с'ем'(ь)а, см'ейацә, см'ейацы, ус'ер'акәнә; – 22;

– атв'ич'аит', в'ин'ч'ал'и, в'ин'ч'ал'ис', в'ин'ч'ал'нәва, в'ин'ч'ал'нәва, д'ис'атәвә, д'ит'ам (3), йиж'ж'ай, мәт'ир'р'јал, мәт'ир'јалу (2), н'ид'ис'ат (3), шәп'ил'айу; – 15;

– с'ич'ас (10);

– н'ир'ев'аску, н'ир'едат'; – 2;

– н'ел'з'а; н'е ја, н'е п'ат'; – 3;

– н'и в'ажут' – 1;

– м'ин'а (5).

После отвердевшего согласного: *ча́йи*, *ча́тыр'и* (6), *ча́тырнэ́цэт'*, *ча́тыррнэ́цэт'* (2); – 10; – *бе́р'ом* (2), *све́рку́* (= свёклу), *мешо́ч'ку*; (в) *че́ра*, *четв'ортэм*, *че́тыр'и*; – *бе́р'и*, *бе́р'ом*, *бе́р'от'и*, *пове́зл'и*, *пове́зл'и*, *прыве́зут'*, *прыве́зл'и*, *с'вет'ит'* (2), *ре́б'ата*, *ре́шы́л*, *рэмо́н'т'ик*; – 18; – всего 28;

– *п'и́рары́ў* (2);

– *п'и́редат'*, *пе́ресатка*, *п'е́рэшил'и*; – 3;

– *п'и́рд'э́лыт'* – 1;

– без *ўл'и́ны*; – *ч'е́рэс кла́дб'иш'и*; – 2.

После выпавшего согласного в начале слова и после гласного: *та́к'* *ему́*, *ма́мэ е́jó*; – *ка́лэ иво́*, *иво́* (2), *и́jó*, *и́йó* (4), *вз'ал ы́йó*, *и́йч'ка*, *и́иш'к'и*, *иш'и'о́* (4), *иш'о́*, *иш'и'е́* (2), *иш'е́*, *ишишэ́*, *ишэ́* (2); – *по(в)е́зл'и*, *хэз'иева́т'*; – *на(в)и́р'ху́*, *п'и́ис'а́т* (10), *п'и́ишж'айу*, *п'и́ишж'ж'а́им*, *п'и́ишж'а́им*, *п'и́ишж'ж'а́й*, *п'и́ишжа́им*, *п'и́ишж'а́ит'*, *п'и́ишж'ж'а́и*, *п'и́ишж'а́им* (2), *п'и́ишж'а́й*, *п'и́(в)изл'и*; – 48.

Возможна диереза предударного гласного: *ва́скрр́с'е́н'е*, *ва́скрр́с'е́н'е*, *две н':д'е́л'к'и*, *ч'ты́р'и* (3), *ч'ты́ррнэ́цэт'*, *ч':са́*, *н'ич'о́*, *н'ч'о́*; – 10.

На месте /и/: *К(и)ше́н'оў*, *ч'асло́*.

Таким образом, в расшифровке первых двух с лишним часов звучания рассказа А. З. Донцовой встретилось произношение разных гласных звуков на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягкого согласного 756 примеров, после отвердевшего согласного – 36 примеров, после выпавшего согласного в начале слова и после гласного – 48 примеров и отсутствие гласного звука – 10 примеров, всего 850 примеров.

Следующий этап изменения системы предударного вокализма можно видеть в идиолекте Т. М. Дьяковой.

В позиции С'ГСГ' (после мягкого согласного перед твёрдым)

перед **Ы** – *бу́р'и́аны́*, *бу́л'аны́*; – 2; – *бе́ежы́т'*, *де́ержы́*, *зе́ин'т'и-ре́су́ит'*, *кр'е́сты́*, *па́н'е́тых*, *се́стры́*, *че́ты́р'е*; – 7, всего 9;

– *чи́ты́р'и* (2), *чи́ты́р'и*; – 3;

– *п'и́р'еклы́л'и* – 1;

– *поп'и́р'и́жы́л'и*, *б'исп'и́р'и́ры́ўнэ́*; – 2;

– *н'и ды́хыт'*, *н'и жы́л'и*, *н'и слы́шнэ́*; – 3;

перед **У** – *за́д'ару́т'*, *ра́бу́шка*, *па́с'т'и́р'ау́*; – 3; – *бе́ру́т'*, *бе́д'т'*, *ве́зут'*, *в ле́су* (3), *де́ру́т'*, *де́ру́тца́*, *ди́реву́шка*, *ди́реу́шка* (2),

ин'т'ир'есуит, н'есу, атв'ернулэс'а, атв'ернулэс', пррэт'енулэс'а; – 16; всего 19;

– б'иру, вл'ису, н'ису, прын'ису; – 4;

– н'е буду – 1;

– н'и буйт', н'и будут', н'и кушуйут', н'и нуэжнэ; – 4;

– йему (2);

– йому – 1;

– пэч'иму – 1;

перед б – з'арно – 1; – в'ирт'енó; – б'еуóм, в'едрó (2), в'едлó, в'ирт'енó, үр'иб'ешкó, дэл'екó, з'ерно, кэт'елок, л'есок, мэр'екóм, Петрó, рэз'в'елос'а, с'еод'н'и, с'им'енóу (3), т'ежóлыэ, т'еплó; – 20; всего 21;

– н'идэл'икó, н'ишкóм, т'ижóлыэ, т'ижóлээ (2); – 5;

– н'имношкэ (7), н'имножыч'кэ; – 8;

– н'е дойуу, н'е смóтр'ит, н'е тóт, н'е хоч'им, н'е хоч'ут'; – 5;

– н'и нóвэяа (2), н'и пóмн'у (3), н'и смóтр'ит', н'и тó (3), н'и хоч'им, н'и хоч'ут'; – 11;

– фс'афó, ус'афó, уфс'авó, йаó, ч'афó, – ч'аó; – 6; – вс'евó, фс'евó (2), вс'еó, йевó, йевó (3), йеó, ч'евó, ч'еó, н'ич'евó, н'ич'еó (5); – 17; всего 23;

– фс'овó, фс'офó, фс'оó, ч'овó (3), ч'офó, ч'оó (2), н'ич'оó (2); – 11;

– у н'ио, н'ич'иво, н'ич'ио; – 3;

перед ѓ – св'ежэит' – 1;

перед а – в бур'анáх, у бур'анáх, бур'йанáх; – 3; – атвэйевáл'и, атр'екáйуцá, б'ежáт', пэдб'еуáит', пууб'еуáл'и, вз'елá, в'ирт'енá, д'ержáт' (3), д'ержáл'и (2), прэд'ержáл'ис'а, зб'еркáсы (2), зэр'евáл, кэт'елкáм'и, кэч'енá, кл'естáм'и, л'еуá, пэл'ежáла, л'екáрствá, п'етнáцэт', п'етнáцт', п'етнáц, пэдл'етáит', ул'етáйут', пр'елá, с'естрá, с'им'енá (2), спл'етáл'и (2), т'еклá (2), ут'екáт' (2), фс'еуáдá (5), ч'есáл'и; – 43; всего 46;

– аб'изáт'ил'нэ, ад'ивáт' (2), ап'ирáц'иá, ап'ирáц'иá, вэс'имнáц:тэм (2), вос'имнáц:тэм, ү'и(к)тáра, дв'инáцэт' (2), дв'инáцэт', д'иржáт', д'иржáл'и (2), эб'изáт'ил'нэ, н'ислá, п'ер'н'ислá, п'ирн'ислá, пэн'ислá (4), пэн'илá, ур'изáйут', ц'(в)итáм'и, ч'исá, ч'ицá; – 28;

– кэч'ууáр – 1;

– н'емá (4);

– н'имá (5), н'ихáй (2); – 7;

– н'е дáм, н'е знáйу (6), н'е знáит'и, н'е нáдэ (2), н'е спáссэ, н'е тáк; – 12;

– н'и да́й бо́х (3), н'и жа́лэвэлс'и (2), н'и зна́йу (10), н'и на́ддэ (2), н'и ска́жэши, н'и ска́жыши, н'и та́к; – 20.

В позиции С'ГСС'Г' (после мягкого согласного и [й]) на месте /j/ перед группой согласных с первым твёрдым и последним мягким)

– пәт'акл'и – 1; – үр'иб'ешк'и, запр'еүл'и, з'емл'и, қәт'елк'и, м'ешк'и, пәт'екл'и, ут'екл'и (2); – ф с'ин'т'ебр'е; – з'емл'а, с'ин'т'ебр'а; – 11; всего 12;

– үр'иб'ишк'и, з'имл'и (3), прын'исл'и; – з'имл'е, нә Дн'истр'е; – р'имн'а; – 9;

– н'ир'е үр'емиши; – н'е қр'епк'иши; – 2;

– н'и врём'иных, н'и фс'е, – н'и вз'алә; – 3.

В позиции С'ГС'Г' (между мягкими согласными и [й]) на месте /j/)

перед й – үл'ад'иши – 1; – вз'ел'ис'а, дв'ер'и, зәв'ел'и, н'ир'ив'ел'и, прәв'ел'и, нәс'т'ел'ил'и, н'ет'н'истәйә, пл'ел'и (7), спл'ел'и, св'ет'ит', пәйед'им, т'ел'иләс', ч'ел'ев'ик'и, ч'ел'ев'ич'к'и; – 20; всего 21;

– атв'ис'т'и, д'ис'т'в'ит'ил'нә, з'ин'йтк'и, з'ин'йтәк (2), з'ин'йткәм, мәл'ек'и, н'ис'ит'и, плын'ис'л'и (4), св'ит'ил'и (2), т'ил'ив'изәру; – 15;

– н'ир'ик'инул'и (3); – н'и ихн'ийә, н'и с'ил'нә; – 5;

перед ү – нәв'ир'хү – 1;

перед б – пәд'ар'отцә, С'ел'аз'н'оух; – 2; – б'ер'ош (4), б'ел'ош (2), б'ер'от' (2), б'ер'ом (2), б'ер'от'и, д'ет'онәк (2), д'ет'оку, пл'ед'ош, р'еб'онкә, ф с'ер'отк'и (4); – 20; всего 22;

– б'ир'ош, д'ит'онәк (2), з'ил'он'ин'кәй, пл'ит'ош, нәпр'ид'ош, н'ис'ом (2), р'иб'онәк (3), с'ид'мой, т'ич'от' (2), ф с'ир'отк'и; – 15;

– н'и трóүйт'и – 1;

– йијó, пәд'н'ијó; – 2;

перед е – в'ис'ел'ей, д'ер'евн'их, кәт'ел'ең (2), қәт'ел'ең, к'т'ел'ең, пәүл'ед'ет', ч'ел'еш'н'и, ч'ереш'н'и; – 9;

– д'ир'ев'йив, д'ит'ей (8), ин'т'ир'еснә (2), ин'т'ир'еснәй, қәт'ил'ең, л'ич'ен'иү, н'ив'еска, н'ид'ел'и (2), н'ид'ел'у, н'имеңк'иши, П'ис'т'им'еи, пән'ид'ел'нә, пәл'ит'ел'и, пәл'ит'ел'и, пррыл'ит'ел'; – 24;

– н'е в'ер'ут', н'е д'ел(а)л; – 2;

– н'и з'д'еләнә, н'и йелә; – 2;

– м'ин'е (6), т'иб'е (2), т'ие, с'иб'е (5); – 14;

перед а – апр'ыд'ел'айут', д'ев'атәм, запр'еи'аит, кәз'л'ен'ат, кәт'ел'цә (2), л'ет'ат', св'еч'ам'и, с'мејал'ис'а; – 9;

– *д'ит'ám* (2), *д'ит'ám'и*, *л'ит'át'*, *п'ид'ис'át* (2), *с'ич'ác* (3), *см'ијáлс'и* (2); – 11;

– *н'ел'з'á* – *н'е ш'ш'ác*; – 2;

– *н'из'á* – 1;

– *м'ен'á* – 1;

– *м'ин'á* (2), *т'иб'á*; – 3.

После отвердевшего согласного: *пекл'и́*, *прел'и́*, *бер'óш*, *бер'ót'*, *бер'ут'* (2), *бел'т'*, *бер'ét'и*, *сверн'улэс'е*, *петна́цт'*, *Петра́*, *падбеуáи(т)*, *падбеуáйут'*, *прыбеуáит'*, *убеуáйут'*, *атрекл'ис'* (2), *збереуáт'ил'на́*, *зэпреш'áйу*, *запреш'áйт'*, *п'иле́ прав'ил'ис'*, *п'иле́ прав'ил'ис'е*, *пэст'ел'áл'и*, *Федóт*, *фпер'ót*, *пэверн'утца*, *привезáл*, *привезáл*, *аддел'én'ие* (2); – *стрил'át'*; – *ч'ириш'ч'ác*, *п'иджы́ла*, *прч'ýс'т'в'ие*; – 34.

После выпавшего согласного в начале слова и после гласного:

– *Ива́н'у'ил'е* (4), *а иму́*, *иво́* (2), *ијо́* (8), *ийо́*, *иш'ó* (6), *иш'и'е́*, *иш'е́*; – 24;

– *хэз'иева́т'*, – *пэ(в)изл'и́*, *п'иис'át* (8), *пр'ииж'áит'*, *пр'ииж'áим*, *пр'ииж'áл'и* (2), *п'лииж'ж'áит'*, *уиж'ж'áит'*; – 16.

Возможна диереза предударного гласного: *н':д'él'у* (5), *н':д'él'и* (2), *прин'с'ót'*, *прин'с'ét'*, *ч'ты́р'и* (2), *ч'ты́рнэцэт'*, *ч'ты́р'истэ*, – *н'(е)дáл*; – 14.

Таким образом, в расшифровке двух с половиной часов звучания рассказов Т. М. Дьяковой встретилось на месте гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после мягкого согласного 442 примера произношения, после отвердевшего согласного – 34 примера, после выпавшего в начале слова [j] ([й]) и после гласного – 16 примеров, нуль гласного в результате диерезы – 14 примеров, всего 506 примеров.

Сравнение произношения Е. П. Шиленковой, Д. Г. Тютюнниковой, А. З. Донцовой и Т. М. Дьяковой показывает увеличение количества примеров с [е] ([е]) по сравнению с [а] ([а]). Система предударного вокализма после мягких согласных Е. П. Шиленковой ближе всего к сильному яканью, но она уже поколеблена и на месте предударного [ʼа] возникает [ʼе], в первую очередь, в позиции С'ГС'Г̃ и в служебных морфемах (приставках, предлогах, частице *не*) и местоимениях. В речи Д. Г. Тютюнниковой отражается следующий этап этого изменения, её система предударного вокализма ближе всего к С'аСГ̃ || С'еС'Г̃, которая предшествует умеренному яканью. О системе А. З. Донцовой можно

говорить как о еканье со следами сильного яканья. И ещё меньше этих следов в идиолекте Т. М. Дьяковой.

Т а б л и ц а 1

Соотношение примеров с [a] ([a]) : [e] ([e])				
в позиции С'ГСГ'			в позиции С'ГС'Г'	
в корнях знаменательных слов	в служебных морфемах	в местоимениях	в корнях знаменательных слов	в служебных морфемах
Е. П. Шиленкова				
198:19 = 91:9%	31:90 = 59:41%	16:17 = 48:52%	65:60 = 52:48%	6:17 = 26:74%
Д. Г. Тютюнникова				
103:38 = 73:27%	45:93 = 33:67%	64:30 = 68:32%	52:132 = 28:72%	0:12 = 0:100%
А. З. Донцова				
48:107 = 31:69%	10:108 = 9:91%	14:32 = 30:70%	23:142 = 14:86%	0:9 = 0:100%
Т. М. Дьякова				
9: 87 = 10:90%	0:23 = 0:100%	6:19 = 24:76	3:58 = 5:95%	0:4 = 0:100%

Можно видеть также, как на месте гласных неверхнего подъёма при уменьшении числа примеров произношения предупредного [’a] увеличивается количество примеров с предупредным [и]. Идеолект Т. М. Дьяковой уже можно считать переходным от еканья к иканью.

Т а б л и ц а 2

Соотношение примеров с [a, e] : [и]				
	в корнях знаменательных слов		в служебных морфемах	
в позициях	С'ГСГ'	С'ГС'Г'	С'ГСГ'	С'ГС'Г'
Е.П.Шиленкова	218:7 = 97:3%	125:56 = 69:31	219:0 = 100:0%	23:0 = 100:0%
Д.Г.Тютюнникова	141:4 = 97:3%	184:41 = 82:18%	137:0 = 100:0%	12:1 = 92:8%
А.З.Донцова	155:8 = 95:5%	158:48 = 77:23%	118:29 = 80:20%	9:7 = 56:44%
Т.М.Дьякова	95:40 = 70:30%	61:65 = 48:52	23:55 = 29,5:70,5%	4:9 = 31:69%

В речи других жителей Куничи обнаруживаются дальнейшие этапы этого процесса, а у младшего поколения встречается последовательное иканье.

Возникает вопрос, от чего зависит различие систем предударного вокализма этих четырёх женщин. Все они родились и всю жизнь прожили в Куничах. Диалектологи обычно обращают внимание на возраст информантов и их образование, но в данном случае эти признаки не объясняют различия идиолектов. Самая молодая и самая образованная – Е. П. Шиленкова, ей было в момент записи 68 лет, она кончила 7 классов школы, и у неё самая архаическая из этих систем. Остальные женщины примерно одного возраста: 79, 80, 81 год. Но у Т. М. Дьяковой система, самая продвинутая в процессе перехода от яканья к еканию и иканию, а ей 79 лет, и она училась в школе всего 1 год, не читает, может только расписываться.

Известно, что разные люди по-разному воспринимают, изучают, усваивают другие языки, кроме родного. Но очевидно, что и родным языком разные люди владеют по-разному. Главное в данном случае – это особенности характера человека, его способности к восприятию закономерностей родного языка. Возможно, этим объясняются языковые различия между данными женщинами. Возможно также, что на усвоение и использование ими языка повлияли какие-то особенности в их судьбах, мне не известные и требующие дальнейшего изучения.

Система, подобная куничской, обнаружена мною в говоре жительницы села Мотня Бичурского р-на Бурятии, где живут старообрядцы «семейские», предки которых в XVIII в. были переселены туда из Ветки – известного центра старообрядчества на юго-западе России (сейчас г. Ветка Гомельской обл. Белоруссии). В этом говоре соотношение предударных [а] ([a]) и [е] ([e]) в позиции С'ГСГ' отражено в 124:67 примерах (65:35%), а в позиции С'ГС'Г – 24:90 (21:79%) [Касаткин 2002].

Этот тип предударного вокализма после мягких согласных свидетельствует о путях перехода от сильного яканья к умеренному и к еканию и иканию. На месте предударного [а] появляется [е], который представляет ту же архифонему, что и [а]. Звуки [а] и [е] – варианты одной и той же фонологической единицы, в некоторых случаях можно говорить о их позиционной прикреплённости. Эта архифонема соответствует всем фонемам неверхнего подъёма и равным образом противопоставлена остальным двум фонемам, выступающим в той же позиции, – /и/ и /у/ [Касаткин 1999: 423]. Изменение [’а] > [’е] не приводит к изменениям в фонологической системе: соотношение между фонемами остаётся прежним, набор дифференциальных признаков этой архифонемы не меняется при воплощении её в звуке [’а] или [’е] (хотя, конечно, набор

интегральных признаков этих звуков разный). Изменение [’а]>[’е] носит чисто фонетический характер.

У ударного звука [а] соседняя с мягкими согласными фаза упередняется, более точное обозначение такого звука в транскрипции после мягкого согласного перед твёрдым [ᵃ], между мягкими – [ᵃᵃ]. Переход от [и] – звука верхнего подъёма к [а] – звуку нижнего подъёма требует достаточной напряжённости артикулирующих органов. В безударном слоге, где напряжённость артикуляции гласного меньше, чем у ударного, расстояние между этими фазами звука может сокращаться за счёт приближения центральной фазы к [и]: на месте [а]-образной фазы возникает [е]-образная: [ᵃ] > [ᵃᵃ], [ᵃᵃ] > [ᵃᵃᵃ]. Воздействие [и]-образной фазы на [а]-образную между мягкими согласными сильнее, чем после мягкого согласного перед твёрдым; этим объясняется разница в количестве примеров с [е] в этих позициях.

Основная причина изменения предударного [а]>[е], по-видимому, связана с тем, что артикуляция звука среднего подъёма [е] наиболее близка к нейтральному укладу органов речи в русском языке и требует наименьшей напряжённости артикуляции, тогда как [а] нижнего подъёма и требует большей напряжённости артикуляции, так как артикуляционно дальше отстоит от точки речевой позы (паузы). Это изменение соответствует общей тенденции, действующей в русском языке с древнейшего периода и связанной с изменением русской артикуляционной базы [Касаткин 1999: 131–139].

Соотношение примеров с [а] и с [е] зависит и от характера морфем с этими звуками. Различие это связано со степенью употребительности морфемы: более употребительные морфемы (приставки, предлоги, частица *не*, местоимения) произносятся при более быстром темпе проговаривания таких слов и ослаблении вследствие этого напряжённости предударного гласного, результатом чего и является изменение [’а]>[’е].

Произношение [и] тоже возможно в говоре Куничи, однако этот [и] следует расценивать здесь как реализацию фонемы /и/. Одна часть таких примеров – заимствования из церковнославянского и литературного языков, Другая часть таких примеров – результат быстрого темпа произнесения, который, в частности, характерен для высокочастотных слов и форм: *м’ин’ё, т’иб’ё, с’иб’ё*. Такое произношение этих форм характерно для всех типов яканья. Некоторые примеры – результат утраты [j] ([й]), предшествовавшего предударному гласному, вследствие чего этот гласный оказался в начале слова или после предшествующего [и] ([ы]), ассимилировавшего следующий гласный: *ивó, ијó, иш’ё* (это и

высокочастотные слова); *pr'uijz'ál'u*, *n'uiis'át*, *шыис'át* и др. Некоторые же примеры возникли по другим внутренним закономерностям перехода [е]>[и].

Возникает вопрос, почему говор Куничи, отражающий многие черты, известные в Юго-Западной диалектной зоне, характеризуется не диссимилятивным аканьем и яканьем, свойственными говорам этой зоны (см.: [ДАРЯ I, карты 2, 8]), а сильным аканьем и сильным яканьем, типичными для говоров Юго-Восточной зоны. Возникновение разных типов аканья и яканья на этих территориях Южного наречия связано с разной ритмической структурой слова: сильным 1-м предударным слогом и слабыми другими прикрытыми безударными слогами (кроме конечного открытого) в Юго-Восточной зоне и с чередованием сильного и слабого слогов с ориентацией на качество (степень долготы) ударного слога в Юго-Западной диалектной зоне; см. [Касаткин 2010; 2013: 70–73]. В говоре Куничи, исконно принадлежавшем территории Юго-Западной зоны, тоже должна была быть и та ритмическая структура слова, которая характерна для этой зоны. Однако предки куничан, оказавшись на территории Бессарабии, за два века изменили ритмический строй своего говора, по-видимому, под влиянием молдавского диалекта румынского языка, что и вызвало автоматически смену типов аканья и яканья. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В. И. Тудосе, которая также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что «в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье» [Тудосе 2003: 154].

Говор Куничи (как и говор Мотни) при этом сохраняет и некоторые следы прежнего состояния. Сравнение количества примеров с [а] ([ǎ]) и [е] ([ɛ]) после мягких согласных перед слогом с гласными верхнего и нижнего подъёмов указывает на некоторую диссимилятивную зависимость предударных гласных от подъёма ударных: примеров с предударным [а] перед ударными гласными верхнего подъёма больше, чем перед ударным [а]. В большей степени эта зависимость от позиции проявляется у приставок, предлогов и частицы *не* (см. табл. 3).

Таким образом, говор Куничи, изменив диссимилятивное аканье и яканье на сильное, сохраняет некоторые следы прежней системы диссимилятивного яканья.

Сравнение произношения четырёх пожилых женщин, близких по возрасту, родившихся и всю жизнь проживших в одном и том же селе, но отличающихся особенностями фонетических систем, выявляет пути отхода от исконной системы предударного вокализма после мягких со-

Таблица 3

Соотношение примеров с [a] ([a]) : [e] ([e])					
в корнях			в служебных морфемах		
в позиции С'ГГСГ		в позиции С'ГГС'Г		в позиции С'ГГСГ	
перед [ы], [у]	перед [а]	перед [и], [у]	перед [а]	перед [ы], [у]	перед [а]
Е. П. Шиленкова					
65:2 = 97:3%	95:12 = 89:11%	17:6 = 74:26%	14:28 = 33:67%	29:2 = 94:6%	72:86 = 46:54%
Д. Г. Тутонникова					
34:6 = 85:15%	44:28 = 61:39	21:22 = 49:51%	5:31 = 14:86	12:7 = 63:37%	21:73 = 22:78%
А. З. Донцова					
35:17 = 67:33%	6:65 = 8:92%	11:42 = 21:79%	0:22 = 0:100%	5:9 = 36:64%	2:55 = 3:5:96,5%
Т. М. Дьякова					
5:23 = 18:82%	3:43 = 7:93%	1:21 = 4,5:95,5%	0:9 = 0:100%	0:2 = 0:100%	0:16 = 0:100%

гласных и демонстрирует, как в реальности происходили и происходят изменения в русских говорах.

В связи с различиями ритмической структуры слова яканье в юго-западных говорах оформилось как диссимилятивное, а в юго-восточных как сильное. Сильное яканье могло преобразовываться в одних говорах в результате изменения предударного [’а]>[е]>[и] перед мягкими согласными через ступень С’аСГ’ || С’еС’Г’ в умеренное яканье (С’аСГ’ || С’иС’Г’)², а в других говорах в результате изменения предударного [’а]>[е]>[и] перед слогом с ударным [е] в ассимилятивно-сильное (традиционное название – ассимилятивно-диссимилятивное).

Ещё одну деталь процесса отхода от яканья можно видеть при сравнении примеров с ударным [о] в корнях знаменательных слов и в формах местоимений *всево́, ево́, чевó, ничевó*: произношение предударного [’а] чаще встречается (в процентном соотношении), т. е. дольше всего задерживается при отходе от яканья, в этих местоимённых формах, что наиболее ярко проявляется у Т. М. Дьяковой.

Т а б л и ц а 4

Соотношение [а] : [е] перед ударным [о]		
	в корнях знаменательных слов	в местоимениях <i>всево́, ево́, чевó, ничевó</i>
Е. П. Шиленкова	38:5 = 88:12%	14:16 = 47:53%
Д. Г. Тютюнникова	25:4 = 86:14%	50:27 = 65:35%
А. З. Донцова	6:25 = 19:81%	11:32 = 26:74%
Т. М. Дьякова	1:20 = 5:95%	6:17 = 26:74%

В говорах с донским типом яканья, для которого характерно произношение [’а] в предударном слоге только перед слогом с ударными гласными верхнего подъёма, встречается также, как пишет Д. М. Савинов, «последовательное отступление от системы предударного вокализма» – предударный [’а] перед слогом с ударным [о] в этих местоимённых формах. «Происхождение этого отступления не совсем ясно» [Савинов 2002: 267].

² Высказывалось предположение, что умеренное яканье возникло в результате влияния на южнорусские говоры среднерусских и севернорусских. Д. М. Савинов, рассмотрев эту точку зрения, показывает, как в действительности умеренное яканье могло возникать в результате внутренней «трансформации архаического вокализма» [Савинов 2013: 266–280].

На основании данных говора Куничи можно считать, что такие отступления свидетельствуют о предыдущем типе яканья, из которого позднее возник донской тип, – скорее всего, о суджанском. Задержка же изменения [a]>[e] в этих формах связана с губным согласным [в] и [в], который мог вызывать произношение предшествующего огубленного гласного. При выпадении этого согласного, что часто отмечается в говоре, возникает сочетание [оо], в котором качество предупредного согласного поддерживается ударным. Об этом говорят 11 примеров произношения Т. М. Дьяковой форм *фс'ово́, фс'о́во, фс'оо́, ч'ово́, ч'о́во, ч'оо́, н'ич'оо́*. В этих формах изменение предупредного [’о]>[’а] при возникновении аканья-яканья могло задерживаться, с чем связан и более поздний переход в этих формах [a]>[e].

Л и т е р а т у р а

- ДАРЯ I – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
- Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. 528 с.
- Касаткин Л. Л. Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. IV / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2002. С. 252–260.
- Касаткин Л. Л. К истории аканья – яканья // Русский язык в научном освещении, 2010, № 2 (20). С. 77–102.
- Касаткин Л. Л. Аканье и яканье в одном старообрядческом говоре и вопросы истории этих систем вокализма // Русский язык в научном освещении, 2013, № 1 (25). С. 70–85.
- Савинов Д. М. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. IV / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2002. С. 260–269.
- Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.
- Тудосе В. И. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // Старообрядцев Молдавии живое слово: Материалы международной научно-практической конференции «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность», [состоявшейся в г. Кишинёве (Республика Молдова)] 14–16 декабря 2002 г. Кишинёв, 2003. С. 153–163.

Leonid L. Kasatkin

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
rolekas@yandex.ru*

THE PROGRESS OF DEVELOPMENT OF YAKANYE IN ONE SOUTH RUSSIAN DIALECT

The article devotes to the pretonic vowel system in one South Russian Dialect. All examples of the pronunciation of the first pretonic vowels /a, e, o/ after soft consonants are given. The data extracted from records of the four women's idiolects (the first two hours). These native

speakers were born in an Old-Believers' village placed in Moldavia and lived there all the life. The comparison of their speech shows that the *strong yakanye* in the dialect changes to the system C'aCV//C'eC'V and then to *yekanye* and *ikanye* and this process is different in the different parts of speech and morphemes: some features of the *strong yakanye* are still preserved.

Key words: Russian Dialects, pretonic vowel system, *yakanye*, *yekanye*, *ikanye*

References

- Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [Dialectological Atlas of Russian language: The center of the European part of the USSR]. I. Fonetika [Phonetics]. R.I. Avanesov, S.V. Bromlei (Eds.). M.: Nauka Publ, 1986.
- Kasatkin, L.L. Akan'ie i iakan'ie v odnom staroobriadcheskom govore i voprosy istorii etikh sistem vokalizma [Akan'ie and iakan'ie in one dialect of Old Believers and some problems of the history of these vowel systems]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, No. 1 (25), pp. 70–85.
- Kasatkin, L.L. K istorii akan'ia – iakan'ia [For the history of „akan'ie – iakan'ie”]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, No. 2 (20), pp. 77–102.
- Kasatkin, L.L. Katagoshchinskoe iakan'e v govore semeiskikh – staroobriadtsev Zabaikal'ia [The iakan'ie of the Katagoshchi in the dialect of the „semeiskie” – Old Believers of Zabaikalie]. *Problemy fonetiki* [Issues of Phonetics]. R.F. Kasatkina (Ed.), Vol. IV, Moscow: Nauka Publ., 2002, pp. 252–260.
- Kasatkin, L.L. *Sovremennaiia russkaia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka* [Modern Russian dialectology and literary phonetics as the source for the history of Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «Iazyki russkoi kul'tury» Publ. 1999 528 p.
- Savinov, D.M. Ob osobennostiakh proiznoshenia mestoimenii v forme roditelnogo padezha (tipa *ego*) v iuzhnorusskikh govorakh [Some characteristics of the phonetic shape of pronouns in Genitive (of type “ego”) in Russian South dialects]. *Problemy fonetiki* [Issues of phonetics]. R. F. Kasatkina (Ed.). Iss. IV. M., Nauka Publ, 2002, pp. 260–269. (In Russ.)
- Savinov, D.M. *Evoliutsiia sistem vokalizma v iuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vowel systems in South Russian dialects]. Moscow: Vinogradov Institut of Russian Language RAS Publ., 2013. 319 p.
- Tudose, V.I. Osobennosti rechi zhitelii russkogo sela Kunicha v Moldavii [Some speech characteristics of rural population of Kunicha in Moldavia]. *Staroobriadtsev Moldavii zhivoe slovo: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Staroobriadchestvo Moldavii: istoki i sovremennost'», [sostoiaivsheisia v g. Kishineve (Respublika Moldova)] 14–16 dekabria 2002 g.* [Live word of old believer's of Moldavia: Materials of international scientific-practical conference “Old believers Moldova: origins and modernity”, [was held in Chisinau (Republic of Moldova)] 14-16 December 2002]. Kishinev, 2003, pp. 153–163.

Д. М. Савинов

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
crillon@yandex.ru*

Редукционные модели в южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом*

В статье показано, что развитие системы предударного вокализма в южнорусских говорах напрямую обусловлено изменениями, происходящими с ритмико-просодической структурой фонетического слова. Именно словесная ритмическая структура непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая в свою очередь определяет основные правила линейной организации звуковой последовательности. В этих диалектных системах отмечается устойчивая связь между сегментными и суперсегментным уровнями: артикуляционно-акустические характеристики гласных неотделимы от просодического уровня высказывания, а динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи. Бóльшая вовлеченность безударных гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространённость в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции безударных гласных до нуля. В говорах с диссимилятивным вокализмом выделяются две основные «редукционные модели» безударных гласных: «донская» и «калужская»; эти модели отличаются позициями, в которых отмечается редукция безударных гласных до нуля. Для отмеченных систем характерно не только различие в заударной части – редукция гласных до нуля в донских говорах и её отсутствие в калужском говоре, но и следствие этого резкого противопоставления предударной и заударной частей слова – усиление предударной части слова в донском говоре. Именно эта ритмика слова способствует распространению на территории Ростовской и Волгоградской областей сильного аканья.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, южнорусские говоры, аканье, яканье, просодическая организация диалектной речи, редукция гласных

К числу отличительных признаков фонетического строя каждой языковой системы принадлежит характеризующий его вид звуковой (ритмической) структуры слова. Этим термином обозначается «внешняя звуковая сторона оформления слова (“звуковая оболочка”) как целого

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

качественного образования, обладающего технической выделяемостью независимо от наличия или отсутствия у него “внутренней (семантической) определённости”» [Высотский 1973: 17–18]. Как известно, в русском литературном языке ритмическая структура слова описывается «Формулой А. А. Потебни»: 1–2–3–1–1¹, где цифрой 3 обозначается ударный гласный, цифрой 2 – гласный 1-го предударного или любого безударного начального неприкрытого слога, цифрой 1 – остальные безударные гласные. Эти числовые выражения были получены А. А. Потебнёй на основании распределения силы между ударным и безударными гласными.

Как показали позднейшие исследования, основными характеристиками гласного звука, формирующими его специфику в рамках фонетического слова, являются *тембр, длительность, интенсивность, тон и напряжённость*.

Ритмическая структура фонетического слова непосредственно участвует в формировании произносительной программы, которая в свою очередь определяет основные правила линейной организации звуковой последовательности. В первую очередь это положение касается интерпретации русского безударного вокализма, анализ которого затруднён или просто невозможен в отрыве от просодических характеристик слова и фразы, поскольку сегментные характеристики безударных гласных неотделимы от суперсегментного уровня высказывания, а динамика развития вокалических систем может быть раскрыта только в ракурсе просодии речи.

Так, Юго-Западная и Юго-Восточная зоны Южного наречия отличаются друг от друга типами предударного вокализма: диссимилятивное или сильное аканье. Однако различное «распределение по позициям в фонетическом слове [а] и [э] в говорах с сильным и диссимилятивным аканьем – это различие поверхностное, тогда как глубинное, лежащее в его основе – это отличие этих говоров по ритмической структуре слова» [Касаткин 2012: 310]. Для Юго-Западной зоны характерен «совмещённый» ритмический контур, для Юго-Восточной зоны – ритмический контур «сильный центр и слабая периферия». Первая модель может быть представлена двумя вариантами, находящимися между собой в отношениях дополнительной дистрибуции. В наиболее архаическом варианте они представлены следующими схемами:

¹ Позднее «Формула А. А. Потебни» была уточнена М. В. Пановым, который писал: «Последний заударный слог, если он открытый, может иметь силу = 1 и = 2; существуют, следовательно, два варианта произношения» [Панов 1979: 82].

2–1–2–3–2–1², где 3 обозначает ударные гласные верхнего и верхне-среднего подъёмов, и 1–2–1–3–1–2, где 3 обозначает ударные гласные среднего и нижнего подъёмов. Иначе говоря, в 1-м предударном слоге происходит позиционное чередование «сильных» и «слабых» слогов в зависимости от качества ударного гласного, то есть наблюдается закономерная цикличность в организации звуковой последовательности. Контур «сильный центр и слабая периферия», представленный, в частности, в литературном языке, основан на более или менее контрастном противопоставлении акцентного ядра слова всем остальным безударным гласным: 1–2–3–1–1 (современный стандарт литературного произношения) или 1–3–3–1–1 («старомосковское» произношение).

«Совмещённый» ритмический контур, то есть чередование долгих (или сильных) и кратких (или слабых) слогов, формируется определённой комбинацией значимых параметров, присущих вокальным компонентам слова. Как известно, диссимилятивный принцип проявляется, во-первых, в расподоблении гласных акцентного ядра слова по тембру, во-вторых, в их особом распределении по силе и долготе. Обычно качественная редукция гласного в системах с диссимилятивным вокализмом сопровождается также редукцией по длительности и интенсивности, хотя «существует множество случаев, где указанные закономерности не действуют» [Красовицкий 1999: 188]. Не случайно в диалектологической литературе существуют различные подходы к определению основного механизма, лежащего в основе подобной системы: одни исследователи считают, что наибольшей стабильностью при диссимилятивном аканье обладают тембровые характеристики гласных, другие – их количественные параметры. На этом основании выстраиваются противоположные иерархии признаков, формирующих структуру фонетического слова.

Эта разница в интерпретации связана с неоднородностью привлекаемых материалов, их различной диалектной локализацией. Общий анализ словесных ритмических моделей в говорах с диссимилятивным аканьем-яканьем свидетельствует о том, что структура «совмещённого» ритмического контура основана на сложной системе связей между вокальными компонентами фонетического слова, то есть на комплексном соотношении характеристик ударного и безударных гласных. Помимо количественных и качественных параметров гласных, в организации подобной системы важную роль играют также особенности мелодического оформления фонетического слова [Касаткина 2005: 41].

² Приведённые формулы приблизительно соответствуют соотношению длительности ударного и разных безударных гласных в слове, см. [Касаткин (ред.) 2005: 25].

Следует отметить, что диссимилятивный принцип затрагивает не только акцентное ядро слова, но и 2-й предударный слог, подобное чередование «сильных» и «слабых» слогов, как правило, отмечается в нейтральной просодической позиции, главным образом, в срединном положении во фразе, оно представлено с различной степенью выраженности в некоторых говорах с диссимилятивным аканьем. По данным Т. Г. Фоминой, в с. Кондрашовка и с. Стадница Семилукского р-на Воронежской обл. с семифонемной системой вокализма 2-й предударный гласный по длительности и интенсивности может превосходить 1-й предударный гласный, значительно сокращённый и ослабленный в позиции перед ударными гласными средне-нижнего и нижнего подъёмов [Фомина 1985: 121].

Иногда диссимилятивная зависимость наблюдается в 3-м предударном слоге; например, в русском говоре с. Татарйцы в Болгарии Л. Л. Касаткин отметил формы: *дэ салэв'ја, пэкавэр'ат', на лэшад'ей, нан'ур'ал'эз'л'и* [Касаткин 2008: 120]. Качество заударных гласных также может зависеть от качества ударного гласного. Так, в архаических говорах Семилукского р-на Воронежской обл. «сокращение длительности заударных гласных как бы обратно пропорционально длительности ударных гласных: при большей собственной длительности ударного гласного заударный гласный в одной и той же фонетической позиции имеет меньшую абсолютную и относительную длительности и наоборот» [Фомина 1985: 127], на проявление диссимилятивного принципа в заударном положении указывают также другие диалектологи [Аванесов, Орлова (ред.) 1964: 53].

Очевидно, что в подобной диссимилятивной системе фонетическая программа слова предопределяет большую функциональную значимость безударных гласных, чем в системах с резким противопоставлением акцентного ядра остальным гласным слова. Большая вовлечённость безударных гласных (прежде всего гласных предцентровой части) в позиционные чередования, а также сильная взаимозависимость вокальных компонентов обуславливают слабую распространённость в диалектных системах с диссимилятивным вокализмом редукции гласных до нуля³, особенно редко диереза гласных встречается в предударных слогах.

³ Как верно заметил Л. Л. Касаткин, обозначение «рассматриваемого явления как “редукции гласных до нуля” характеризует лишь часть примеров. В значительном числе случаев отсутствие гласного компенсируется другими фонетическими характеристиками слова <...>. Диереза гласного часто не отражается на общей длительности слова и количестве слогов» [Касаткин 2002: 43].

Например, в говорах Верхнедонского р-на Ростовской обл., характеризующихся жиздринским диссимилятивным аканьем и щигровским диссимилятивным яканьем, полная редукция 2-го предударного гласного наблюдается исключительно при наличии 3-го предударного слога, как правило, в приставке *пере-*: *n'ir'жыла́*, *n'ir'пуска́л'и*, *n'ir'в'арну́л'и*, *n'er'n'исла́*, *n'ir'крут'и́л'и*, *n'ir'нырн'о́т'*. Очевидно, что подобное произношение регламентируется не столько фонетической, сколько морфологической позицией, то есть оно связано с особенностями фонетического оформления префикса *пере-* в определённой ритмической структуре: *пере*+СГСГ(СГ) [Голубева 1985: 63].

Значительно чаще диереза гласных отмечается в заударной части слова: *расплáх*:(о), *на ста́нци́й*(и), *с мужжа́м'*(и), *жэ́ннэ́н*(у), *н'ида́вн*(о), *бо́л'иш*:(е), *на ф'и́рм'*(е), *по́мн'*(у), *а́д:ахну́л*(а), *скат'и́н*(ы), *па́јел*(а), *пап'и́др'л'*(и), *куш'о́фко́йт* (Кущёвку эту), *а́пράв'ил'*(и), *зауа́р'е́л*(а)*с'а́разува́р'ут'* (=разговаривают), *па́д'е́л'е* (= поделали) и др. Подобная схема редукции отмечается и в других населённых пунктах Волгоградской и Ростовской областей, это «существенное отличие донских говоров от других говоров, знающих диерезу гласных» [Касаткин 2002: 42].

В калужских говорах с архаическим диссимилятивным аканьем и архаическим диссимилятивно-умеренным яканьем диереза гласных фиксируется ещё реже, чем в донских; самым слабым здесь оказывается 1-й заударный гласный в структуре (СГ)СГСГСГ(С): *до́с*:(о)*ч'к'и*, *рабо́т*(а)*ла*, *а́д'и́н*:(а)*ца́т'*, *пáш'о́дрн*(о)*му* (по-чёрному), *n'ir'ив'е́р-т*(ы)*ва́т'*.

Очевидно, что редукционные модели, характерные для калужского и донского говоров с диссимилятивным аканьем, имеют принципиальные отличия, которые связаны с особенностями ритмической организации слова в этих диалектных системах. Диереза гласных в донских говорах отмечается в любом заударном слоге (наиболее часто – в открытом ауслауте) и связана с функциональной неравноценностью предцентровой и постцентровой частей слова. Как писал Л. Л. Касаткин, многие «донские говоры характеризуются резким различием между первой частью слова, кончающейся ударным гласным, и заударной частью слова» [Касаткин 2002: 60]. Более высокий уровень коммуникативной нагрузки на начало слова обуславливает выделение в ритмическом контуре его предцентровой части: все предударные гласные маркируются большей напряжённостью и длительностью, они менее подвержены централизации и вполне соотносимы между собой по некоторым качественным и количественным параметрам.

Усиление начальной части слова провоцирует понижение подъёма гласных 1-го и 2-го предударных слогов, появление в этих позициях *а*-образных звуков независимо от гласного под ударением, что особенно часто отмечается в сильной фразовой позиции. В таблице 1 представлены длительность, интенсивность и значение F_1 форм *маши́ніст*, *волоку́*, *заберу́*, *загорéлся*, *в положéнии*, *подошёл*, *полторá*, *набралá*, записанных в хут. Рубёженском Верхнедонского р-на Ростовской обл.; осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности форм *маши́ніст*, *загорéлся* и *полторá* см. на рис. 1, 2 и 3.

Таблица 1

звуки	t (мсек)	i (dB)	F_1 (Гц)
машан'іст			
а	55	73	790
а	92	71	810
і	100	70	380
валаку́			
а	75	72	760
а	103	73	840
у́	102	65	480
заб'ару́			
а	53	66	710
а	74	67	740
у́	68	60	430
зауар'е́л(а)с'а			
а	68	74	820
а	78	73	820
е́е	114	68	540 730
ф палажéн'ий(и)			
а	44	70	830
а	69	70	860
е́	98	63	680

падашбл			
а̇	61	69	700
ӓ	82	68	710
а̋	93	62	710
палтарá			
а̇	55	63	740
ӓ	84	66	760
а̋	99	65	840
наб'ралá			
а	43	66	800
а	47	67	790
а̋	100	71	810

В результате развития указанной тенденции звукотип [а] с усилением F_1 в области 740–850 Гц становится основной реализацией фонем /о/ и /а/ в 1-м предударном слоге, в том числе и перед ударным [а]; во 2-м предударном слоге довольно часто произносятся гласные [а̇] и [ӓ] с F_1 690–830 Гц. Эти предударные гласные сближаются по интенсивности и значению F_1 , но продолжают противопоставляться по долготе: в среднем длительность 2-го предударного гласного составляет 70 % длительности 1-го предударного, то есть двухступенчатая модель количественной редукции в целом сохраняется. Прежняя структура акцентного ядра слова, основанная на диссимилятивном принципе, также сохраняется, однако теперь она основана исключительно на противопоставлении долготных характеристик: длительность гласных 1-го предударного слога [а̇], [ӓ], [а̋] в позиции перед [а̋] в среднем составляет 58 % длительности ударного гласного.

Система вокализма, подобная только что описанной, основана как на диссимилятивных, так и на ассимилятивных отношениях между гласными предцентровой части: отмечается их расподобление по длительности и одновременное уподобление по качеству и интенсивности. Конкуренция старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу, свидетельствует о нестабильности словесной ритмической структуры. Долгие и краткие слоги в этой системе противопоставляются не всем комплексом черт, присущих вокальным компонентам слова, а лишь единичным

признаком, тогда как соотношение других признаков указывает на существенные изменения, связанные с синтагматикой гласных в местном говоре.

Очевидно, что усиление предцентровой части происходит за счет ослабления заударных слогов, которые реализуются в речи информантов с высокой степенью произносительной инерции. Общее снижение информативности гласных постцентровой части, способствующее значительному ослаблению их артикуляции, отмечается во многих других южнорусских и в восточных акающих среднерусских говорах, а также в русской разговорной речи [Теплова 1981: 56; Земская 1979: 201]. Наиболее часто редукция до вокалического нуля фиксируется в начале или середине синтагмы, при этом для конца синтагмы (или каденции) характерно удлинение заударных слогов – открытых и закрытых [Теплова 1981: 54–55]. Конец фразы или речевого периода для многих говоров может быть признан сильной просодической позицией, которая способствует выделению и усилению гласных постцентровой части и препятствуют их сильной редукции [Аванесов 1949: 113].

В донских говорах диереза гласных отмечается не только при нейтральном, слабом произнесении слова, но и в просодически сильной позиции, в конце речевого такта, см. рис. 4, на котором представлена форма *расплóхо*, выделенная фразовым ударением. На графике отчетливо видно, что полная редукция заударного гласного приводит к значительному увеличению длительности щелевого [х]: до 185 мсек, что в несколько раз превосходит обычную длительность этого звука. За счет большей долготы создается слоговость этого согласного, см. [Касаткин 2002: 45].

Усиление или ослабление различных зон слова, маркируемых разным уровнем внимания со стороны говорящих, «особенно актуализируется при нарушении синтагматических стереотипов» [Калнынь 2001: 56]. Очевидно, что в исследуемой диалектной системе формируется не только новая произносительная программа слова, но и его особая ритмическая модель. Параллельно с появлением в донских говорах перед ударным [а] звуков [а] и [а] вместо более раннего [э] на путях перехода от диссимилятивного аканья к сильному, происходила модификация и традиционной ритмической структуры слова. Такое направление изменений неслучайно; даже в говорах с последовательно проведенной системой диссимилятивного аканья гласные в заударных слогах подвержены значительно большей качественной редукции, чем в предупдарных: по подсчетам Т. Г. Фоминой, приблизительно в половине случаев в этой

позиции появляется ненапряжённый одноформантный гласный «с макс. F_1 640, 500, 400 Гц» [Фомина 1985: 129].

На основе «совмещённого» ритмического контура формируется новый контур, который можно определить как «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» и который является переходной моделью к контуру «сильный центр и слабая периферия». Данные современных донских говоров указывают на то, что подобная ритмика слова способствует распространению на территории Ростовской и Волгоградской обл. сильного аканья; для Донской диалектной группы Южнорусского наречия характерно совмещение в пределах различных ареалов диссимилятивного аканья жиздринской и прохоровской разновидностей с недиссимилятивным аканьем [Касаткин (ред.) 2005: 267].

Практически полное отсутствие редукции безударных гласных до вокалического нуля в калужских говорах связано с более слабой, чем в литературном языке и во многих других южнорусских диалектных системах, противопоставленностью ударного слога безударным. Ранее на подобную особенность обратил внимание О. Брок, который писал, что в мосальских говорах «ударяемый и неударяемые слоги в экспираторной силе стоят друг к другу как будто ближе; произношение происходит как будто больше “по слогам”» [Брок 1916: 7]; подобная черта характерна для западных русских, а также для северных украинских акающих говоров [Теплова 1983: 50; Назарова 1977: 212].

Сильная редукция гласных, которая спорадически отмечается в заударном неконечном слоге, обусловлена не слабостью постцентральной части, как в Донской диалектной группе, а особым выделением гласного в ауслауте, что по правилам диссимилятивной организации вокализма значительно ослабляет предшествующий ему слог. Так, в говоре Кирейкова конец слова в некоторых просодических позициях отличается значительным усилением последнего вокального сегмента. По длительности и интенсивности выделенный безударный гласный в ауслауте обычно не отличается от ударного гласного, а иногда даже превосходит его по этим параметрам. Усиление конечного гласного не зависит от открытости/закрытости слога и отмечается как в абсолютном конце высказывания, так и у некоторых словоформ, находящихся внутри фразы.

В первом случае оно служит для выражения коммуникативного типа высказывания и обычно сопровождается отсутствием падения основного тона на последнем гласном. Усиление последнего слога предложения, а также повышение его тональных характеристик маркируют за-

вершённость и цельнооформленность повествовательной конструкции. Второй случай усиления конечного гласного также можно интерпретировать как факт поверхностной структуры фразы, не имеющий отношения к семантической организации предложения. Повышенные интенсивность и длительность гласного выполняют здесь делимитативную функцию, отделяя друг от друга отдельные слова или речевые периоды (с точки зрения носителя литературного языка подобная особенность создаёт перцептивный эффект парцелляции); подробнее см. [Савинов 2013: 40–43].

Как известно, в южнорусских говорах интенсивность гласных обычно ослабляется по направлению от начала к концу слова, а напряжённость и чёткость артикуляции характерна только для ударных гласных. Однако в описываемом калужском говоре эта динамическая модель деформируется под влиянием просодических факторов. Последний гласный слова характеризуется высокими значениями интенсивности, иногда превосходя по этому показателю все гласные слова (или даже речевого периода); удлинение и усиление гласного приводят к его дифтонгизации; после мягких согласных возможно дальнейшее разложение дифтонга, появление на месте его первой фазы двух звуков: слогового и неслогового: *y stád' iŭa, nă zăkăt' iŭæ*.

Очевидно, что количественные и качественные характеристики гласного в аудите напрямую обусловлены фразовым контекстом, то есть регламентируются правилами, актуальность которых проявляется на суперсегментном уровне. Во-первых, эта особенность связана с наличием в калужском говоре особой интонационной модели, повествовательной конструкции, выражающей завершенность (ТК-1.1 по классификации Л. Л. Касаткина). Однако её мелодический рисунок представляет не нисходящую кривую, как в литературном языке, а средний уровень движения тона при отсутствии его падения (или даже при небольшом подъёме) на последнем слоге.

Подобный ТК встречается в некоторых других южнорусских говорах, например, в соседних районах Тульской обл. (см. рис. 5, на котором представлено утвердительное высказывание *У их земли очень много было*, записанное в Одоевском р-не Тульской обл.), а также в д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. Однако в говоре Деулина акцентирование конечного заударного слога достигается за счёт усиления тонального и/или динамического (интенсивность) параметров; при этом самым выделенным в структуре СГСГСГСГ оказывается 1-й предупредный слог – даже при наличии повышения тона на конечном заударном глас-

ном последнего слова [Касаткина 2002: 135–142]. Эта редуциционная схема слова связана с наличием в местном говоре словесного контура «сильный центр и слабая периферия», который препятствует развитию вариативности гласного 1-го предударного слога.

Напротив, в говоре Кирейкова конечный заударный гласный может не выделяться значительным повышением тона, хотя нередко и занимает в мелодическом контуре более высокое положение, чем ударный гласный. Его усиление достигается за счет увеличения длительности, интенсивности, напряжённости, а также повышения значения F_1 . Эта особенность, видимо, объясняется большей подвижностью, «гибкостью», присущей «совмещённому» тональному контуру. В определённых просодических условиях ритмическая структура может свободно модифицироваться, меняя точку отсчёта и иначе маркируя слоги в рамках фонетического слова, в том числе и 1-й предударный.

Во-вторых, усиление ауслаута в позиции начала или середины синтагмы подчёркивает интонационную самостоятельность фонетических слов, включённых в общий мелодический контур фразы. Для исследуемого говора характерна меньшая, чем для русского литературного языка, степень интегрированности мелодического контура во фразе, что обусловлено тенденцией к пословному мелодическому оформлению речевых периодов.

Существенное увеличение количественных показателей последнего гласного в фонетическом слове приводит не только к изменению его формантных характеристик, к появлению в ауслауте широкого звука [a], но обуславливает также модификацию словесной ритмической модели. Новый тональный контур, как и исходный прототип, сохраняет волнообразный характер, то есть чередование долгих и кратких слогов, однако его структурные особенности определяются не качеством ударного гласного, а положением того или иного слога по отношению к ауслауту. Долгий и сильный конечный слог становится центром тонального контура, определяющим систему соотношения вокальных компонентов в рамках фонетического слова.

Слог, предшествующий сильному ауслауту, значительно редуцируется, этому не препятствует даже его маркирование словесным ударением. На рис. 6 и 7 представлены формы *за вёчер* и *там Людка*, в которых ударные гласные, реализующиеся дифтонгами, значительно уступают гласным 1-го заударного конечного слога по интенсивности и напряжённости (во втором примере также по длительности). При этом в соответствии с волнообразной ритмикой гласный 1-го предударного

слога по этим параметрам приближается к гласному ауслаута, но контрастно противопоставлен ударному гласному.

Редукция до вокалического нуля обычно характеризует 1-й заударный неконечный слог, предшествующий ауслауту. Диереза возможна только в сильной фразовой позиции, при значительном усилении последнего слога, тогда как при нейтральном произнесении прежняя ритмическая структура слова сохраняется. На рис. 8 и 9 представлены сочетания *четы́рнадцать годов* и *э́тому оди́ннадцать* (из предложения *Одному четырнадцать годов было, а этому одиннадцать*), в первом случае форма *четы́рнадцать* находится в центре ритмического периода и произносится без усиления последнего гласного слова, что препятствует полной редукции предшествующего гласного. Более того, по правилам диссимилятивной организации вокалической системы, после ударного [ы] произносится *а*-образный гласный.

Форма *оди́ннадцать* завершает предложение, конец повествовательной интонационной конструкции маркируется повышением интенсивности, длительности, а также F_1 гласного ауслаута (при отсутствии падения тона). Действие компенсаторного механизма способствует полной редукции гласного 1-го заударного слога, перемещению слоговости на предыдущий согласный [н], который в результате удлиняется.

Таким образом, в говоре Кирейкова наблюдается позиционное распределение «совмещённого» ритмического контура и «сильноконечного»: в зависимости от положения во фразе и наличия просодического выделения, маркирующего особый ТК. Значительное усиление абсолютного конца фразы, а также более слабое, чем в литературном языке, воздействие фразовой интонации на словесную свидетельствуют о глубокой архаике исследуемой диалектной системы [Николаева 1977: 261–262]. Эта особенность связывает местные говоры с говорами Северного наречия, а также с диалектными системами других восточнославянских языков, что важно для изучения генезиса соответствующих диалектных объединений.

В южнорусских и среднерусских говорах длительность заударных конечных гласных в структурах, находящихся в конце фразы, также возрастает, но не очень значительно, степень их редукции остается высокой. Наиболее сильная редукция заударного конечного открытого гласного свойственна юго-восточным говорам (говорам «восточной части Рязанской группы Южнорусского наречия и примыкающим к ним среднерусским говорам»); подобные примеры фиксируются как внутри фразы, так и в конце речевого такта [Теплова 1983: 46–47].

В описанных донском и калужском говорах происходит деформация традиционного ритмического контура слова. Эти изменения имеют разную значимость для фонетической системы в целом: они либо способствуют сохранению относительной стабильности старой структуры вокализма, либо активизируют модификацию правил сочетаемости гласных в рамках фонетического слова.

С одной стороны, появление в определённых просодических позициях «сильноконечного» контура под влиянием особенностей интонационного оформления фразы лишь повышает вариантность ритмической структуры и, соответственно, вокальных компонентов слова, но не приводит к системным изменениям. Наличие сильного ауслаута нарушает традиционную схему распределения длительности слогов в многосложных словах, однако не активизирует глобальную смену тонального контура. Происходит лишь перемещение центра ритмической группы, при этом традиционная волнообразная структура контура устойчиво сохраняется. В сильной фразовой позиции организующим центром ритмической группы становится последний слог последнего слова синтагмы или фразы.

С другой стороны, развитие контура «сильная предцентровая и слабая постцентровая части» способствует уменьшению вариативности предударных гласных по ряду параметров, прежде всего – гласного 1-го предударного слога. Продуктивные тенденции к уменьшению значимости вокальных компонентов в структуре фонетического слова, а также наличие двухступенчатой количественной редукции ведут к более контрастному выделению акцентного ядра за счёт ещё большего ослабления всех безударных гласных, включая гласные предцентровой части, кроме 1-го предударного. Подобный сценарий развития системы способствует формированию контура «сильный центр и слабая периферия», а также более широкому проникновению в систему вокализма элементов сильного аканья.

Необходимо отметить, что постепенное устранение оппозиции кратких и долгих слогов в пределах акцентного ядра свойственно многим говорам с диссимилятивной организацией вокализма, например липецким [Касаткина, Щигель 1995]. В этих диалектных системах так же, как и в донских, гласные 2-го предударного слога «довольно длительны и произносятся отчётливо», здесь отмечены примеры: *хара́шы, малады́йи, хала́днó, пака́зálэ, па мура́w'и, па пар'áдэку* и др. Редукция до вокалического нуля характерна для заударных слогов: *м'эс'(я)ца, залóж(и)ш, бў́д'(е)т', д'ир'эw'н'(я)-т(о), бы́л'(и), па ў́л'иц(е)* и др. В предударной

позиции диереза возможна только в приставке *пере-*: *п'ер'в'ен'ч'айут'*, *п'ер'сажйут'*, *п'ер'тыкаии* [Касаткина (ред.) 1999: 124–128]. Произношение [а] во 2-м предударном слоге после твёрдых согласных (*м[а]локо́, ст[а]роны́*) выделен Н. Н. Пшеничновой как один из определяющих признаков, характеризующих говоры среднедонского диалектного типа [Пшеничнова 1996: 106].

Л и т е р а т у р а

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.
- Аванесов, Орлова (ред.) 1964 – Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 306 с.
- Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. 128 с.
- Высотский С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / отв. ред. С. В. Бромлей. М.: Наука, 1973. С. 17–41.
- Голубева Н. Л. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля // Диалектография русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов, А. И. Горшков. М.: Наука, 1985. С. 60–80.
- Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 239 с.
- Калнынь Л. Э. Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001. 131 с.
- Касаткин Л. Л. Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы южного наречия // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2002. С. 40–64.
- Касаткин Л. Л. Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы: Язык, культура, история / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 116–139.
- Касаткин Л. Л. Из истории аканья – яканья в русском языке // Русская фонетика в развитии: Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / отв. ред. М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 295–317.
- Касаткин (ред.) 2005 – Русская диалектология / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 381 с.
- Касаткина Р. Ф. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2002. С. 134–150.
- Касаткина Р. Ф. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 29–45.
- Касаткина (ред.) 1999 – Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / под ред. Р. Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999. 207 с.
- Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.
- Красовицкий А. М. Просодические характеристики слова в говорах с диссимилятивным аканьем // Проблемы фонетики. III / отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 1999. С. 187–196.
- Назарова Т. В. Аканье в украинских говорах // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1977. С. 211–260.
- Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 278 с.

- Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
- Пишеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М.: Наука, 1996. 208 с.
- Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: Ин-тут рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 319 с.
- Теплова В. Н. О заударном вокализме после твёрдых согласных в русских говорах // Диалектология и лингвогеография русского языка / отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1981. С. 53–64.
- Теплова В. Н. О вокализме заударного конечного открытого слога после твёрдых согласных в акающих говорах русского языка // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования / отв. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1983. С. 44–54.
- Фомина Т. Г. Просодия слова в южнорусском говоре с диссимилятивным вокализмом // Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи / Научн. ред. З. М. Альмухамедова. Казань: Издательство Казанского университета, 1985. С. 101–131.

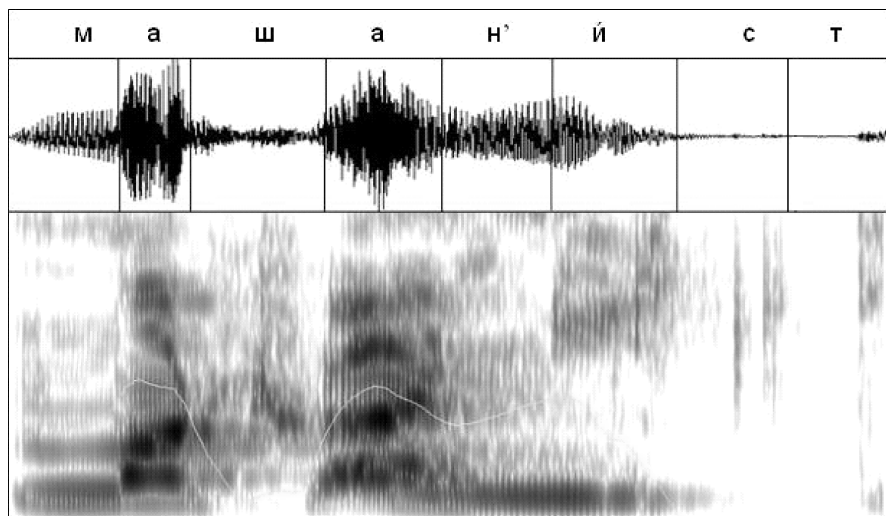

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности слова *машинист* из фразы: *Да тогда этот уж – машинист – его стихнул с мене* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

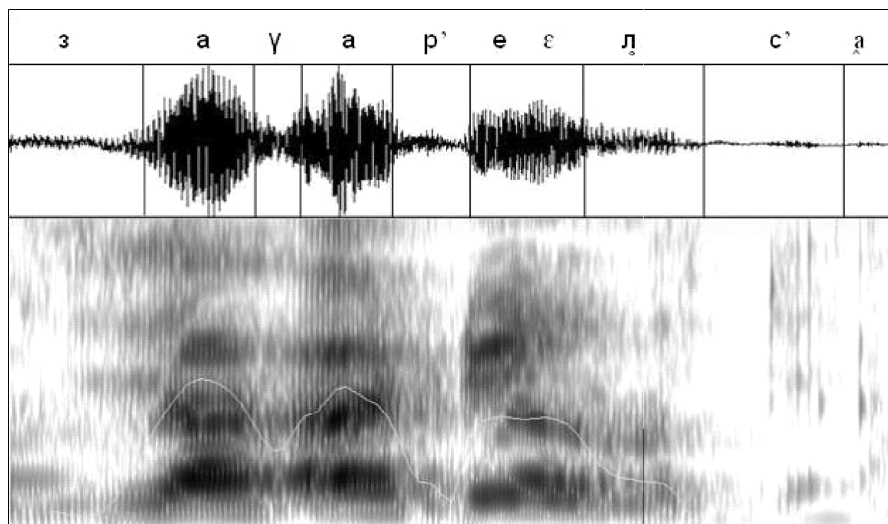

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности слова *загорéлся* из фразы: *Как зачал бомбить Куцёвку эту, как она загорéлась* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

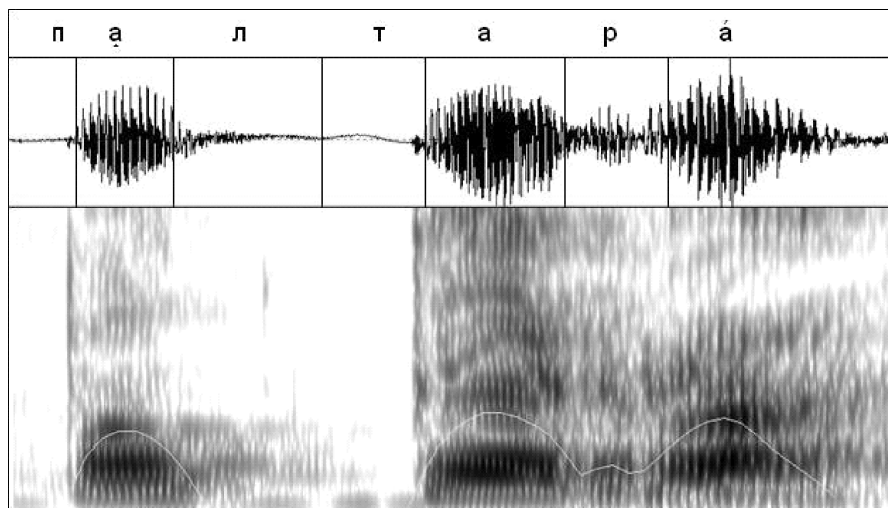

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности слова *полторá* из фразы: *От Куцёвки, наверное, километра полторá были* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

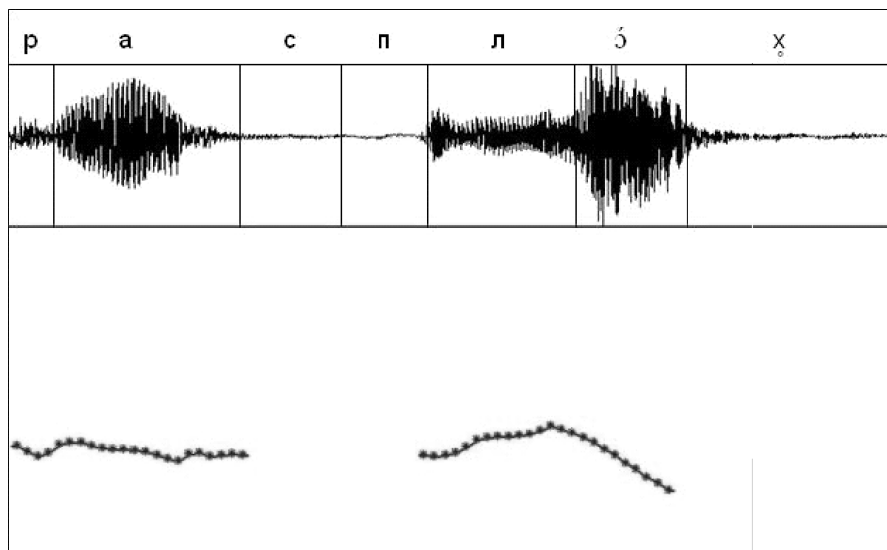

Рис. 4. Осциллограмма и интонограмма слова *расплóхо* из фразы: *Энта [сестра] училась хорошо, а я – расплóхо* (хут. Рубеженский Верхнедонского р-на Ростовской обл.)

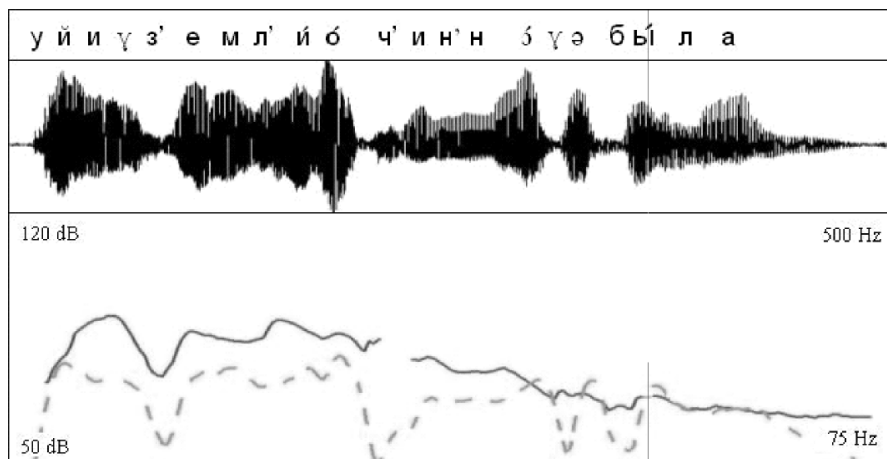

Рис. 5. Осциллограмма, интонограмма (сплошная линия) и огибающая интенсивности (пунктирная линия) фразы *У их земли очень много было* (пос. Одоев Одоевского р-на Тульской обл.)

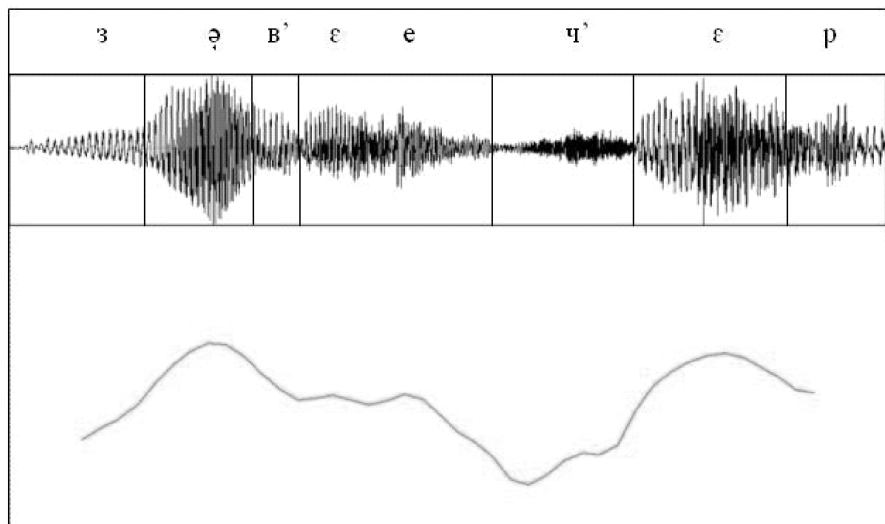

Рис. 6. Осциллограмма и огибающая интенсивности формы *за вѣчер* из фразы: *За вѣчер вот лапти уже готовы, сплётёт* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

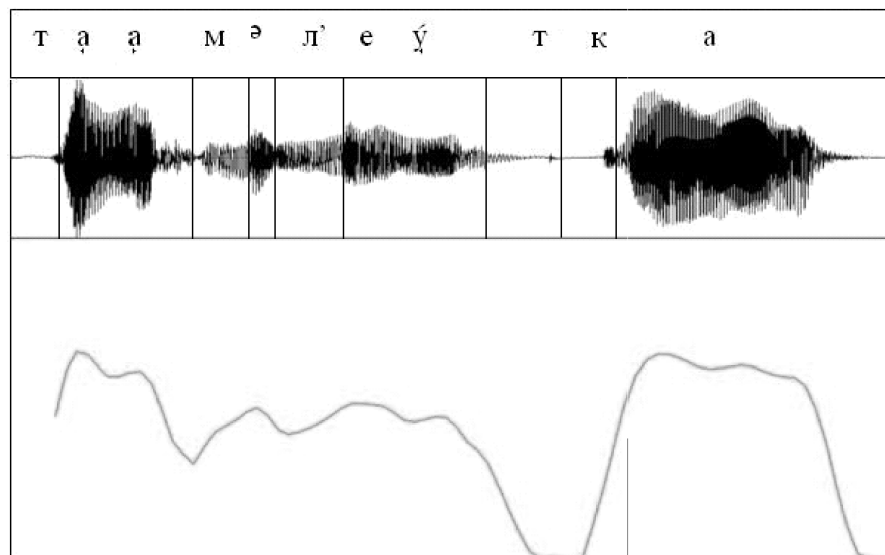

Рис. 7. Осциллограмма и огибающая интенсивности сочетания *там Любка* из фразы: *Вон там Любка, их трое, они помоложе, пройдут, а потом я за ними иду* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

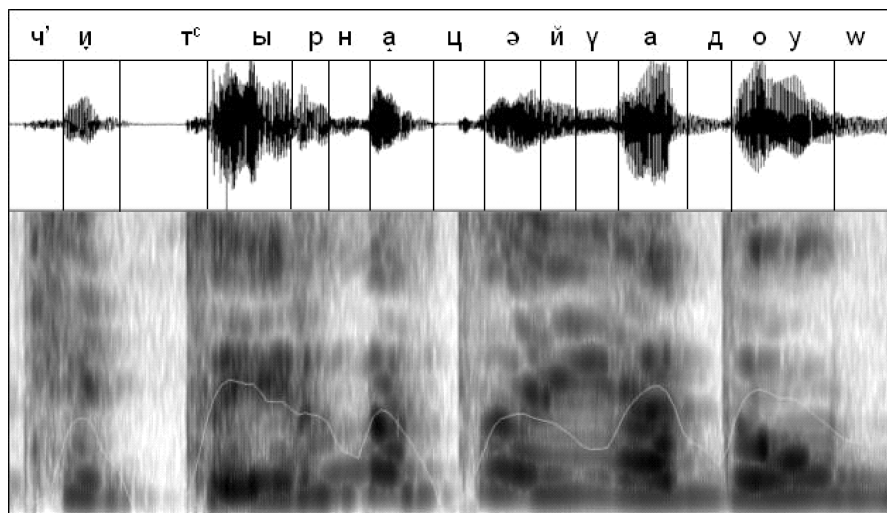

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности сочетания *че-ты́рнадцать годов* из фразы: *Одному четы́рнадцать годов было, а этому одинна-дцать* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

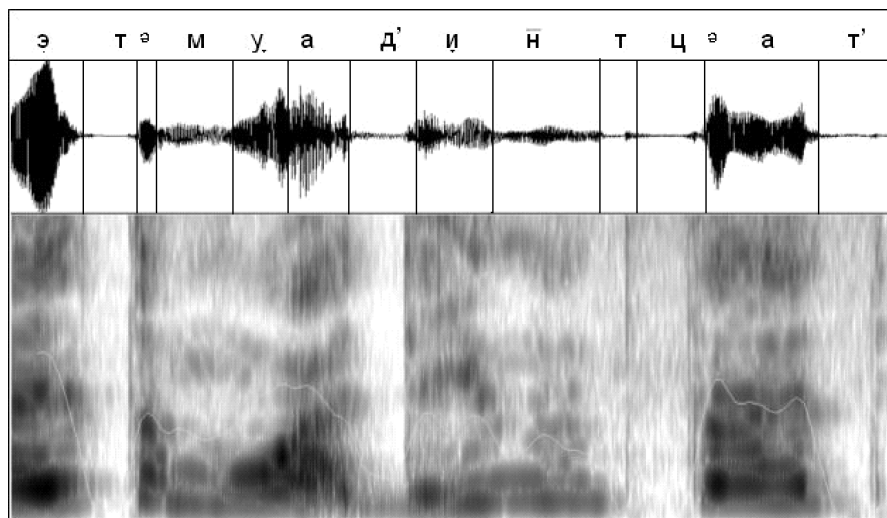

Рис. 9. Осциллограмма, спектрограмма и огибающая интенсивности сочетания *это-му одиннадцать* из фразы: *Одному четырнадцать годов было, а этому одиннадцать* (с. Кирейково Ульяновского р-на Калужской обл.)

Dmitry M. Savinov

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
crillon@yandex.ru*

VOWEL REDUCTION IN SOUTHERN RUSSIAN DISSIMILATIVE DIALECTS

The paper shows that the development of pretonic vocalism in South Russian dialects is directly conditioned by changes occurring in the rhythmic and prosodic structure of the phonetic word. It is the rhythmic structure of the word that is immediately involved in the formation of articulatory program, which in turn determines the main regularities of the linear sound sequence. In these dialects a consistent link between segmental and suprasegmental levels has been observed. Articulatory and acoustic features of pretonic vowels cannot be separated from the prosody of the utterance, while tendencies in the development of vowel systems can only be revealed from the perspective of speech prosody. The greater involvement of all vowel (primarily in pre-stress position) in positional interchange and interdependence between vowels in the word context make for absence of unstressed vowels reduced to zero in the dialects with dissimilative akanye. There are two reductional types in this dialects: «donskoj» and «kaluzhskij», named after regions of its fixation.

Key words: Russian phonetics, dialectology, Southern Russian dialects, akanye, yakanye, prosodic organization of dialect speech, vowel reduction

References

- Avanesov R.I. *Oчерки russkoi dialektologii* [Outlines of Russian Dialectology]. Vol. 1. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949. 335 p.
- Avanesov R.I., Orlova V.G. (Eds.). *Russkaia dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 306 p.
- Brok O. *Govory k zapadu ot Mosal'ska* [West Dialects of the Mosal'sk]. Petrograd, 1916. 128 p.
- Fomina T.G. [Prosody of the words in South Russian dialect with dissimilative akanye]. *Gradatsionnaya fonologiya i prosodiya slova russkoi dialektnoi rechi* [Graded phonology of a language and prosody of the words in Russian dialectal speech]. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1985, pp. 101–131. (In Russ.)
- Golubeva N.L. [Consonant environment of vowels reduced to zero]. *Dialektografiya russkogo iazyka* [Dialectography of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 60–80. (In Russ.)
- Kalnyn' L.E. *Foneticheskaya programma slova kak prostranstvo foneticheskikh izmenenii v slavianskikh dialektakh* [The Phonetic program of the word as a framework for phonetic changes in the Slavic dialects]. Moscow, 2001. 131 p.
- Kasatkin L.L. [Vowels reduced to zero and unvoiced in South Russian dialects of Don region]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Material and studies on Russian dialectology]. Vol.I (VII). Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 40–64. (In Russ.)
- Kasatkin L.L. [Russian dialect of village Tataritsa, Bulgaria]. *Russkie staroobriady: Iazyk, kul'tura, istoriya* [Russian Old Believers: Language, culture, history]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 116–139. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. [From the history of akanye-yakanye in the Russian language]. *Russkaia fonetika v razvitii: foneticheskie «otcy» i «deti» nachala XXI veka* [The evolution of Russian phonetics: phonetic generations at the beginning of XXI century]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 295–317. (In Russ.)

- Kasatkin L.L. (Ed.). *Russkaia dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, 2005. 381 p.
- Kasatkina R.F. [Essay on intonation of Southern Russian dialects]. *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii* [Material and studies on Russian dialectology]. Vol. I (VII). Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 134–150. (In Russ.)
- Kasatkina R.F. [Moscow akanye in the light of some dialect data]. *Voprosy jazykoznanija*, 2005, No. 2, pp. 29–45. (In Russ.)
- Kasatkina R. F. (Ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaia khrestomatiia. Iuzhnorusskoe narechie* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. South Russian dialects]. Moscow, 1999. 207 p.
- Kasatkina R.F., Shchigel' E.V. [Assimilative and dissimilative akanye]. *Problemy fonetiki* [Issues in phonetics]. Vol. II. Moscow, 1995, pp. 295–309. (In Russ.)
- Krasovitskii A.M. [Prosodic features of the word in the dialects with dissimilative akanye]. *Problemy fonetiki* [Issues in phonetics]. Vol. III. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 187–196. (In Russ.)
- Nazarova T.V. [Akanye in the Ukrainian dialects]. *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia. 1975* [Common Slavic Linguistic Atlas. Material and studies. 1975]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 211–260. (In Russ.)
- Nikolaeva T.M. *Frazovaia intonatsiia slavianskikh iazykov* [Phrase Intonation of the Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 278 p.
- Panov M.V. *Sovremennyi russkii iazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1979. 256 p.
- Pshenichnova N.N. *Tipologiya russkikh govorov* [The typology of the Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 208 p.
- Savinov D.M. *Evolutsiia sistem vokalizma v iuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vowel systems in South Russian dialects]. Moscow, 2013. 319 p.
- Teplava V.N. [Post-stress vowels after hard consonants in the Russian dialects]. *Dialektologiya i lingvogeografiia russkogo iazyka* [Dialectology and linguistic geography of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 53–64. (In Russ.)
- Teplava V.N. [Post-stress vowels in the open final syllable after hard consonants in the Russian dialects with akanye]. *Russkie narodnye govory. Lingvogeograficheskie issledovaniia* [Russian regional dialects. Linguistic geography studies]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 44–54. (In Russ.)
- Vysotskii S.S. [Sound structure of the phonetic word in Russian dialects]. *Issledovaniia po russkoi dialektologii* [Studies on Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 17–41. (In Russ.)
- Zemskaja E.A. *Russkaia razgovornaja rech': Lingvisticheskii analiz i problemy obucheniia* [Russian spoken language: Linguistic analysis and teaching problems]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1979. 239 p.

А. В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

dialects@mail.ru, teravan@mail.ru

Ударение *i*-глаголов в говоре д. Тамица Онежского р-на архангельской области в контексте лингвистической географии*

В статье рассмотрено ударение *i*-глаголов в говоре д. Тамицы Онежского р-на Архангельской области в сопоставлении с другими говорами Архангельской обл. и олонечскими говорами. Глагольной системе говора Тамицы свойственна особая акцентная кривая В*, характеризующаяся колонным накоренным ударением форм настоящего/будущего времени и страдательного причастия прош. времени и насуффиксальным ударением прочих форм парадигмы: 1 ед. *хóжу*, 2 ед. *хóд'иш*, 3 ед. *хóд'ит*, и т. п., страд. прич. *хóжено*, повел. *ходи(те)*, прош. вр. *ход'и́л*, инф. *ход'и́т'*. Указаны восточнославянские изоглоссы акцентной кривой В* у *i*-глаголов: она фиксируется в нескольких небольших ареалах русских говоров: 1) в гдовских, онежских, архангельских, 2) в рязанских и отдельных владимирских говорах. По-видимому, рассматриваемая акцентная инновация независимо возникла в этих двух группах говоров. Данное явление известно также в большом ареале юго-западных украинских говоров, прежде всего галицких, буковинских и закарпатских. На материале атласов восточнославянских языков обсуждается вопрос о том, есть ли связь между условиями появления этой акцентной кривой и унификацией фонемного состава основ настоящего/будущего времени. Попытка исторической интерпретации тамецкой системы ударения *i*-глаголов опирается на доказательства принадлежности этого говора к поморской группе (в работе обсуждаются изоглоссы поморских говоров), в образовании которых существенная роль принадлежит средневековым новгородско-псковским говорам. Напрашивается историческое отождествление акцентной кривой В* в северо-западных русских ареалах (гдовских, олонечских, архангельских говорах) и юго-западном украинском – по данным исторической акцентологии, те и другие восходят ко 2-му («антскому») позднепраславянскому диалекту; в таком случае образование акцентной кривой В* в названных говорах должно относиться к позднепраславянскому периоду. На пути такой интерпретации, однако, имеются существенные трудности.

Ключевые слова: акцентология, глагольное ударение, акцентная реконструкция, унификация основ, лингвогеография, архангельские говоры, поморская группа говоров, восточнославянские изоглоссы

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта») и гранта РГНФ №14-0418029е «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

Ударение *i*-глаголов в говоре Тамицы представляет интерес 1) в аспекте акцентной инновации – в говоре представлено колонное накоренное ударение форм настоящего и будущего времени глаголов праслав. акцентной парадигмы (а. п.) *b*, независимо от глагольного класса; 2) в отношении распределения *i*-глаголов по акцентным парадигмам и связи современных диалектных акцентных парадигм с праславянскими. Оба аспекта тесно связаны между собой, так как имеют непосредственное отношение к образованию говора Тамицы и его связям с «материнскими» говорами русского Северо-Запада (псковскими, олонекскими).

1. Акцентная кривая В* и система акцентных парадигм *i*-глаголов в говоре Тамицы. В говоре деревени Тамица имеется следующая яркая особенность в системе глагольного ударения: акцентная кривая (а. кр.) В*, характеризующаяся колонным накоренным ударением в настоящем/будущем времени и страдательном причастии прошедшего времени и насуффиксальным ударением – в повелительном наклонении, прошедшем времени и инфинитиве: 1 ед. *(при)хóжу*, 2 ед. *(при)хóд'иш*, 3 ед. *(при)хóд'ит*, и т. п., страд. прич. *хóжено*, повел. *(при)ход'и́(те)*, прош. вр. *(при)ход'и́л*, инф. *(при)ход'и́т'*. Тамицкая а. кр. В* смежно-подвижного типа (ударение в одних формах морфологической парадигмы ставится на последний слог корня, в других – на следующий за корнем слог, то есть в парадигме оно падает на один из двух соседних слогов) и несомненно восходит к праславянской акцентной парадигме (а. п.) *b*. А. кр. В* представлена у глаголов разных классов, охватывая всю глагольную систему; однако в говоре присутствует и «классическая» для русского языка а. кр. В: 1 ед. *(при)хожѹ́*, 2 ед. *(при)ходишь* и т. п., которая, скорее всего, объясняется влиянием русского литературного языка. А. кр. А и С в целом имеют «классический» рисунок. В результате в говоре Тамицы (и других говорах с таким преобразованием ударения) представлены акцентные парадигмы *i*-глаголов, показанные в табл. 1.

Формы *н*-причастия и прошедшего времени глаголов всех акцентных парадигм имеют колонное ударение. Формы прош. времени, а. п. А: *ужа́л'ил*, *йѣз'д'ила*, *пра́вил'и*, *поло́жыл*, *поло́жыла* и т. п.; а. п. В*: *наво́з'и́л*, *вл'уб'и́лса*, *пр'иво́лоц'и́ла*, *сруб'и́л'и* и т. п.; а. п. С: *пона́л'и́лас'*, *глуши́л'и*, *оглуши́л* и т. п. Остатки подвижности ударения в прош. времени сохраняются у глагола *родить*: ж. р. *род'и́ла / род'и́ла*. Формы *н*-причастий, а. п. А: *нажа́р'ено*, *коро́ва на́ла́жена*, *потстр'е́л'ен*, *ростр'е́л'ены*; а. п. В*: *пр'иколо́ч'ена*, *нано́шено в'е́н'икоф*, *а́р'м'и́а отслу́жена*, *отку́шан*, *п'ер'атру́жены*, *ро́жены*, реже встречается насуффиксальное ударение: *фкл'уч'о́на*, *наклон'о́на*; а. п. С:

Акцентные парадигмы *i*-глаголов в говоре Тамицы

Акцентные парадигмы		А	В*	В	С
Настоящее время	1 ед.	<i>морóжу</i>	<i>хóжу</i>	<i>хвалю́</i>	<i>варю́</i>
	2 ед.	<i>морóз'иш</i>	<i>хóд'иш</i>	<i>хва́л'иш</i>	<i>вар'иш</i>
	3 ед.	<i>морóз'ит</i>	<i>хóд'ит</i>	<i>хва́л'ит</i>	<i>вар'ит</i>
	1 мн.	<i>морóз'им</i>	<i>хóд'им</i>	<i>хва́л'им</i>	<i>вар'им</i>
	2 мн.	<i>морóз'ит'е</i>	<i>хóд'ит'е</i>	<i>хва́л'ит'е</i>	<i>вар'ит'е</i>
	3 мн.	<i>морóз'ат</i>	<i>хóд'ат</i>	<i>хва́л'ат</i>	<i>вар'ат</i>
Страдат. причастие прошедшего времени		<i>морóжено</i>	<i>хóжено</i>	<i>хва́л'ено</i> <i>загорóжено</i>	<i>вар'оно</i>
Повелит. наклонение		<i>морóз'</i>	<i>ход'и́</i>	<i>хва́л'и́</i>	<i>вар'и́</i>
Прошедшее время		<i>морóз'ил</i>	<i>ход'и́л</i>	<i>хва́л'и́л</i>	<i>вар'и́л</i>
Инфинитив		<i>морóз'ит'</i>	<i>ход'и́т'</i>	<i>хва́л'и́т'</i>	<i>вар'и́т'</i>

навар'оно, рыбы наглушóно, пр'иворóжено, л'ишóн, изредка встречается накоренное ударение: *позвóн'ено*.

2. Преобразование а. п. $b > V^*$ и явления унификации основы настоящего/будущего времени в русских говорах. Развитие а. п. $b > V^*$ глаголов на территории Архангельской обл. известно в говорах соседних с Тамицей деревень *Кянда* и *Покровское*, а также в говорах дд. *Азаполье* Мезенского р-на (по сообщению А.В. Малышевой и А.К. Петровой), *Белащелья* и *Смоленец* Лешуконского р-на (электронная картотека АОС¹). По-видимому, в поморских говорах, по крайней мере мезенских и лешуконских, оно распространено значительно шире: О.Г. Гецова указывает, что такое ударение свойственно вообще всем говорам северо-восточной диалектной зоны Архангельской обл., однако не приводит материала и названий населенных пунктов [Гецова 1997: 162].

На территории, картографированной в ДАРЯ, развитие а. п. $b > V^*$ представлено в нескольких небольших компактных ареалах: в гдовских говорах, говорах Онежской группы близ южного берега Онежского озе-

¹ Хочу поблагодарить сотрудников кабинета Архангельского областного словаря и в первую очередь И.Б. Качинскую за возможность использовать материалы электронной картотеки АОС.

ра (в говорах Заонежья у северного побережья Онежского озера это явление не известно), в рязанских и сопредельных им владимирских говорах [ДАРЯ 2, карта 97] (автор С.В. Бромлей). Кроме того, а. кр. В* встречается у отдельных глаголов в говорах, разбросанных по всей территории ДАРЯ, судя по ударению форм 1 л. ед. ч.: *күр'у* Зап. 3, 11, 26, 295, 379, 622, Ю. 188, 590, *ска́жу* Ю. 12, 20, 42, 126, 137, 205, 403, 503, 506, 541, 590, 594, 596, 627, 629, 630, 714, *ва́р'у/во́р'у* Ю. 611, 675, 818 [Комментарии Зап.; Комментарии Ю.]; то же в говорах к востоку от Москвы, см. [АРНГ, карта 157] (список населенных пунктов с единичными случаями «выравнивания согласного основы или места ударения» приводится в комментарии к карте 157 АРНГ [Комментарии АРНГ: 882]; эти пункты по большей части разбросаны по территории, картографированной в АРНГ, и находятся за пределами основного ареала распространения а. кр. В*).

В архангельских, онежских и гдовских говорах развитие а. п. *b > В** не сопровождается устранением чередований конечных согласных основы в формах глаголов II спряжения: 1 ед. *хо́жу, но́шу, л'у́б'у*, 3 ед. *хо́д'ит, но́с'ит, л'у́б'ит* и т. п. Вообще большинство случаев устранения чередования согласных в основах глаголов II спряжения, отмеченных в северо-восточных говорах, фиктивны: в примерах типа *молоц'у́, лец'у́* с мягким цоканьем собиратели оценивали [ц'] как [т'] (ДАРЯ 2, карта 97). Устранение чередований конечных согласных основы настоящего/будущего времени в говоре Тамицы, как и во многих русских говорах, имеет место у глаголов I спряжения с основой на заднеязычный. При этом у глаголов с ударением на окончании обобщаются заднеязычные фонемы: *п'оку́, п'ек'о́т, п'ек'е́ц'и'е, стр'игу́, стр'иг'о́т, стр'иг'ит'е́*, тогда как шипящие фонемы в говорах имеют тенденцию к обобщению у глаголов либо с неподвижным ударением на корне, либо с подвижным ударением (в Тамице: *мо́жу, мо́жет, мо́жут/мо́гут*, однако *л'е́гу/л'а́гу, л'е́г'от, л'е́гут, л'е́к'*; следует отметить, что среди глаголов с исходом основы на заднеязычный исконно к а. п. *a* относится только *легчи*, а к а. п. *b* – только *могчи*). Зависимость утраты чередования согласных в конце основы от акцентной парадигмы глагола отмечалась в диалектологической литературе [Бромлей, Булатова 1972; Касаткин 2005: 147].

Напротив, для рязанско-владимирского ареала характерно как развитие а. п. *b > В**, так и устранение чередований согласных (хотя некоторые окраинные говоры этого ареала знают а. кр. В*, но сохраняют чередование согласных в конце основы настоящего времени). По отношению к рязанско-владимирскому ареалу можно говорить также о вы-

равнивании корневого гласного. Релевантными элементами здесь являются гласные /о/, /а/ в корнях с заменой гласного (*плóтишь, дóришь, вóришь, цóдиш, цóпишь, лáвишь* и под.) и фонемы /о/ и /ω/ в говорах с различением двух фонем «типа о».

Вслед за авторами АРНГ Т.В. Попова высказала мнение, что по крайней мере в части русских говоров развитие а. п. *b > В** – проявление более общей тенденции к унификации основ настоящего/будущего времени глаголов II спряжения [Попова 1998]. Однако в учебнике [Касаткин 2005: 146–149] (автор раздела – С.В. Бромлей) мысль о выравнивании основ настоящего/будущего времени не высказывается, говорится лишь о неиспользовании чередования согласных и места ударения как дополнительных грамматических средств в системе форм настоящего времени.

2.1. Рязанский тип перестройки основ настоящего времени представлен в говоре *с. Деулино* (Рязанский р-н Рязанской обл.). Чередования конечных согласных основы настоящего времени устранены у *i*- и *ě*-глаголов: 1 ед. *дóлб'у*, 3 ед. *дóлб'ит'*; *рад'у*, *рад'иш*; глаголы а. п. *b* этих и других классов приобрели колонное накоренное ударение в наст./буд. времени в результате распространения накоренного ударения в формы 1 л. ед. ч.: *у́он'у*, *у́он'им*; *кóс'у*, *накóс'иш*; *ска́жу*, *ска́жыт'*; *с'т'эл'у*, *с'т'эл'ит'*; в формы 1 л. ед. ч. распространяется корневой гласный, свойственный прочим формам наст./буд. времени, что очевидно у *i*-глаголов, имеющих вторичную огласовку корня: *пасóд'у*, *пасóд'ит'* ‘посадить’; *лáv'у*, *лáv'ит'* ‘ловить’ и др.

Тематические корневые глаголы сохраняют в наст./буд. времени чередование твердых и мягких согласных: *н'есу́*, *н'ис'еиш/н'ис'ош*; подобное чередование *к//к'*, *γ//γ'* устанавливается у основ на заднеязычный, что может считаться проявлением унификации основ настоящего времени, а единственный в этом подклассе глагол праслав. а. п. *b мочь* переходит в а. п. С (по аналогии с большинством глаголов данного класса с основой на заднеязычный, которые относятся к а. п. С): 1 ед. *мауу́*, *б'ауу́*, 2 ед. *мау'еиш*, *б'иу'еиш / б'иу'ош* [Бромлей, Булатова 1972: 423–441].

2.2. Сходная система – в говоре *с. Новоселки* Рыбновского р-на Рязанской обл. Вдобавок к тому, что характеризует деулинскую систему, в новоселковском говоре с различением двух фонем «типа о» фонема /ω/ (о «закрытое») распространяется в формы 1 л. ед. ч. *i*-глаголов а. п. *В** из других форм наст./буд. времени: 1 ед. *брóд'у*, 3 ед. *брóд'ит'*; *вóд'у*, *вóд'ит'*; *вóз'у*, *вóз'ит'*; *у́он'у*, *у́он'ит'*; *нóс'у*, *нóс'ит'*; *прóс'у*, *прóс'ит'*; *валóч'у*, *валóч'ит'*; *малóт'у*, *малóт'ит'*; *калóт'у*,

кало́т'ит'; *бо́жус'*, *бо́жыцъ*; *атво́р'у*, *атво́р'ит'*; *мо́л'ус'е*, *мо́л'ицъ*; *харо́н'у*, *харо́н'ит'*; *стано́в'у*, *стано́в'ит'* (запись 2006 г. М.Н. Толстой и А.В. Тер-Аванесовой).

2.3. В говоре с. *Пустоша* (Шатурский р-н Московской обл.), с различением двух фонем «типа *о*», акцентная парадигма *В** имеет остаточный характер и представлена в основном у немногих *i*-глаголов праслав. а. п. *b1*, но раньше сфера такого ударения была шире. По нашим данным (записи 1990-х – 2000-х гг.), в пустошенском говоре, в отличие от новоселковского, в формах 1 л. ед. ч. *i*-глаголов а. п. *В** под ударением выступает фонема */о/* (*о* «открытое»), – что, по-видимому, объясняется достаточно поздним появлением накоренного ударения в 1 л. ед. ч., а возможно даже – заимствованием этой акцентовки (под «новым» ударением в говоре обычно выступает */о/*): 1 ед. *во́жу/вожу́*, 3 ед. *во́дит*; 1 ед. *во́жу/вожу́*, 3 ед. *во́зит*, 3 мн. *во́з'ут*, прош. *приво́зили*; 1 ед. *спро́шу*, прош. *спро́сит*, *про́сит*; 1 ед. *но́шу/ношу́*, 3 ед. *но́сит*, *отно́сицъ*, страд. пр. *но́шънь од'о́жа*; 1 ед. *хо́жу/хожу́*, не *хо́жу*, *выхо́жу*, 3 ед. *хо́дит*, 3 мн. *прохо́д'ут*, *нахо́д'ут*, инф. *ходи́т*; прош. вр. м. р. *ходи́л*, ж. р. *сходи́ла*; 1 ед. *воло́чу/вло́чу́*, 3 ед. *воло́чит*. У одной информантки в 1992 г. была записана, помимо приведенных выше, форма 1 ед. с «закрытым» *о*, как в новосёлковском говоре: *отло́мл'у* (*ътломл'у́*), 3 ед. *отло́мит* [Тер-Аванесова 2006].

Согласно описанию Д.В. Бубриха, формы 1 л. ед. ч. с «закрытым» *о* в корне преобладали в говоре в начале XX века: 1 ед. *вио́жи*, *пио́ши*, *хио́жи*, *затио́си*, *толио́си*, *пакотио́си*, *хио́си*, *тио́ни*, – при одном примере с «открытым» *о*: *nastróci písmiо́* [Бубрих 1913].

Эти различия, возможно, объясняются тем, что */о/* и */ô/* в корнях форм 1 л. ед. ч. были свойственны двум разновидностям говора, разница между которыми еще сохранялась в 1990-е гг., однако в значительно более сглаженном виде, чем в начале XX в. По-видимому, одна из разновидностей была более насыщена «рязанскими» особенностями и сложилась под влиянием говоров переселенцев из Рязанской обл. (губ.), приток которых в Пустоша и их окрестности не прекращался с конца XIX по 50-е гг. XX в.; возможно, эта разновидность говора имела неустойчивый характер; ее черты зафиксированы Д.В. Бубрихом как особенности пустошенского говора [Бубрих 1913]. Во времена Д.В. Бубриха должна была существовать и другая разновидность говора, в которой часть «рязанских» черт отсутствовала. В 90-е гг. мы зафиксировали главным образом вторую разновидность, а в 2000-е гг. все старейшие исконные жители Пустошей были носителями второй разновидности говора. Мож-

но думать, что формы 1 л. ед. ч. с «закрытым *о*» под ударением в корне были свойственны утраченной разновидности говора, насыщенной рязанскими особенностями, и представляли собой одну из таких особенностей, в то время как формы с «открытым *о*» были характерны для более устойчивого местного «стандарта».

Как видно из приведенных примеров, в говоре Пустошей нет выравнивания конечного согласного основы настоящего времени глаголов II спряжения. В подклассе тематических глаголов I спряжения с основами на заднеязычный, как в деулинском и новоселковском говорах, противопоставлены а. п. А и С, поскольку единственный глагол а. п. *б мочь* перешёл в а. п. С; конечный заднеязычный согласный основы – твердый во всех формах наст./буд. времени: 1 ед. л. *'агу*, 3 ед. л. *'агът*; *могу́*, *могóт*, *могу́т*; *п'оку́*, *пекóт*; *т'оку́*, *текóт*; *зър'оку́се*, *зърекóщъ*; *стригу́*, *стригóт* и под.

2.4. На территории, картографированной в ДАРЯ, имеется ареал юго-западных говоров, в которых произошло выравнивание конечного согласного основы глаголов II спряжения, однако развитие а. п. *б > В** в этих говорах, согласно [ДАРЯ, карта 97], не отмечается: *ход'у́*, *в'ис'у́*, *хóд'ит'*, *в'ис'ит'* (исключение составляют упомянутые выше глаголы с а. кр. *В** *курить* и *сказать* из которых первый встречается в юго-западных говорах, а второй – в южных и среднерусских говорах, причем оба отмечены и далеко за пределами названного ареала). Однако в ходе экспедиции 2013 г. (М. Н. Толстая, И. С. Пекунова, А. В. Тер-Аванесова) в с. Не́хочи Хвастовичского р-на Калужской обл. было зафиксировано несколько форм 1 л. ед. ч. с накоренным ударением и «открытым» *о* у *i*-глаголов а. п. *б* – итеративов: *хóд'у*, *но́с'у*, при несравненно более частотных *хад'у́*, *нас'у́*.

У старообрядцев, живущих в с. Куни́ча Флорештского р-на Молдавии, – выходцев из Белгородской и Калужской обл. формы 1 л. ед. ч. с накоренным ударением типа *хóд'у*, *но́с'у* представляют собой регулярное явление, свойственное всей глагольной системе, см. материал в статье Л.Л. Касаткина в настоящем сборнике, пункт 44.3 описания говора. Л.Л. Касаткин считает, что эта особенность была утрачена калужскими говорами, однако сохранилась в калужском по происхождению говоре старообрядцев, длительное время живших в иноязычном окружении, вне связи с носителями калужских говоров.

3. Преобразование а. п. *б > В** и явления унификации основы настоящего времени в восточнославянских диалектах. Взгляд на русские диалектные системы с выравниванием исхода основы настоящего вре-

мени и с развитием а. п. $b > B^*$ в системе глагола в восточнославянском контексте позволяет выдвинуть несколько иные предположения о путях их образования.

В восточнославянских диалектах известно три вида акцентных кривых смежно-подвижного типа – рефлексов а. п. b у i -глаголов:

(1) В: 1 ед. *(за)ношу́*, 3 ед. *(за)но́сить*, прош. вр. *(за)носи́ли*, инф. *(за)носи́ти*;

(2) В*: 1 ед. *(за)но́шу*, 3 ед. *(за)но́сить*, прош. вр. *(за)носи́ли*, инф. *(за)носи́ти*;

(3) В⁺: 1 ед. *ношу́*, *зано́шу*, 3 ед. *(за)но́сить*, прош. вр. *носи́ли*, *зано́сили*, инф. *носи́ти*, *зано́сити*.

3.1. Как известно, в украинском и белорусском лит. языках, а также в большей части их говоров смежно-подвижное ударение в наст./буд. времени имеется у бесприставочных i -глаголов: укр. 1 ед. *ходжу́/хожу́/ход'у́*, 3 ед. *ходи́т(')*, прош. вр. *ходи́в*, инф. *ходи́ти*, – тогда как у приставочных представлено колонное накоренное ударение: *прихо́джу*, *прихо́дит'*, *прихо́див*, *прихо́дити* (а. кр. В⁺). Это акцентное явление в работах представителей московской акцентологической школы получило название *полуотметности* (термин введен Б. Цоневым для обозначения аналогичного акцентного явления в болгарском языке [Цонев 1903]). Северная граница полуотметности у i -глаголов проходит по территории белорусского языка (р. Ви́лия – верхнее и среднее течение р. Бе́резины – Моги́лев – Го́мель [ДАБМ, карта 204]) и соотносима с границей центральных и северо-восточных белорусских говоров; далее на востоке она, видимо, совпадает с северной границей распространения украинского языка. Русским говорам, насколько это известно, полуотметность не свойственна. Исторически полуотметность на восточнославянской территории, по-видимому, была характерна для древнего припятско-словенского диалекта, откуда распространилась в центрально-белорусские и большинство украинских говоров [Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013]. (В пинских говорах и в отдельных говорах юго-западного наречия белорусского языка отмечается отсутствие полуотметности [ДАБМ, карта 204].) К северу и востоку от границы полуотметности, в русских и северо-восточных белорусских говорах, распространена «классическая» акцентная кривая В i -глаголов, не зависящая от наличия/отсутствия приставки.

Юго-западная граница полуотметности совпадает с северными границами Львовской и Тернопольской областей, далее идет примерно по линии Хмельницкий – Белая Церковь – Николаев; в своей западной

части она соотносится с границей древних днестровско-хорватского и припятско-словенского диалектов [Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013]. К югу от нее у *i*-глаголов представлена а. кр. В* – не зависящее от наличия/отсутствия приставки колонное накоренное ударение в наст./буд. времени при насуффиксальном – в прош. времени и инфинитиве: *(при)хóжу/(при)хóд'у*, *(при)хóдит'*, *(при)хóд'ив*, *(при)хóд'ити* [АУМ 3, ч. 3, карта 22], аналогичное ударению упомянутых выше гдовских, онежских и архангельских говоров.

В галицких, закарпатских, буковинских и отчасти подольских говорах, где представлена а. кр. В* у *i*-глаголов, чередование зубных с шипящими в конце основы настоящего времени сохраняется (*хóжу*, *хóдиши* и т. д.); в восточной части западноукраинских говоров, знающих а. кр. В*, это чередование устранено (*хóд'у*, *хóдиши* и т. д.).

3.2. Устранение чередования зубных с шипящими в исходе основ глаголов II спряжения свойственно многим восточнославянским говорам, прежде всего украинским. Северная граница самого крупного ареала проходит по линии Черновцы – Каменец-Подольский – Винница – Черкассы – севернее Полтавы – Белгород; этот ареал смыкается с другим, для которого характерно варьирование типа *нос'у/ношу*, *ход'у/хожу~ходжу*, *л'уб'у/л'убл'у*. Он охватывает большую часть Сумской области и оттуда простирается далеко на север, занимая междуречье Оки и Десны и доходя на севере до Смоленска, Вязьмы, р. Угры, верховьев Днепра и Москвы-реки [АУМ 3, ч. 3, карта 40; ДАРЯ 2, карта 97; Попова 1998]. Чередования согласных в исходе основ настоящего времени глаголов II спряжения устранены в полесском ареале, включающем пинские и среднеполесские говоры [АУМ 2, карта 235; АУМ 3, ч. 3, карта 40].

С точки зрения ударения *i*-глаголов а. п. *b* эти обширные ареалы неоднородны. В пределах линии Черновцы – Каменец-Подольский – Винница – Белая Церковь – Николаев в наст./буд. времени *i*-глаголов представлено колонное накоренное ударение (а. кр. В*): *(при)хóд'у*, *(при)хóдиши*, *(при)хóд'ити*; в юго-восточных украинских говорах – полуметность (а. кр. В⁺): *ход'у́*, *ходи́ши*, *прихóд'у́*, *приходи́ши*, *ходи́ти*, *приходи́ти* [АУМ 3, ч. 3, карта 22]; в юго-западных рус. говорах, согласно [ДАРЯ 2, карта 97], – «классическая» акцентная кривая В: *(пр'и)хад'у́*, *(пр'и)хóд'ит'*, *(пр'и)хад'и́т'* (о данных, указывающих на наличие в прошлом в говорах верхне-деснинской группы а. кр. В* и на сохранение в некоторых современных говорах этой группы остатков а. кр. В* у *i*-глаголов – итеративов см. выше); в среднеполесских и пинских говорах, по-видимому, варьируют а. кр. В и В⁺.

3.3. Таким образом, изоглоссы устранения чередований согласных в основах *i*-глаголов и изоглоссы разных типов развития праслав. а. п. *b* на восточнославянской территории не совпадают; следовательно, названные инновации должны были возникнуть в разное время и независимо друг от друга (исключением, возможно, являются говоры рязанского ареала). Специфические связи восточнославянских диалектов, имеющих обе инновации, требуют дополнительного изучения.

На территории русского языка появление а. кр. В*, по-видимому, происходило независимо в рязанско-владимирском и юго-западном, с одной стороны, и северных ареалах – с другой.

Обращает на себя внимание развитие а. п. *b* > В* в галицких, буковинских, закарпатских и псковских говорах (а также в «производных» от псковско-новгородских говоров онежских и архангельских говорах). Эти говоры также обнаруживают сходства акцентных систем, которые объясняются их общим происхождением из позднепраславянского диалекта 2-го акцентологического типа [Булатова, Дыбо, Николаев 1989; ОСА], см. ниже.

4. Изоглоссы поморских говоров как продолжение новгородско-псковских изоглосс. Говору Тамицы, расположенной у южного побережья Белого моря, свойственны черты поморской группы говоров [Опыт 1915; Пожарицкая 2002]; по некоторым признакам этот и другие говоры Онежского р-на сближаются с олонецкими (= говорами Онежской группы). Многие особенности поморской и олонецкой групп говоров представляют собой древние черты псковско-новгородских говоров «кривичского» происхождения или развившиеся в более позднее время особенности говоров тех же территорий. Таким образом, генетическая связь гдовских, онежских и архангельских говоров, имеющих акцентное преобразование а. п. *b* > В* в системе глагольного ударения, не вызывает сомнения.

На территории Архангельской обл. поморские говоры отделяются от вологодско-вятских пучком фонетических, морфологических и лексических изоглосс, одной из которых является «ятевая» изоглосса: наличие/отсутствие чередования: [е] (перед твёрдыми согласными) || [и] (перед мягкими согласными) на месте *ě [Опыт 1915]. Важнейшими изоглоссами этого пучка являются: [г]:[в] во флексии род. п. ед. ч. прилагательных и местоимений (*того́* : *тово́*); /и/:/е/ в окончаниях дат.-местн. пп. ед. ч. существительных I склонения (*сестры́*, *земли́* : *сестре́*, *земле́*); /и/:/е/ в окончании местн. п. ед. ч. существительных III склонения (*на печи́* : *на печё́*); [е]:[а] в суффиксах сравнительной степени прила-

гательных и наречий (*скорée* : *скора́е*); наличие/отсутствие /т/ в окончаниях 3 лица глаголов (*идё́, сиди́, сидя́* : *идёт, сидит, сидят*); наличие/отсутствие «второго полногласия» (*верёх* : *верх*). Из лексических изоглосс упомянем изоглоссы различных названий орудия ручной молоты, периода работы без перерыва, стога сена, дресвы. Наиболее сильное расхождение изоглосс этого пучка наблюдается на юго-западе Архангельской обл. (так что «зоной вибрации» оказывается вся территория Каргопольского, юга Плесецкого, Няндомского, Коношского, запада Устьянского, Вельского р-на или часть этой территории), несравнимо меньшее – на востоке, в районе Верхней Пинеги, Верхней Тоймы и среднего течения Северной Двины до впадения Ваги. В историческом плане граница поморских и вологодско-вятских говоров, очевидно, соответствует северной границе интенсивной экспансии населения с юга, с вологодской территории, в области, ранее заселенные выходцами из Новгородской и Псковской земель. Влияние говоров «северо-восточного» (ростово-суздальского) типа в той или иной мере представлено на всей территории Архангельской обл. Каргополье, относившееся в прошлом к Олонецкой губернии, характеризуется диалектной мозаикой, представляющей западный и восточный типы говоров.

4.1. Со времён [Опыт 1915] границей вологодско-вятской и поморской групп говоров считается «ятевая» иоглосса: наличие/отсутствие чередования: [е] (перед твёрдыми согласными) || [и] (перед мягкими согласными) на месте *ё. По предварительным данным, полученным в результате сплошной росписи двух изданных выпусков АОС (3 и 4), на территории Архангельской области была установлена северная граница чередования [е]||[и] на месте *ё, относительно регулярного в говорах южной части Архангельской обл. и не свойственного говорам её северной части. В целом ту же границу указывает О.Г. Гецова по своим полевым наблюдениям, приводя список населённых пунктов, в говорах которых есть указанное чередование [Гецова 1997: 156–157]. «Ятевая граница» довольно точно соответствует границе районов, а в прошлом – границе Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерний, существовавшей с конца XVIII в. до 1929 г.: она совпадает с северными границами современных Верхнетоемского, Шенкурского, Няндомского и Каргопольского р-нов, захватывая по несколько населённых пунктов на юге Плесецкого р-на (Кенозеро, Першлахта, Рыжково, Маркомусы, Тарасовская) и Виноградовского (Заостровье), а к северу от этой границы [и] между мягкими согласными на месте *ё встречается в отдельных говорах Онежского (Турчасово, Усть-Кожа, Ворзгоры, Пурнема, Кянда),

Пинежского (Вальтево, Валдокурье, Лавела, Сура), Холмогорского (Гбач), Лешуконского (Вожгора, Ценогора), Мезенского (Долгощелье, Целегора, Сояна, Совполье) и Приморского (Зимняя Золотица) р-нов.

Во многих поморских говорах (к северу от «ятевой» границы на территории Архангельской обл.) имеется [и] на месте конечного *ѣ, зафиксированный в окончаниях местн. п. ед. ч. существительных II склонения с любыми исходами основ: *во хлеві, при огні, на столі, на дні, в концї, в житї, в крыльцї, на молокі, в пальті* и под. [Гецова 1997: 159–160]. Список населённых пунктов, приведенный в статье О.Г. Гецовой, показывает, что южная граница распространения (не повсеместного) окончания [и] проходит по линии Турчасово – Копачёво – Покшеньга – Кеврола, т. е. в говорах по Северной Двине и большей части Верхней Пинеги в конечной позиции *ѣ > [е] (*во хлевé, при огнé, на столé, на днé*), как и в говорах юга Архангельской обл., кроме Чёрного Ручья, Горки В-Т, где в указанной позиции – [и]: *во хлеві, при огні* и под. К сожалению, данными относительно других морфологических позиций конечного *ѣ в архангельских говорах (наречие *где*, форма им.-вин. ж. р. числительного: *две*, дат.-местн. ед. ч. личных и возвратного местоимений: *мне, тебе, себе*) мы не располагаем. Развитие *ѣ в форме местн. падежа и других конечных позициях первоначально было фонетическим (а впоследствии результаты фонетического развития были морфонологизованы, о чём свидетельствуют формы вроде *в пальті*). Написания, свидетельствующие об [и] на месте *ѣ в конечной позиции, имеются в двинских грамотах XV в.; в неконечной позиции эти грамоты показывают различные системы написаний на месте *ѣ, свидетельствующие о сохранении /с/ как особой фонемой [Горшкова, Хабургаев 1997: 100–101].

В современных поморских говорах, по данным АОС и работе О.Г. Гецовой, представлены следующие системы рефлексов *ѣ:

(1) *ѣ > [е] (независимо от позиции) – говоры «центра» Архангельской обл.: большая часть Пинежского, Виноградовского, Холмогорского р-нов и отдельные говоры северных р-нов;

(2) *ѣ > [е] (не на конце слова) || [и] (/ [е]?) (на конце слова): Летняя Золотица, Пушлахта, Куя Прим., Подпорожье, Клещёво Онеж., Копачёво Холм., Сафоново, Дорогорское, Ручьи Мез., Белашелья, Палашелья, Олема, Верхнее, Смоленец Леш., Шардонемь, Покшеньга, Петрова Гора Пин. – большая часть говоров северных р-нов и побережья моря, отдельные говоры Онежского и «центральных» р-нов;

(3) *ѣ > [е] (перед твердыми согласными) || [е]/[и] (перед мягкими согласными и на конце слова) – Пурнема, Ворзогоры, Турчасово Онеж.,

Зимняя Золотица Прим., Целегора Мез., Ценогора, Вожгора Леш., Вальтево, Валдокурье Пин. (населённые пункты, разбросанные по территории к северу от «ятевой границы»), Горка, Чёрный Ручей В-Т. (населённые пункты к югу от «ятевой границы»).

Говорам к югу от «ятевой границы» свойствен иной тип рефлексов:

(4) **ě* > [e] (перед твердыми согласными и на конце слова) || [и] (перед мягкими согласными).

В говоре Тамицы – первый тип рефлексов **ě*: [e] < **ě* перед мягкими согласными обычен, гласный [и] в этой позиции встречается крайне редко и, по-видимому, лексикализован. На месте **ě* выступает *e* на слух среднего – верхне-среднего подъема, не отличающийся по тембру от *e* на месте **e*, **ь*. На конце слова на месте **ě* – [e]: *зд'э, дв'э, на двор'э*.

4.2. «Ятевая» изоглосса является одной из северных изоглосс поморского пучка. С ней максимально сближена изоглосса /и/:/e/ во флексии местн. п. ед. ч. существительных III склонения (*на печи́* в поморских говорах : *на печё́* в южных архангельских) [Гецова 1997: 159], однако эта изоглосса отклоняется к северу от «ятевой», поскольку формы с -e/ распространены по крайней мере в части пинежских говоров.

4.3. Южной границей поморского пучка изоглосс можно считать [г] во флексии род. п. ед. ч. м. рода прилагательных и местоимений (*йего́, молодóго*) [Пожарицкая 2002: 65] – одну из важнейших изоглосс, выделяющих западную диалектную зону русского языка и объединяющую северную часть архангельских говоров с соседними олонечкими. На территории Архангельской обл. южная граница [г] в этой форме установлена по *в/з* в притяжательных прилагательных: *евóв, евóвной, евóвой, ево́евой, ево́нной, ево́нов, ево́нтой, ево́нтьев – егó, егóв, егóвой, егóвной, егóйной, егóнной, егóдин, егóдной* и существительном *егóдни́ца* [АОС 13]. Изоглосса *e[v]o – e[g]o* проходит южнее «ятевой» границы по линии р. Выя – северная граница Верхнетоемского р-на – Пучуга – Усть-Паденьга – северная граница Вельского и Коношского р-нов – Каргополь – восточный берег оз. Лача. Именно с этой границей максимально сближены изоглоссы названий орудия ручной молотбы: *при́вуз/при́уз/при́гуз* в поморских говорах – *молотíло* в южных архангельских [Комягина, карта 113; ДАРЯ 3, ч. 3, карта 39]; названий периода работы без перерыва: *упря́жка, у́пряг* в поморских говорах – *у́повод* в южных архангельских [Комягина, карта 101; ДАРЯ 3, ч. 3, карта 56] (лексические изоглоссы указаны Е.В. Колесниковой). Обе лексические изоглоссы свойственны олонечким говорам и говорам северо-запада.

4.4. Второе полногласие представлено в большей части поморских говоров, судя по материалу вышедших томов АОС, где зафиксированы следующие корни:

*vʏxh-: *верѣх* Тамица, Кянда, Порог, Подпорожье, Корельское, Усть-Кожа, Хачела, Турчасово Онеж., Сия Холм., Бычье, Мосеево Мез. [АОС 3].

*dʏlg- ‘долг’: *долѡг* ‘долг’ Сояна Мез., *доложѣть* ‘быть должным’ Родома Леш., 3 ед. *доложѣца* Верхняя Ваеньга Вин., *доложѣласе* Верхопаденьга Шенк., *доложнѡ* Вожгора, Белашелья, Палащелья, Родома, Кельчемгора, Усть-Кыма, Кеба, Смоленец Леш., Долгощелье Мез., Верола, Моша Нянд., Борок Вин., Турчасово Онеж, *не доложно* Шегмас Леш., *доложно* ‘наверное’ Смоленец Леш., *доложность* ‘должность, работа’ Пушлахта Прим., Лимь Нянд., Палащелья, Белашелья Леш., *доложнѡн* Вожгора, Кеба, Олема, Палащелья, Усть-Кыма, Шегмас, Лебское, Родома, Смоленец Леш., Долгощелье, Дорогорское, Сояна, Бычье, Мосеево Мез., Ступино, Лимь Нянд., Ворзогоры Онеж., Кенозеро Плес., Борок Вин., Труфаново, Вальтево Пин., *доложон* Смоленец Леш., *долложнѣ* Дорогорское, Мосеево, Кимжа Мез., Кельчемгора, Вожгора, Белашелья, Лебское, Олема, Пустыня, Родома, Шегмас, Палащелья Леш., Верола, Ступино Нянд., Маркомусы Плес., Нюхча Пин., Большой Бор, Анциферовский Бор Онеж., *доложна* Родома Леш., *доложнѣ* Труфаново Пин., Лебское, Смоленец, Олема, Палащелья Леш., Карьеполье Мез., *долложэны* Церковное Плес., *доложны* Вожгора Леш. [АОС 11].

*dʏlg- ‘долгий’: сравн. степ. *доложѣй* Смоленц Леш., *долошко* ‘долго’ Церковное Плес., *недолошки слова* Лебское Леш. [АОС 11].

*gvʏrst(v)- ‘дресва, измельченный камень или крупный песок, используемый для оттирания деревянных поверхностей’: *дверестѣ* Лямца Онеж., Вальтево, Труфаново Пин. [АОС 10], *воростѣ* Няндомский р-н [АОС 5]. Материал АОС по названиям дресвы использован в ЛАРНГ (рабочая карта Л.П. Михайловой). Эта карта, в частности, показывает, что поморским говорам свойственны варианты названия дресвы *верста*, *дверста*, *дверствѣ* наряду с *дресвѣ*, тогда как в южной части Архангельской обл. встречается исключительно *дресвѣ*. Вариант *верста* представлен в олонечких говорах (карта Л.П. Михайловой), в частности, в Заонежье. Архангельские и олонечкие варианты названий дресвы единично фиксируются в Ладого-Тихвинских говорах, однако западнее они не встречаются.

В следующих лексемах сочетание *ере* в корне может быть объяснено влиянием однокоренных слов с полной ступенью чередования.

В пользу второго полногласия (нулевой ступени корня) в этих примерах говорят: фонетическая позиция сочетания *ере*, определяющая появление второго полногласия (перед слогом со слабым редуцированным); территория распространения лексем с корневым *ере*; наличие у большинства из них соответствий с корневыми сочетаниями *ер* или *ер'* в других архангельских говорах.

**vygvъ*: *vérevъ*, *vérevъю* Вожгора, Койнас Леш., *vérevъ* (также род. *vérevи-то*) Нижнее Кондокурье Холм. [АОС, т. 3].

**vyrtъ*-. **vyrtъje*: *веретьё* 'водоворот' Плёсо-Мякурье Холм.; **vyrtъjъce*: *веретёиця* 'водоворот' Дорогорское Мез. («*веретейце*», в [АОС 3] в заголовке статьи (ошибочно?) *веретейця*); **vyrtъkъjъ*: ср. р. *веретко́* 'верткое' Плёсо-Мякурье Холм. [АОС 3].

Приведенный материал АОС показывает, что второе полногласие фиксируется к северу от изоглоссы [г] в окончании род. п. ед. ч. м. р. прилагательных и местоимений, однако, по имеющимся материалам, его практически не бывает в говорах Каргопольского, Виноградовского р-нов и на Средней Пинеге (ср. изоглоссу отсутствия /т/ в форме 3 л. ед. ч. глаголов? – п. 4.7). Второе полногласие представлено в олонекских говорах и на северо-западе, однако точная изоглосса этого явления за пределами территории ДАРЯ не известна.

В говоре Тамицы второе полногласие зафиксировано в лексемах *верёх*, *доложён* (*доложна́*, *доложнó*, *доложны́*).

4.5. Синкретизм флексий род.-дат.-местн. пп. ед. числа существительных I склонения по окончанию *-и/*: *с'естры́*, *земл'и́*, см. эту изоглоссу северо-западной диалектной зоны в [ДАРЯ 2, карты 1, 2] – отмечен в большинстве поморских говоров [Гецова 1997: 158], в том числе в говорах Тамицы, Кянды, Покровского. К югу от «ятевой» изоглоссы флексия дат.-местн. пп. ед. ч. *-и/*, согласно О.Г. Гецовой, отмечена наряду с *-е/* на юго-западе Архангельской обл.: в Вельском, Коношском, Каргопольском, Няндомском и Устьянском р-нах.

К югу от «ятевой» изоглоссы, в юго-восточных архангельских говорах (Верхнетоемский, Ленский, Котласский, Красноборский р-ны) и в южных говорах Плесецкого р-на встречается только окончание дат.-предл. пп. ед. ч. *-е/* (*с'естр'э́*, *з'емл'э́*) [Гецова 1997, там же]. Оно отмечено и к северу от «ятевой» изоглоссы, преимущественно в говорах по Северной Двине. Существенно, что северные границы двух основных ареалов распространения флексии дат.-предл. пп. ед. ч. *-е/* полностью совпадают с «ятевой» границей.

В зоне поморских говоров на фоне господствующего синкретизма род.-дат.-местн. пп. ед. числа I склонения по окончанию *-и/* в отдель-

ных говорах фиксируется окончание род. ед. *-/е/*, исключительно в род. с предлогами (Турчасово, Хачела Онеж., Верхняя Ваеньга Вин.). В говорах Белашцельи, Палашцельи, Лебского, Родомы Леш. окончание род. п. ед. ч. с предлогами и счетной формы *-/е/* отмечено только у слова *изба* [Гецова 1997: 159]. Подобное положение известно в говорах Заонежья: в них представлен синкретизм род.-дат.-местн. пп. ед. ч. и счетной формы существительных I склонения по окончанию *-/и/*, и только у слова *зима* (как и поморское *изба*, с основой на губной) отмечен синкретизм названных форм по окончанию *-/е/*: *дв'э з'им'э, од з'им'е, з з'им'и* – притом что слово *изба* в Заонежье фактически не употребляется, будучи вытеснено словом *фат'эра*).

4.6. Изоглосса *[е]:[а]* в суффиксах сравнительной степени прилагательных и наречий (*скорее : скор'ае*) по конфигурации напоминает изоглоссу, рассмотренную в п. 4.5: суффикс */ее/*, характерный для поморской зоны, встречается также в юго-западном «анклаве» (восток Няндома, север Вельского и Устьянского р-нов, Шенкурский р-н) [Гецова 1997: 157–158]. На западе, в Плесецком р-не, граница *-/ее/-/ае/* полностью совпадает с «ятевой» изоглоссой и границей распространения окончаний *-/и/-/е/* в дат.-местн. пп. ед. ч. I склонения; практически полностью совпадают эти три изоглоссы, а также изоглосса *е[г]о:е[в]о*, вдоль линии Пучуга – Борок – Горка – Тинева – Усть-Вья. Кроме того, изоглоссы окончаний I склонения и форм сравнительной степени идут вместе приблизительно по линии Подгорное – Бестужево – Пучуга.

4.7. Северная граница распространения окончаний глаголов I спряжения 3 л. ед. ч. и II спряжения 3 л. мн. ч. без */т/*: *ид'о, сид'а* идёт по линии Кенозеро – Клещёво – Копачёво – Гбач – Вальтево, южная граница – по линии Вельцы – Моша – Верола – Ступино – Шеговары – Сельцо – Качем – Заозерье – Горка – Нюхча, однако каргопольские говоры на побережье оз. Лаца имеют формы 3 лица с */т/* и, наоборот, в говорах Летней Золотицы Прим., Азаполя, Целегоры, Березника Леш. зафиксированы формы без */т/*. В говорах Тамицы, Кянды и Покровского представлены системы с *-/т/*. Данная изоглосса в своей южной части совпадает с пучком поморских изоглосс, а в северной – с границей 1-го и 2-го типа систем рефлексов **ё* в поморских говорах; кроме того, в ареал форм без */т/* вписывается несколько более узкий ареал поморских говоров без второго полногласия.

4.8. Говору Тамицы присущи фонетические особенности, определяемые авторами [Опыт 1915] и в работе [Пожарицкая 2002] как признаки поморских говоров: чередование *[а]||[е]* под ударением в зависи-

мости от твердости/мягкости последующего согласного: *n'átмой, n'ém'e-ro*, [e] на месте *'а, *ε в 1-м предударном слоге: *n'eták, n'et'ú*; последовательное ёканье: *c'остра́* наряду с *c'естра́*; чередование [в]/[ф]: *в л'és, ф т'élo, жы́ф, жыва́*; веляризованный [л] во всех позициях. Добавим, что чередование [а]||[е] в говоре Тамицы представлено и в формах наст./буд. времени глаголов *сесть, лечь*, но [а] распространяется в формы прош. вр. глагола *сесть*: ж. р. *с'ála*, м. р. *с'ál*, мн. ч. *с'él'и* (перед мягким согласным).

5. Материал по акцентуации *i*-глаголов был записан в 2002 г. от 72-летней информантки, уроженки Тамицы, со средним специальным образованием, которая с 16 лет жила в г. Онега, а в 60 лет вернулась в родную деревню. В повседневном общении она пользовалась двумя идиомами: с членами своей семьи говорила на «городском языке» (разновидности литературного языка, окрашенной местными фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями), причем особенно внимательно следила за своей речью, стараясь не допускать в нее диалектных форм, когда говорила с внуками 13-17 лет, приехавшими к ней на лето из г. Онеги; с односельчанами она говорила на местном говоре, также несколько продвинутом в сторону «городского языка». С этой информанткой мы беседовали шесть раз, в общей сложности около 12 часов; отчасти это были непринужденные разговоры о жизни, отчасти – целенаправленный сбор материала по акцентуации *i*-глаголов с помощью вопросника. Формы 1 л. ед. ч. глаголов а. п. В* с накоренным ударением (*хóжу* и под.) были обнаружены при первом же опросе, однако поначалу в ее ответах были очень редкими. Информантка призналась, что сейчас они кажутся ей несколько устаревшими, хотя в поколении ее матери и бабки их употребление было обычным. Поняв, что задачей нашей работы является запись традиционного говора Тамицы, она, отвечая на вопросы программы по акцентуации, сознательно архаизировала свою речь (помимо «старой» акцентуации, она последовательно выдерживала оканье, разрушенное в ее повседневной речи, менее последовательно – цоканье; нерегулярность ёканья у нее вполне соответствует его нерегулярности в речи носителей «старшей» разновидности говора). Ответы информантки подтверждены примерами из записей «связной речи» носителей диалекта самого старшего поколения (разумеется, в записях «связной речи» встретились далеко не все словоформы и лексемы *i*-глаголов, полученные в результате опроса по программе).

Ниже приводятся формы *i*-глаголов, относящихся к четырем акцентным парадигмам в говоре Тамицы (а. п. А, В*, В, С). Помета «нов.» –

новое, «современное» ударение словоформы – отражает комментарии информантки, которые примерно в половине случаев она давала без вопросов со стороны собирателей, а в остальных случаях – в ответ на вопросы: как говорили раньше в Тамице? как бы сказали ваши мать и бабушка? и под. Многие случаи вариативности ударения при этом остались без комментария. Исходя из предположения о вторичности а. кр. В в говоре и появлении ее под влиянием «городского» языка, глаголы, у которых зафиксирована вариативность ударения в 1 л. ед. ч. типа *хóжу/хожу́*, помещены в список а. п. В*. В список а. п. В включены только глаголы без вариативности ударения в 1 л. ед. ч.: *горо́жу́*, 2 ед. *го́родиш* и т. д.).

Материал, записанный в Тамице, сопоставлен с данными других архангельских говоров (по АОС). Состав а. п. А сопоставлен также с материалом олонечских (заонежских) говоров. Другие заонежские данные по акцентуации *i*-глаголов не приводятся, поскольку в этих говорах акцентный тип С у *i*-глаголов в значительной степени вытеснен типом В.

5.1.1. **А. п. А в говоре Тамицы:** *убáв'ит'* (укоротить); *бро́с'им*, *бро́шоно*, *бро́с'ит'*; *зго́р'б'илса*; *нагото́вл'ено*, *гото́в'ит'*; *ужа́л'ит*, *ужа́л'ил*, *ужа́л'ено*, *жа́л'ит'*; *нажа́р'у*, *нажа́р'ит*, *жа́р'им*, *нажа́р'ено*, *жа́р'ит'*; *назна́ц'у*, *зна́ц'ит*, *назна́ц'ит'*; *н'е йе́жду*, *йе́з'д'ила*; *ква́шу*, *ква́с'ит*, *ква́с'ат* *ква́с* и *капу́сту*, *наква́шоно*; *кра́шу*, *покра́с'им*, *(на-) покра́с'ила*; *пола́жу*, *дава́й мý с тобо́й* *пола́д'им*, *йес'л'и ху́до жы́вут* 'наладить отношения', *сход'и́ в ба́йн'у к ба́бушк'е*, *она́ т'еб'а́* *пола́д'ит*, *коро́ва нала́жена* 'лечить', *нала́д'ил*, *ла́д'ит'* 'поправлять, чинить'; *зам'е́ч'у*, *зам'е́т'ит*, *-ила*, *-ит'*; *н'е мо́вл'у*, *слов'е́ц'ка* *н'е обмо́вл'ила*, *а ц'о́п ц'о́м мо́вл'ит'* *бу́д'ом*; *заморо́жу*, *моро́з'ит*, *наморо́з'ит*, *заморо́з'ила*, *-ил*; *пому́ц'у*, *му́ц'ит*, *изму́ц'ила*, *му́ч'ит'*; *мы́л'им*, *намы́л'ил*, *намы́л'ено*, *мы́л'ит'*; *пон'и́з'ит'*, *-ила*; *попа́р'ус'*, *па́р'ице*, *напа́р'илсе*, *напа́р'енос'* *в ба́йн'и*; *п'е́н'иц'ц'е*, *п'е́н'илос'*; *напо́лн'ит*, *-н'и*, *-н'ено*, *-н'ил*; *пора́н'ит'*, *пора́н'ена*, *изра́н'ена*, *пора́н'ила*; *пра́в'ат*, *пра́вил'и*; *осла́бл'у*, *осла́б'ит*, *осла́бл'ена*, *осла́б'ил'и*, *осла́б'ит'*; *ста́в'им*, *поста́вл'ена*, *поста́в'ила*, *оста́в'ила* *йих*, *заста́в'ил'и* *йей*; *т'е́шу*, *т'е́шит*, *т'е́шым*, *т'е́шыла*; *у́жу*, *у́д'ат*, *нау́жено*, *у́д'ит'*, *проу́д'ила*; *уда́р'ис'с'е*, *уда́р'ит*, *уда́р'ила* (большая часть глаголов этого списка относятся к р.-др.-р. а. п. а [Зализняк 1985: 133]).

К. а. п. А в говоре относятся также глаголы *ро́стить*, *ро́бить*; *ло́жить*; *стре́лить*; *стро́ить*; отадьективные глаголы со значением 'делать(ся) таким-то': *скри́виться*, *поко́ситься*, *поте́плить*; некоторые из них обнаруживают отклонения от а. п. А:

наро́шчу, ро́с'т'ит, наро́с'т'им, наро́шчно; поло́жу, поло́жыт, ло́жыт, поло́ш, поло́жыл, поло́жыла, поло́жыт' (и поло́жыт'), ср. а. п. С возвратного глагола: ложу́с', 3 ед., инф. ложы́ще; стр'él'у 'выстрелить', стр'él'ит, потстр'él'у оружи́ом (подстрелю из ружья), потстр'él'ен, ростр'él'ены, стр'él'ил, потстр'él'ил, (нов.) (пот)стр'ел'и́т'; пострóйу, -и́т, пострóйи́т'е, пострóйи́л'и; скр'и́вл'ус', скр'и́вл'илас' фс'а 'сгорбиться; покоситься', ска́жут доро́га кр'и́ва́а, доро́г'и в'ьт' н'е кр'и́в'еу'ц'е; до́м покр'и́вл'илс'е, инф. покр'и́вл'иу'ц'е; дом покóс'илс'е, скóро на боку́, (и покос'и́лс'е); пот'éпл'ит' 'подогреть'.

Состав а. п. А в говоре типичен для севернорусских говоров: сюда входят глаголы праслав. а. п. *a*, в том числе сохранившиеся в севернорусских говорах архаизмы (*у́дити*); «общерусские» новые глаголы а. п. А (*бро́сить, стрóить*); специфически севернорусские глаголы а. п. А: 1) глаголы, относящиеся к определенному морфонологическому типу (типам) – с корнями на *ро-*, *ло-* (*ро́стить, рóдить, ло́жить*); 2) глаголы, относящиеся к определенной словообразовательной модели – ота́дъективные каузативы (*крíвить(ся), кóсит(ся), тéплить*); 3) глагол *стрéлить*. Тамицкий состав а. п. А находит соответствие в других архангельских и олонечских говорах.

5.1.2. *Материал АОС* по *i*-глаголам (приводится неполная выборка) включает в себя, с одной стороны, древнюю лексику, а с другой – демонстрирует продуктивность отыменных моделей *i*-глаголов; среди новообразований большое место занимает экспрессивная лексика.

А. п. А: *беспоко́иться* 'стараться'; *бессу́дить* 'осуждать'; *благóлить* 'глаголить, говорить, сообщать', *бла́знить(ся), бля́знить, бла́жнить* 'казаться, чу́диться, мерещиться'; *бли́житься* 'приближаться; лнуть; становиться дорогим'; *богаты́рить* 'шалить'; *болга́чить, борóчить* 'наводить порчу'; *болта́житься* 'болтаться'; *болту́нить* 'болтать о пустяках'; *больни́чить* 'болеть с больничным листом'; *больши́чить(ся)* 'управлять, помыкать; вести хозяйство'; *бо́нить* 'направлять лес бонами при сплаве'; *боробóрить, боробóиить* 'болтать'; *борóвить/бурóвить, боронóсит* 'болтать'; *боронтрóсит* 'ругаться'; *ботáнить* 'ловить рыбу особой снастью' Майда, Лампожня Мез.; *бохма́рить/бухма́рить* 'быть облачным' [АОС 2]; *вага́нить* 'делать плохо, небрежно' Зимняя Золотица Прим., 'возить тяжести' Гбач, Сельцо Холм., Кянда Онеж.; *вага́ниться* 'насмехаться' Юрома Леш.; *ва́дить* 'тратить время' Майда Мез.; *ва́дить вре́мя* Ступино, Верола Нянд., Турчасово Онеж.; *ва́дить* 'водить в игре', *ва́диться* 'тратить время, возиться' Нокола Карг., 'при-

учаться' Хотеново Карг., Климовская Кон.; *ва́жить* 'приучать; баловать' Лекшмозеро Карг., *ва́житься* 'привыкать' Вальтево Пин.; *ватá-жить*, *ватóжить* 'дружить'; *ватóлить* 'покрывать жирным, мазать' Верхопаденьга Шенк.; *варга́нить* Сельцо Холм., *варга́чить* Совполье Мез.; 'булькать, шуметь'; *вба́вила две кру́шки* Судрома Вель.; *вго́ить* 'привести в порядок' Синики Усть.; *вда́рит* Моржегорское Вин., Сафоново Мез., *вда́рило* Конечгорье Вин., Зимняя Золотица Прим., *вда́ришься* Ручьи Мез.; 3 ед. *вдо́ица* Дорогорское Мез.; *вдові́чила* Першлахта Плес.; *вды́рила* Вершина В-Т, *вды́рим* Черный Ручей В-Т; *ве́дрить* Совполье Мез., *ве́дрит* Верола Нянд., *ве́дрило* Койнас Леш., *ве́дрилось* Кельчемгора Леш., *ве́дрище* Дорогорское Мез. 'быть/становиться хорошей' (о погоде); *ве́рзище* 3 ед. 'чудится' Верхопаденьга Шенк., Карпогоры Пин., *ве́рзилось* Сояна Мез.; *ве́ршиться*, *сканда́лить* 'злиться, «ершиться»'; *ве́сить* 'подвешивать; вешать; вешать на висилице; взвешивать', *ве́сится* 'висеть; взвешиваться' [АОС 3]; *весноди́лить* 'заготавливать дрова весной особым способом' Судрома Вель. [АОС 4]; *фня́лиши*, *фня́лила* Нокола Карг., *фня́лят* Ошевенское, Хотеново Карг., *фне́лился* Целегора Мез., *фни́лился* Долгощелье Мез. (а. п. С: 3 мн. *фпеля́* Верола Нянд.); *вре́днил* Пурнема Онеж. 'повредить'; *фску́чила* *гряду́-то* Нокола Карг., *фспа́рю* *молоко́* Горка В-Т, *фспа́рила* Павловск Вил.; *вы́мё* *фспóлнится* Кельчемгора Леш.; *фспóмнить* Павловск Вил.; *ожа́рилась* 'ожечься крапивой' Котажка Шенк. [АОС 6-7: 53]; *фспу́чило* Плёсо-Мякурье Холм.; *фста́виши*, *фста́вили*, *широгла́зой* *фста́вил* *глази́ишиате*; *фстрéтиться*; *фстревóжили*; *фтепéриться* 'впереться, влезть' Ручьи Мез.; *фтереля́шил* 'всунуть' Летняя Золотица Прим.; *фто́рить* 'припоминать' Лопшеньга Прим.; *фту́рила* Климовская Кон., Копачёво Холм. 'всадить'; *вты́чит* Тамица Онеж.; *фтю́рили* Дорогорское Мез., *фтю́риться* Сельцо Холм., *фтю́рилась* Пурнема Онеж.; *вүросить* 'ворчать' Лиходеево Вель.; *фця́лим*, *фця́лят*, *фця́лена* *роско́лотка* Синики Усть. 'воткнуть; вставить; ужалить', *фця́лила* *оса́* Олема Леш.; *фця́тился* Кеврола Пин., *фця́пилась* Вальтево Пин.; *въепéрит* Селяна Вил. 'всадить' [АОС 6-7], см. соответствующие словарные статьи;

доба́вим Черный Ручей В-Т 8:115 (здесь и далее первая цифра обозначает том АОС, вторая – номер страницы); *побла́знят* 'покажется' Тимошино В-Т 8:121; *бро́сят* Родома Леш. 8:19; *спрова́дить* Лебское Леш. 8:101; *совздо́рила* Палащелья Леш. 8:103; *обгла́диши* Долгощелье Мез. 8:27; *нога́* *гнои́нилась* Белашелья Леш. 8:45; *жа́рить*, *пожа́рим* Палащелья Леш. 8:102; *сква́сиши* Кянда Онеж. 8:54, *ква́сиция* Родома Леш. 8:12; *ко́нчат* 8:8; *кра́сила* 8:7; *изла́дят* Забелино Котл. 8:16, *ла́-*

дит *йэхать* Забелино Котл. 8:79, *дом сла́дил* Усачёво Карг. 8:61, *око-лэ́нилась* (оклемалась) Пурнема Онеж. 8:128, *коси́ть ла́жу* Родома Леш. 8:100, *ла́дить ко́су* Хмельники Кон. 8:106; *облэ́кцило* Кеврола Пин. 8:86; *вымо́вить* 'говорить' инф. Бестужево Усть. 8:19; *намо́зוליш* Летняя Золотица Прим. 8:61; *морóзили* Шегмас Леш. 8:13; *нё́жыть, вы́нежыть* Кушкопола Пин., Родома Леш. 8:33; *изобихо́дить* Тавреньга Кон. 8:121; *нос ово́стрилси* Лекшмозеро Карг. 8:128; *на́косы́ят* Белашелья Леш. 8:116; *на́рит* (высиживать цыплят) Климовская Кон., *на́рить* Поташевка Шенк. 8:54; *припла́вят, лес пла́вят* Ручьи Мез. 8:16, *до́м-от пла́вили, корóву пла́вили, быка́ пла́вили* (перевозить вниз по реке) Шардонемь Пин. 8:85, *напла́вят парохо́т люде́й* Карьеполье Мез. 8:117; *сподо́бят дитё́нка* Лядины Карг. 8:36, *сподо́бить* Верхняя Уфтюга Красн. 8:28; *позо́ряце* Нокола Карг. 8:82; *по́лстим* (обрабатывать шерстяную ткань) Дорогорское Мез. 8:100, *по́лсты́ят* Летняя Золотица Прим. 8:100, (а. п. С: *полсты́цца* Пурнема Онеж 8:101); *спо́ртил* Ворзогоры Онеж. 8:74; *опра́вился* Кеврола Пин. 8:55, *пра́вить ко́су* Хмельники Кон. 8:106; *опризо́рит* (сглазить) Смоленец Леш. 8:139; *спрока́зит* Карьеполье Мез. 8:102; *запру́жат па́зом* Пучуга В-Т 8:42, *опру́жи́щи* инф. (перевернуться, о телеге) Лекшмозеро Карг. 8:58, *перепру́жыш* (переложить) Пошненьга Пин. 8:116, *пру́жу* Тавреньга Кон. 8:117; *пе́тят ме́ня на у́лку* Берёзонаволоок Красн. 8:130; *ра́нил* Олема Леш. 8:134; *приосла́бил* Волосово Карг. 8:138; *спо́рила* Палащелья Леш. 8:103; *ссо́рились* Судрома Вель. 8:126; *оста́вила* 8:24; *соста́рились* Усть-Кожа Леш. 8:149; *стрэ́лить* (с отклонениями); *нау́дил* Кушкопола Пин. 8:101.

К а. п. А относятся глаголы с корнями структуры *ort: *врóстить, врóщишу, врóстит* Усть-Выя В-Т, Турчасово Онеж.; *подро́ишу* Дорогорское Мез. 8:13, *ро́сьтили* Вальтево Пин. 8:83, *отро́сьты́ят рош* Майда Мез. 8:109, *ро́стить* Дорогорское Мез. 8:133; *прорóбила* Шегмас Леш., *ро́бят* Родома Леш. 8:80, *ро́бить* Синики Усть. 8:61, *ро́бил* Лебское Леш. 8:123, *ро́бить на́ть* Олема Леш. 8:138, *ро́била* Синики Усть. 8:148; *переро́зныла* (разорвала) чу́лки Олема Леш. 8:134;

глагол а. п. с *ложить*: *поло́жа* Зед. Озерки Карг. 8:32, *поло́жат* Рыжково Плес. 8:22, *нало́жат* Хмельники Кон., Синики Усть. 8:26, *поло́жат* Родома Леш. 8:12, *поло́жыть* Тамица Онеж. 8:114, *нало́жыш* Тимошино В-Т 8:106, *поло́жыть* Хотеново Карг. 8:106.

5.1.3. «Севернорусский» состав а. п. А *i*-глаголов представлен в оло-нецких говорах, ниже это показано на примере говоров Заонежья (об ударении *i*-глаголов в заонежских говорах см. [Тер-Аванесова 1988]).

К а. п. А в заонежских говорах относятся: *изба́вить, уба́вить, сбáвить* 'оставить, покинуть; избавиться'; *сбла́знить* 'соблазнить', *бла́з-*

ниться ‘чудиться, мерещиться’; *приблизиться*; *приблизжиться*; *прибрédиться* ‘почудиться, присниться’; *бурáвить*; *брóсить*; (*по*)*бúчить* ‘стирать белье золой (щелоком) в бúке, бросая в воду раскаленные камни’; *почúстить*; (*по*)*чúдиться* (/почудíться); *продырявить*; (*на*)*гáдить*; (*на-*, *с*)*гáтить*, *гáтиться* ‘срыгивать’ (редко – ‘гатить, мостить дорогу’); *глаго́лить* ‘говорить, болтать без умолку’; (*по*)*гладить*; *готóвить*; *гра́бить* ‘грести’: ср. *но́н’ку огра́бл’аны фс’и́ му́жык’и* Сел. ‘сейчас загребли (арестовали) всех мужиков’; *го́рбиться* (в ВН и Куз. более старым считают смежно-подвижное ударение: *горб́иться*); *éздить*; (*по*)*яз-вить* ‘язвить, издеваться’; (*за*)*клéить*; *закл́инить*; *котя́титься* ‘рожать котят’; *оку́чить*; *ку́десить* Куз. / *кудэ́сить* Сел. ‘гадать, ворожить’ (на Святки); (*за-*, *под*)*кв́асить* / *накваси́ть* (а. п. В – Падм., ВН); *закóнчить*; *ко́рчить(ся)*; *и́скриться*; *ла́дить(ся)* ‘лечить; чинить, поправлять; делать, устраивать; иметь хорошие взаимоотношения; намереваться’; *ла́комиться*; (*об-*), *зала́пить* ‘схватить, обнять’; *ла́зить*; *зала́ститься* ‘лосниться’; *ли́стяжить* ‘покрываться ли́стягой – тонким слоем льда’ (об озере, реке); *нама́слить(ся)* ‘намазать маслом, кремом, опрыскать одеколоном; испачкать’; *помéдлить*; (*за-*, *роз-*) *призамéтить*; *сме́житься* ‘сойтись вплотную; сомкнуться’; *морóчить* (голову) / (*на-*, *за*) *поморочи́ть* (а. п. В) ‘затянуть облаками’; (*за*)*му́чить*, *пому́лить* ‘плакать; грустить’; (*по*)*мы́слить*; (*на*)*мы́лить*; *умно́жить*; (*за*)*мо́лвить*; (*за*)*мутáрить(ся)* / *помыта́риться* ‘мучить(ся)’; *переинна́чить*; *намо́рщиться*; (*при-*) *понево́лить*; *пони́зить*; *зани́тить ста́в* ‘продеть нити ткацкой основы в нитченки’; *зану́дить* / *понуди́ть* (а. п. В); *охо́титься* (нов., старое *полéсовать*, ср. *поли́сник* ‘охотник’); *безобра́зить* ‘безобразничать’; (*за*)*па́рить(ся)* ‘парить(ся) в бане; парить в печи; держать в кипятке (ивовые прутья); высиживать птенцов’ / *па́риться* (а. п. С) ‘высиживать птенцов или собираться сесть на гнездо?’; *спла́вить* ‘сплавить лес; избавиться’, *роspла́вить* ‘растопить; расплавить’; *пéниться* (/напенíться); *беспоко́иться*; *споло́шиться* / *всполои́ть(ся)* ‘испугать(ся)’ (чаще *споло́хаться*); *перепом́нить* (*вы́полнить*); (*по-*) *напра́вить* ‘поправить, починить; править косу’; *прорóчить*; *запрóдить*; *опру́жить(ся)* ‘перевернуть(ся), опрокинуть(ся)’; (*ис*)*по́ртить* ‘портить; насылать порчу’, *па́зить* ‘делать паз’, *напо́лнить*, *роspпо́лстить* ‘валять войлок?’; (*о-*) *припозóрить*; *опризо́рить* ‘сглазить’ (*призо́р* ‘сглаз’); *печа́литься*; *встрéтить* / *стри́тить*; *нару́шить* / *наруи́ть* ‘разрушить; убить, погубить’; *ска́литься*; *роspсла́бить*; *засла́вить* ‘заработать пением рождественских песнопений’ и *христасла́вить* ‘славить Христа: петь рождественские песнопения, ходя по домам’;

исста́риться; ста́вить, доста́виться; усóвестить; росспóрить; ссо́риться; наску́чить; щу́риться; роста́ить ‘растопить’; те́шить ‘нянчить’; у́дить; прова́дить ‘отправить, выставить кого-л.’; пова́диться; ува́жить; повисе́ть(ся), висе́ться ‘веситься, висеть’: ку́ртка на́ гвазду́ виси́ц ‘ц’е (висит); похи́тить / похити́ть (а. п. В); ху́хорить ‘работать мельником’, ср. ху́хор ‘мельник’; поза́риться; пожа́литься; поджа́рить.

В а. п. А перешли 1) глаголы с корнями, оканчивающимися на *oj*: *стои́ть, стрóить, росстрóиться ‘огорчиться’, удовóить(ся)*; с колебаниями – *гнои́ться* Куз., Палт. (/В: 3 ед. *гно́ицца*, инф. *гнѳ́илас* ‘Куз., Палт., ВН; /С: 3 ед. *гна́ицца, -и́лас* ‘Куз., Косм., ВН); однако а. п. В/С у глаголов *крои́ть* (при прош. вр. *кро́ил’и* Куз.), *дои́ть, пои́ть*; 2) глаголы с корнями структуры **ort*: *ро́бить, ро́стить, розро́знить ‘раскидать’* (навоз, землю, вещи); 3) невозвратные глаголы с корнями *лож-* и *род-*: *ло́жить, ро́дить* (однако *пльэ́жыл’и, рьд’и́ла*); при наличии *-ся* они относятся к а. п. С: *лэ́жы́с’с’е, слэ́жы́лас’; рьд’а́ц’ц’а, -и́лс’а, -и́лас’, рьд’и́лас’*, изредка – к а. п. В: 3 ед. *ро́диц’ц’е*.

В а. п. А переходит (непоследовательно) ряд отадективных глаголов со значением ‘делать(ся) таким-то’: *поби́лить* (но Падм. а. п. В); *удобри́ть* Палт., Сел., Каж. (но Выр. а. п. С, Падм. а. п. В); *розья́снить-ся / розья́снить ‘стать ясным, безоблачным’* (о погоде, дне и т. п.), однако нов.(?) а. п. С *обья́снить ‘объяснить’* Куз.; (*y-*) *обкорóтить* Сел., ВН, *укорóтить* Куз., Палт., ВН (/С: *укороти́ть* Куз.); (*по-*) *ско́ситься ‘поко-ситься’* (о постройках и т. п.); *покрѳ́ивить(ся) ‘покоситься, искривиться’*, однако *кривѳ́и́т душо́й; облё́гчить* Сел., Куз.; *розмя́гчить* Сел., Куз. (/С: *розмягчи́ть* Куз.); *обно́вить* (/С: 3 ед. *оа́бнав’ит*) Тамб., Сел., в большинстве заонежских говоров а. п. С: (*по-, об*)*нови́ть; заво́стри́ть* ВН, Сел., в других говорах а. п. В/С; *обрéдить ‘проредить’* Сел., ВН (/С Падм.); *подси́нить* Куз.; *стро́жить ‘воспитывать в строгости’* Сел.; *оте́плить ‘утеплить’* Янд.; *захво́рить ‘заболеть’; ба́ситься ‘украшать-ся, наряжаться’* ВН; *поче́рнить* Выр., ВН (/В Куз., /С ВН).

К а. п. А относится несколько отсубстантивных глаголов со значением ‘покрывать чем-либо’: *засне́жить* ВН, при *сн’ажы́т* ‘идет снег’; *обли́ститься, гря́зиться* Сел.

К а. п. А относится также группа глаголов а. п. *b2* в основном с долготными корнями: *застри́лить* Куз., Сел., Волк. (но также *застр’ил’у́, застр’э́лит, застр’эл’иш* Падм., *застр’ил’и́т* Сел.); *подра́з’н’ит’* Сел.; *заку́р’ит, заку́р’иш* Каж., Волк.; *зб’э́с’ишса, -лас’* Каж.; *оцу́титься, зали́пить, оце́нить; во́пить* Куз.

5.2.1. *А. п. В*, В, С в говоре Тамицы* (отклонения в акцентуации страдательных причастий выделены подчеркиванием).

А. п. В*, праслав. а. п. *b1*²: *бробжу*, *п'ер'еброд'ат*, *брод'іл'и*, *брод'іт'*; *вобжу*, *вод'ит*, *с'т'их'і вод'ат* (плакать по покойнику, исполняя стих (плач), см. образец плача, записанного в Тамице, в [Русская деревня: 416-417]), *вод'іт'*; *руковод'ат*, *-ит*, *руковод'іт'* (слово «официального языка»); *вобжу*, *воб'ит*, *воб'ит'е*, *навобжено*, *навоз'іл добра́, -іт'*; *волоб'у*, *волоб'ат*, *пр'иволоб'ено*, *пр'иволоб'іла*, *волоб'іт'* 'тащить, нести'; *прогоб'у* / *прогон'у*, *прогоб'ит*, *прогон'іт'*, *прогон'іл'и*; *колоб'у*, *колоб'ит*, *колоб'ит'ес'*, *пр'иколоб'ена*, *пр'иколоб'іт'* 'стучать, ударять, бить'; *отлоб'м'у*, *отлоб'ит*, *отлоб'он*, *отлоб'іт'*; *налу'п'у*, *налу'п'ат*, *налу'п'іл*, *отлу'п'іл*; *л'убл'у* / *ран'ше говор'іл'и* *л'убл'у*, *л'уб'ит*, *он в йей вл'уб'ілс'е*; *молоб'у*, *молоб'ит*, *помолоб'ено*, *(об)молот'іл'и* (*молот'іл'и* *кон'ам'и* *и ет'има*, *киц'ігам'и*, *пр'івузам'и* *н'е ум'ел'и* *мы робоботат'*, *стары-то робоботал'и*); *нобу*, *нос'ит*, *нос'ит'е*, *нанобено* *в'ен'икоф*, *нанос'іл'и*, *нанос'іл*, *нос'іт'*; *спробу*, *попробу*, *попроб'ит*, *н'е прос'іл*, *спробено*, *прос'іт'*, *н'е прос'іла*; *рубл'у*, *руб'ат*, *нарубл'ены*, *срубл'ена*, *сруб'іл'и*; *скоб'у* 'вскочить', *скоб'ит*, *соскоб'ено* *с'п'ец'и*, *скоб'іла*, *скоб'іт'*; *служу*, *служыт*, *у н'его ар'м'ийа отслужона*, *отслужыл*, *служыт' в ар'м'ийу поход'ат* (идут); *хобжу* / *хожу́*, *ход'ит*, *за йегода́м'и ту́т уш хобжено*;

праслав. а. п. *b2*: *нагрубу* / *нагрубу́*, *н'е нагруз'ит*, *нагружена*, *нагруз'іл*, *груз'іт'*; *драз'н'у* / *драз'н'у́* (нов.), *драз'н'ит'е*, *драз'н'иш*, *драз'н'ит*, *драз'н'іт'*; *прокач'у*, *прока́т'ит*, *прока́т'ит'ес'*, *прокат'іл*, *прокат'ілас'*; *фкл'уч'у* / *фкл'уч'у́*, *фкл'уч'им*, *фкл'уч'ит'е*, *фкл'уч'і*, *фкл'уч'она*; *н'е наклон'ус'* / *наклон'ус'*, *поклон'ище*, *наклон'она*, *наклон'иц'и*; *покор'мл'у*, *накор'мл'у* *скот'іну*, *накор'м'ит*, *накормл'ены*, *покор'м'іла*, *кор'м'іт'*; *закруч'у* / *закруч'у́*, *кру́т'ит*, *закрут'і*, *крут'іл'и*; *купл'у*, *куп'ит*, *куп'ит'е*, *купл'ено*, *куп'іл'и*; *укушу* / *укушу́*, *укус'ит*, *укушано*, *укус'іл*; *откушу* / *откушу́*, *откус'ит*, *откушан*, *откус'іт'*; *урон'у* / *урон'у́*, *урон'ит*, *урон'ен*, *урон'іла*; *пос'ел'ус'*, *пос'ел'аще*, *пос'ел'іл'ис'*; *н'е осужу*, *н'е осуд'ит*, *осужон*, *осужд'он* (форма, заимствованная из «официального» языка), *осуд'іла*, *осуд'іт'* 'опсужда́ют стару́х'и', *оп'ц'ом суд'ище*; *насту'п'у*, *насту'п'ит*, *насту'п'ено*, *ч'ер'ес поро́к сту́п'ит* 'переступить', *н'е наступ'іла*, *наступ'іт'*; *топл'у* *п'еч'ку*, *топ'ит*, *там топ'ат* *гд'е картобшка*, *истобл'ена*, *-іл'и*, *(про)топ'іт'* (топить печь); *торобл'ус'*, *тороб'иц'и*, *то-*

² О реконструкции праслав. а. п. *b1*, *b2* и *с* у *i*-глаголов см. ниже, п. 6.

ро́п'ац'ц'е, тороп'и́лс'а, тороп'и́ц'ц'а; ту́шу, ту́шыт (свет), тушы́т'; тру́жус' / тружы́с', тру́д'иц'ц'а, п'ер'атру́жены, труд'и́л'ис'; похоро́н'у, похоро́н'ит, похоро́н'ена, похорон'и́л'и;

праслав. а. п. с: *пу́шту, пу́с'т'ат, н'е пу́с'т'ит'е, запу́шчены, запущена, пу́с'т'и́т', спу́с'т'ац'ц'е; остано́вл'ус', остано́в'иццѣ, остано́вл'ен, остано́в'и́лас'; у́ц'у, нау́ц'ат, нау́ц'еный, уц'о́ный (форма заимствованная из «официального языка»), уц'и́лс'е.*

А. п. В, праслав. а. п. b1: *жен'у́с', жéн'иц'ц'е, жéн'ит, жен'и́лс'а, жен'о́н был, жени́ц'ц'е;*

праслав. а. п. b2, b2/c: *загоро́жү, загоро́д'ит, загоро́жено, ра́н'ше говор'и́л'и загоро́жно, город'и́т'; одолжу́, одо́лжыт, одолжы́л, одолжы́т'; н'е копл'у́, ко́п'ит, нако́пл'ено; за-, покру́жүс', закру́жыс'с'е, закру́жыт'ес', закру́жы́лас', закру́жы́ц'ц'е; замуч'у́, му́т'ит, помут'и́л'и, мут'и́т' водо́; с'е́ржүс', с'е́р'д'иц'ц'а, рос'с'е́ржен, -и́лас'; хвал'у́, хва́л'ит, нахва́л'ен, хвал'и́л, нахвал'и́т'; схва́ц'ү, схва́т'ит, схва́ц'ены, хват'и́л;*

праслав. а. п. с: *пойа́в'ац'ц'а, н'е йа́в'иц'ц'а, инф. пойав'и́ц'ц'е; озо́лоц'у́с', н'е озо́ло́т'ац'ц'а, озо́ло́ц'ена бы́ла, озо́лот'и́лас', озо́лот'и́л'ис'; ма́н'у́, ма́н'им ов'е́ц', ма́н'ат, под'и́пр'иман'и́, ма́н'и́л'и, ма́н'и́т'; ро́жү, ро́д'ит, ро́д'и́ла, ро́д'и́ла, ро́жены.*

А. п. С, праслав. а. п. b2 и с, а также заимствования: *вар'у́, вар'и́т, вар'и́ш, н'е вар'и́м, ц'о́ вар'ит'е́, уху́ вар'а́т ис суи́йа, навар'о́но, ва-р'и́л'и; в'ес'ел'а́ц'ц'е; 3 ед., инф. пров'ин'и́ц'ц'е, -и́лас'; воп'а́т; н'е во-ро́жү, воро́жыт'е́, воро́жѣи-то воро́жа́т, пр'иворо́жно, н'е воро-жы́ла; пога́шү, пога́с'и́т, у м'ен'а́ фс'о́ пога́шно, гас'и́т'; оглу́шү, оглу́шы́т, глу́ша́т, ры́бы наглу́шно, ры́бу глу́шы́л'и, оглу́шы́л кр'и́ком, н'е глу́шы́л'и; гн'ез'д'а́ц'ц'а, угн'ез'и́л'ис'; нагово́р'у́, н'е гово́р'и́ш, нагово́р'и́с'с'е, н'е гово́р'и́т, гово́р'ит'е́, у на́с мно́го нагово́ро́но; по-го́д'и́т, го́д'и́ц'ц'е, пого́д'и́, пого́д'и́л'и, ц'о́-то н'ико́б н'е пр'иго́д'и́лос' (не оказалось, когда было нужно), пого́д'и́т'; н'е голо́шү, голо́с'и́т грóмко, ко́гда п'ес'н'и по́йүт голо́с'а́т; пого́шчү, по́гос'т'и́т, на́гос'-т'и́л'ис', го́с'т'и́т'; нагр'а́шү, нагр'а́шы́т, нагр'а́шы́л'и, гр'е́шы́т'; пр'игро́жү, гро́з'и́ш, гро́з'и́т, гро́з'ит'е́; до́йү, до́йи́т; до́жд'и́т, за-до́жд'и́т, задо́жжы́ло; подо́лбл'у́, до́лб'а́т, подо́лб'и́ш, подо́лб'ит'е́, до́лб'и́т'; ду́б'и́ц'ц'е, ду́б'и́т, наду́бл'о́но, ду́б'и́т'; о́жывл'у́, о́жыв'и́т, о́жыв'и́лс'а, о́жыв'и́т'; ро́скал'и́т, ка́мн'и до́лго н'е ро́скал'и́т'; ко́шү, ко́с'а́т, н'е ко́с'ит'е́, н'е ко́шно, н'е потко́с'и́л'и, ко́с'и́т' пошл́а; ко́с'а́т (глаза); 3 ед. покос'и́ц'ц'е на́бок, покос'и́лс'е до́м, ср. выше а. п. А; п'ер'екр'е́шшүс', окр'ес'т'и́т са́ма, окр'ес'т'а́т, ты окр'е́шчо́на,*

д'эфк'и окр'еши́оны, на́т' п'ер'екр'ес'т'и́ц'ц'а, окр'ес'т'и́т'; крошу́, накроши́т, кро́х накроша́т, накрошо́но, накрошы́л, накрошы́л'и, ч'о крошы́л'и; роскрушу́, круша́т, роскрушо́но, роскру́шоно; л'епл'у́, пр'и-л'епл'у́, л'еп'и́м, н'е л'ип'и́т'е́, пр'ил'епл'о́но, пр'ил'еп'и́л; лишу́, л'иша́т, л'иши́цце, л'ишо́н, л'ишы́л'и; пом'еши́у, пом'ес'т'и́м, пом'еши́оны, пом'ес'т'и́т'; ум'ер'тв'и́т, ум'ер'тв'и́л, ум'ер'тв'и́т'; пом'ир'у́с', пом'ир'а́цце, пом'ир'и́лас'; умор'и́т, мор'а́т (клопов), умор'о́ной, умор'и́ла, 3 ед., инф. умор'и́ц'ц'а; н'ер'ес'т'и́цце ры́ба, н'ер'ес'т'а́цце; обнов'у́, обнов'и́т, обнов'о́но, обнов'и́л, -и́ла, обнов'и́т'; поноров'у́, поноров'и́т, поноров'и́ 'пождать'; розор'у́, розор'и́ц'ц'е, розор'и́т'е́, розор'а́т гн'ездó у пт'и́ц, розор'о́но, розор'и́л'ис'; заостр'и́т, заостр'о́но, на-востр'и́т', зуп заостр'и́т' грабл'а́м; н'е пал'у́, пал'и́т, пал'а́т порос'а́т, опал'о́но; оп'ер'ежу́, оп'ер'ед'а́т, оп'ер'ед'и́т'е́, -и́л'и, оп'ер'ед'и́т'; на-п'ил'у́, нап'ил'и́т, п'ил'и́м, п'ил'и́т'е́, п'ил'а́т, нап'ил'о́но; заплач'у́, за-плот'а́т, заплóч'ено, заплат'и́ла, плат'и́т' 'платить'; наплод'и́т, плод'а́цце, напложо́но, плод'и́т'; напойу́, пойма́т, напо́й, н'е пойо́на, напо́йи́л'и; п'ер'еполошу́, фсполоша́т, п'ер'е-, фсполошы́л'ис'; 3 ед. опорос'и́ц'ц'е; пр'ипорошу́, -и́т; пошчу́с', пос'т'а́цце, пос'т'и́лас'; н'е прошчу́, прос'т'а́т, гр'ех'и́ прошчо́ны, прос'т'и́т'; р'ешу́, р'еша́т; р'ед'а́цце, р'ед'и́л'ис', р'ед'и́ц'ц'е 'договариваться'; ройа́ц'ц'е; посв'е-и́ц'у́, с'в'ет'а́т избу, св'ещ'о́нуиу, осв'ет'и́ла, с'в'ет'и́т'; скор'б'л'у́, ско-р'б'а́т, скорб'и́ла, скор'б'и́т' по покóйн'ику; насл'ежу́, насл'ед'и́и, на-сл'ед'и́т'е́, насл'ежо́но, насл'ед'и́л 'оставлять следы'; сл'еп'и́т, осл'е-п'и́л, -и́ло; нас'м'ешу́, с'м'еши́т, -и́ы́ла; (по)сол'у́, н'е сол'и́и, н'е сол'и́м, н'е сол'и́т'е́, сол'а́т, насол'о́но, у на́с гр'ибы́ н'е осол'о́ны; сп'ешу́, сп'е-и́и́т, сп'еи́и́т'е́, сп'еи́ы́ла; сторожу́, сторожы́т, -ы́л; стыжус́', 3 ед., инф. стыд'и́ц'ц'е, стыд'и́л'и; таи́чу, таи́чыт'е́, таи́ча́т, таи́чо́но, таи́чы́т'; 3 ед. от'ел'и́ц'ц'е; т'ер'ебл'у́, т'ер'еб'и́т, т'ер'еб'и́л'и п'о́рышк'и, от'ер'ебл'о́но 'ощипывать птицу'; утайу́, утайи́т, утайи́м, утайо́но, утайи́ла, утайи́т'; раствор'у́, раствор'и́т, раствор'о́но, раствор'и́ла т'есто́, -и́т'; пр'итвор'и́т, пр'итвор'и́ла д'в'ёр', пр'итво-р'и́т'; н'е твор'у́, и́то́ ты твор'и́и, ц'о́ натвор'о́но, натвор'и́ла; уто-мл'у́с', утом'и́с'с'а, утомл'о́на, утом'и́лас'; тужу́ по н'о́м, тужы́т, тужы́ла, тужы́т'; хран'и́т, хран'и́т'; 3 ед. оч'ут'и́ц'ц'а, оч'ут'и́лас; 3 ед. ошчен'и́ц'ц'е.

5.2.2. Варьирование а. п. В*/С, а. п. С/В у части глаголов связано с семантикой, в том числе с возвратностью/невозвратностью.

1) Невозвратные глаголы *отворотить*, *поворотить* относятся к а. п. В*: *отворóц'у*, *отворóт'ит* дóбк'и, *отворóц'ена* 'отвернуть, по-

вернуть что-либо', *поворот'йт' назáт, отворот'йт' 'повернуть, свернуть куда-либо'*; возвратный глагол *отворотиться* 'отвернуться' относится к а. п. С: *н'е отвороц'ус'*, 3 ед. *отворот'йице, отворот'ис'*.

2) Глагол *курить* (табак) относится к а. п. В* или В: *кър'ат, прокър'ат, накър'ена, кур'йт'*; у глагола *курить* 'окуривать дымом, кадить' варьируют а. п. В* и С: *кър'у йáму, кър'ит, кър'ат / кур'ат йáму, избушк'и, кур'йт'*.

3) Глаголы с вариативностью а. п. В*/С в наст./буд. времени, не зависящей от семантики: *прогложу, проглож'ит, (/С: проглож'у, проглот'йт), проглож'ена, проглот'йт'*; *скобл'у, скобл'ит, (/С: скобл'у, скобл'йт), соскобл'ено, соскобл'ила, скобл'йт'*; *утопл'у / утопл'у, потоп'иш, (/С: утоп'йт, утопл'оны), утоп'ила* (топить в воде); *топить* 'растопливать, плавить', а. п. В/С: *натопл'у мáсло, топ'ат мáсло, натоп'ит, натоп'ит'е, натопл'оно, (/С: натоп'йм), надо топ'йт'* (топить масло); *натоп'у, (на)топ'ит, (/С: косы тоц'áт), натоп'ены, тоц'йл, натоп'йт'*.

4) Глагол *валить* (лес), *валить* (о снеге) относится к а. п. С: *вал'áт л'ес, с'н'ек вал'йт'*; глаголы *валить* 'свалить, уронить', *повалиться* 'лечь' относятся к а. п. В: *свал'у, свáл'иш, повал'ус', повáл'иц'ц'е, повал'илас' спáт'*.

5) Глаголы *садить* 'сажать' (в землю) и возвратный *садиться* относятся к а. п. С: *сажу́, сад'йм оgoród, сад'áт, сад'ис'с'е, посажо́но, сад'йт'*; ср. а. п. В* глагола *досадить* 'поранить, ушибить': *досáжу, досáд'ит, досад'ила рúку кр'éпко, досáжены*.

6) Глагол *получить(ся)* относится к а. п. В*: *полу́ц'у, полу́ц'иш, полу́ц'ит'е, полу́ц'ище, полу́ц'ена*, инф. *полуц'йт'*; однокоренной глагол *случиться* – к а. п. С: 3 ед., инф. *слуц'иц'ц'е*.

7) Глагол *студить* 'студить, охлаждать' относится к а. п. С: *отстужу́, отстуд'йт, студ'йт, отстужо́н, отстуд'йт'*, ср. а. п. В глагола *простудиться* 'замерзнуть и заболеть': *просту́д'ис'с'а*.

8) О зависимости ударения от возвратности/невозвратности глаголов *родить(ся)* и *ложить(ся)* в говоре Тамицы, а также в архангельских и олонекских говорах см. выше, п. 5.1.

9) Глаголы с вариативностью а. п. С/В и С/В*, не зависящей от семантики: *звон'у, (по)звон'йт, (/В: звóн'ит, йей позвóн'ено); пр'и-кр'еп'л'у, пр'икр'еп'йт, пр'икр'епл'óно, (/В: пр'икр'еп'йт'е), (у-), пр'и-кр'еп'йт'*; *укр'епл'у, укр'еп'йт, 2 мн. укр'еп'йт'е, (/В: н'е укр'еп'йт'е, закр'еп'л'ено), закр'еп'ила; л'ен'ус', он л'ен'ицá, (/В: л'én'ис'с'е), инф. л'ен'ицце; пойíду пол'еч'у, пол'еч'йт, пол'еч'áт, пол'еч'óн, подл'еч'йл'и,*

(/В*: пол'эч'у, пол'эч'ит, л'эч'ат, (нов.) зал'эч'ана); ловл'у, лов'ит, лов'ит'э, ры́бу лов'ат, (/В: лóв'ат, н'е лóв'ат, налóвл'ана, ры́бы налóвл'оно); посв'еч'у, посв'ет'ит, посв'ет'ат, (/В: посв'этит, св'эт'ит); суши́, суши́т, суши́м, суши́т'э, насуши́но, пр'исуши́на 'приворожена', потсуши́л'и, (/В: просу́шат мал'эн'ко йáму, насу́шано); отпра́вл'у, н'е отпра́вл'ит, н'е отпра́вл'она, отпра́вл'ила, отпра́вы накла́ла, (/В: н'е тра́в'им, н'е отпра́вл'ена).

5.2.3. *А. п. В и С в архангельских говорах по данным АОС.* Тамицкое ударение *i*-глаголов подтверждается данными АОС. Приводимые ниже материалы показывают, что архангельские говоры не имеют существенных различий в акцентуации *i*-глаголов. Жирным шрифтом выделены примеры, свидетельствующие об а. кр. В* глагола.

А. п. В, праслав. а. п. b1: 3 мн. брóдя Верола Нянд., брóдиш Шотогорка Пин. 8:79; ввóдит Хачела Онеж., ввóдите Озёрко Карг. 3; свóзят Ручьи Мез. 8:5; (въя́жу) Белашелья Леш. 8:105; вго́нит Хачела Онеж. 3; коло́тят Вожгора Леш. 8:85; ду́нят (бьют) Лебское Леш. 8:121; лю́бит Сефтра В-Т 8:123; наме́сиш жы́тник Верхопаденьга Шенк. 8:115; мо́лoтит Шотогорка Пин. 8:22, мо́лoтиця Верхняя Уфтюга Красн. 8:22, мо́лoтим Хмельники Кон. 8:73, намо́лoтиш Совполье Мез. 99; мо́щиш 8:7, замо́цят (лён) Смоленец Леш. 8:90; нано́сит Хмельники Кон. 8:18; сру́бят Судрома Вель., ру́бят Долгощелье Мез. 8:122, нару́бят; но́ги проско́ця Ошевенское Карг. 8:81, (а. п. А?) инф. фско́чить Черный Ручей В-Т, фско́цила Ручьи Мез., фско́чит Тимощелье, Койда Мез., уско́чит Долгощелье Мез. 8:121; не служы́т никако́ мэ́сто Родома Леш. 8:148; фтра́виця Пежма Вель. 2; фхóдит Лекшмозеро Карг., Вершина, Черный Ручей В-Т 2; схóжу Белашелья Леш. 8-76;

праслав. а. п. b2: блуды́ть(ся) 'блуждать; слоняться', блудят Рябово Лен., блудим Забелино Котл., блудят чясы́ (неправильно ходят) Вожгора Леш., Климовская Кон. 2; заблуды́шя Шотогорка Пин. 8:107; борóнит 'бранить', борóнится, (а. п. С: бороня́тся (справляться с работой)) Мез., Вил., борóнятся Пежма Вель. (ругаться) 2; боросты́ть, борóстит 'бродить' Пушлахта Прим. 2; приворо́жыт и отворо́жыт Тарня Шенк. 4:11; воро́тит Пушлахта Прим. 4:13; гру́зят Верхняя Уфтюга Красн. 2:54; да́вит Новошино Красн., зада́вят (лён) Смоленец Леш. 8:90; кино́ ка́тят Лямца Онеж. 4:12; ка́тияця Сельцо Вин. 8:37, водо́й ока́тиш Нокола Карг. 8:63, ка́тиця (прибывает вода во время прилива) Зимняя Золотица Прим. 8:60; нако́пят, накопи́ли Дорогорское Мез. 8:16, ко́пяця (дети) Вершина В-Т; ко́рмит Шотогорка Пин. 8:22, фско́рмиш Шардонемь Пин. 2, фско́рмленным Лямца Онеж. 2, ко́рмят Кысса Леш.

8:115; *закру́жышися* Шотогорка Пин. 8:107; *не опру́жы! , опру́жыши* Нокола Карг. 8:115, *перепру́жыши* Покшеньга Пин. 8:100; *ро́бит цвет* Федотовская Котл. 8:123; *заря́диши* 8:7, *ва́гу заре́диши* Ларионовская В-Т 8:71; *осе́рдиця* Верхняя Уфтьюга Красн. 8:27; *со́риши , со́рит* Верхопаденьга Шенк., Вальтево Пин. 8:43; *жар фсту́нит* Конецгорье Вин., *фсту́ниши* Долгощелье Мез. 2; *сту́ниши* Вершина В-Т 8:82; *су́цит* (скручивать нить) Хотеново Карг. 8:71; *оте́лиця* Судрома Вель. 8:19, (а. п. С: *отели́ца* Олема Леш. 8:13); *фточи́ть но́с* (сунуть нос), *фто́цяця* (впиться, о пивках) Тимошино В-Т 2; *то́пиця* (печь) Верола Нянд. 8:18, *ови́н то́пнят , нато́пнят* Церковное Плес. 8:21, *то́пиця* Покшеньга Пин. 8:24; *тру́дяце* Нокола Карг. 8:82; *хоро́нят* Кеврола Пин. 8:23; *фсы́ка жы́сь потхва́тит* Шегмас Леш. 8:90, *схва́тит* Пушлахта Прим. 8:116; *зача́пиця* (котенок) Родома Леш. 8:134 (а. п. А?);

праслав. а. п. с: *нале́пят* Смоленец Леш. 8:23; *ло́вят* Хачела Онеж. 8:34, *ло́вит* Вальтево Пин. 8:43, *ло́вят* Летняя Золотица Прим. 8:75, *ло́блю* Белашелья Леш. 4; *нало́вим* Хмельники Кон. 8:121; *фпу́сят* Судрома Вель., *фпу́стит* Берёзонаволоок Карсн., *фпуши́у* Смоленец Леш. 4, *спу́сьтит* Кузомень Холм. 4:3, *отпу́сьтит* Пурнема Онеж. 8:112; *ро́диця* Борок Вин. 8:125; *ву́чице* Борок Вин. 2, *не у́цяце* Турчасово Онеж. 8:19; *поя́ця* Звоз Холм. 8:34.

А. п. С (и С/В), праслав. а. п. а: *йегня́це* Покшеньга Пин. 8:19; *нару́шат* Хмельники Кон. 8:92, однако *нару́шылся* Берёзонаволоок Красн. 8:59;

праслав. а. п. *b1*: *томя́т ве́стового* Рыжково Плесецк. 4:12;

праслав. а. п. b2: *вопи́т* Судрома Вель. 4:13; *звоня́т* Верхопаденьга Шенк. 4:14, *звони́т* Родома Леш. 8:121; *коси́м* Майда Мез. 4:19, *коси́м* Ценогора Леш. 8:105; *пиля́т* Синики Устьянск., (на)пиля́ Моша Нянд., Озёрко Карг. 4:3, *отпиля́т* Кельчемгора Леш. 8:77, *потпиля́т* Смоленец Леш., *напиля́т* Ручьи Мез.; *сва́йба ряди́ця* (готовится) Юрома Леш. 8:129; *таи́ят* Ступино Нянд. 8:58, *таишы́и* Климовская Кон. 8:126, *таишы́м* Тимошино В-Т 8:139; *роствори́и* (тесто) Звоз Холм. (8:18); *прице́няця* Лямца Онеж. 8:107;

праслав. а. п. с: *вваля́т* Турчасово Онеж., *ввали́т* Забелино Котл., *ввали́це* Котажка Шенк., *ввали́шсе , ввали́мсе* Ступино Нянд. 4, *в зы́пку повали́м* Вельцы Кон. 4, (а. п. В: *пова́ляще спать* Пушлахта Прим. 8:13, *нава́лиссе* Сельцо Холм. 8:43); *свари́ 3* ед. Озёрко Карг. 8:98, *свари́це* 8:9, *варя́т* Белашелья Леш., *свари́м* Калитинка Карг. 8:109, *вари́и* Ручьи Мез. 8:117, *свари́м* Кушкопола Пин. 8:121; *говоря́* Ступино Нянд. 4:19; *вдолба́т* Пурнема Онеж., Горка В-Т, *вдолби́т* Вершина В-Т 4; *накаля́т* Верхняя Уфтьюга Красн. 2:54; *заморя́т* (еду в печи) Рыжково Плес 8:22;

испаріця Ёркино Пин. 8:109; *фса́дит* Хачела Онеж., *фсади́т* Кушкопо-
ла Пин., *фсады́т* Павловск Вил., *фсади́т*, *фса́дыт* *ко́су* Зимняя Золоти-
ца Прим., *фсады́т в маишы́ну* Бобровская Красн., *при́рвано у кото́в*,
фсажбо́ны *эко но́кти* Летняя Золотица Прим., *фсажбо́на* Плес., Лямца
Онеж., *фса́жен* Долгощелье Мез. 4, *наса́дыт* Судрома Вель. 4, *поса́дыт*
ови́н Церковное Плес. 8:21, *поса́дит* Дорогорское Мез. 8:54, *сади́м* хле-
бы Палащелья Леш. 8:62, *ф пе́цьку посади́м* Палащелья Леш. 8:102, *сса-
ди́т медве́ть* Заостровье Вин. 8:96, *сады́т* Павловск Вил. 8:108, *сади́и*
Долгощелье Мез. 8:36, *сади́м* (в печь) Усть-Кожа Леш. 8:116, *сади́цца*
Совполье Мез. 8:125, *пого́да паруса́ сади́т* Долгощелье Мез. 8:134, *са́дыт*
на гря́тки Синики Усть. 8:146, *сады́т* Новошино Красн. 8:146; *насо́лим*
Верхняя Уфтюга Красн., *засо́лим* Совполье Мез. 8:99, *со́лят* Шотогор-
ка Пин. 8:117, *засо́лят* Шотогорка Пин. 8:141; *пососи́т* (кормить гру-
дью) Дорогорское Мез. 8:65; *сушы́м* Заостровье Вин. 96, *су́шат* Мошок
Нянд. 8:108; *родя́т* Родома Леш. 8:19, *ро́дицца* Кеврола Пин. 8:23, *хлеп*
роди́т Усть-Вья В-Т 8:109, *роди́ла* Дорогорское Мез. 8:133; *потруси́и*
муки Кянда Онеж. 8:106; *нациди́и* Кянда Онеж. 8:54.

А. п. С, отименные глаголы с прозрачной мотивировкой (*блини́ть*,
бойчи́ться, *бодри́ть*, *больни́ть*, *больши́ть(ся)*, *бомби́ть*, *бори́ть*, *вер-
и́ть*, *весели́ть*, *мости́ть*, *вразуми́ться*, *вручи́ться*, *прыщи́ть*, *пуши́ть*,
втрести́ть, *встроми́ть*, *пази́ть*, *яри́ться*, *вести́ть*, *ветри́ть*, *мате-
ри́ть*, *плоти́ть*, *нори́ть*); «фонетические церковнославянизмы» (*бла-
жи́ть*, *вреди́ть*, *времени́ть*, *брани́ть*), поздние заимствования из го-
родского языка (*соблазни́ть*, *ропоряди́ться*), «глаголы речи и крика»
(*вереци́ть*, *голоси́ть*, *бори́ть*) и некоторые другие, преимуществен-
но экспрессивные слова:

блажи́ть, *блажу́*, *блажи́т* (вести себя ненормально; капризничать),
блажи́ться (ссориться), *блажа́цце*; *блазни́ть*, *-и́т* (соблазнять); *блини-
ть*, *-ню́*, *-ни́т* (подносить подарки жениху вместе с блинами); *блюи́ть*,
'блевать' *блюи́т* Долгощелье Мез.; *бодри́ть(ся)*, *бодря́т* Синики Усть.;
бойчи́ться Зимняя Золотица Прим.; *больни́т ру́ку* 'причинять боль';
больши́ть(ся) 'управлять хозяйством'; *бомби́ть* 'громко стучать'; *бо-
ри́ть* 'делать сборки на одежде', *боря́т* Вершина В-Т; *борозди́ть*, *-зжу́*,
-зди́т 'ходить, странствовать'; *борозни́ть* Вожгора Леш.; *борокчи́ть*;
бори́ть 'брюзжать' Мез. [АОС 2]; *брани́сса* Покшеньга Вель. 4:13;
вереци́ть *-и́т*, *-и́л* Подпорожье Онеж.; *вери́ть*, *вери́у*, *вери́и́т* (за-
канчивать), *вери́и́тся* (происходить); *весели́ть*, *веселю́*, *весели́т* 'весе-
лить; заквашивать дрожжами', *весели́ться* [АОС 3]; *ветря́т* Вожгора
Леш. 4:19; *голося́* Палащелья Леш. 8:69; *висти́ли*, *вести́м* Лекшмозеро

Карг. 4:12; *провини́ця* Борок Вин. 8:108; 3 ед. *вразуми́ще*; *соба́к-то она́ вреди́т* Вершина В-Т, *вредя́т* Першлахта Плес., Пушлахта Прим., Борок Вин., Тимошино В-Т, Турчасово Онеж., 3 ед. *вреди́* Зимняя Золотица Прим., *не вре́жены* Кенозеро Плес., *вредя́тся* Карьеполе Мез., *вреди́тся* Лиходеево Вель.; *времени́ця* Майда Дорогорское, Ручьи, Со-яна, Зимняя Золотица Прим. [АОС 4]; *выри́т вода́* (бурлит) Кеврола Пин. 8:147; *горя́циця* Лямца Онеж. 8:130; *матери́т* Судрома Вель. 8:82; *намо-стя́т вы́мостки* 8:25; *норя́т норі́лом* Ворзогоры Онеж. 8:75; *пази́м брев-но́* Вершина В-Т 8:51; *плотя́т лес* Кельчемгора Леш. 8:73; *фспрыши́ы́ло*, *фспрыши́ы́т* Котажка Шенк.; *глаза́ фспуи́а́т* Совполе Мез., *фспуши-т́* *фсе́ те́ло мо́шка-та* Першлахта Плес., *фспуи́ы́ло глас* Ступино Нянд., *фспуи́ы́т зе́млю* Валдокурье Пин., *фспуи́а́т* 'отругают' Палащелья Леш.; *не роспореди́сся* Кельчемгора Леш. 4:10; *вручи́ця* (поручится) Лампожня Мез.; *но́гу фстро́и́м* (вдеть, вставить в стремя, в петлю) Вельци Кон.; *фтрести́ла два куска ф ця́шку* Лядины Карг. [АОС 4]; *йедреня́циця* (выздоровливать, быть здоровым) Сафоново Мез. 8:149; *заери́ця* Верхняя Уфтюга Красн. 8:53.

5.3. А. п. В*, В, С *i*-глаголов в говоре Тамицы обнаруживают связь с праславянскими а. п. *b1*, *b2*, *c*.

В [Булатова, Дыбо, Николаев 1989] предложено реконструировать праслав. а. п. *b1* у *i*-глаголов – итеративов и праслав. а. п. *b2* – у части деноминативов и каузативов и объяснять различия в их акцентуации разной акцентной валентностью (просодическим качеством в праславянском языке, унаследованным из индоевропейского) темы *-i-*. Тематический *-i-* в основах настоящего времени итеративов был доминантным циркумфлектированным, и ударение регулярно оттягивалось с него на доминантный краткостный или циркумфлектированный корень [ОСА: 109–159]; по новой концепции – ударение не сдвигалось с корня на тему *-i-* [АССЯ: 7–21]. Тематический *-i-* был рецессивным циркумфлектированным у каузативов и деноминативов, и ударение регулярно оттягивалось с него на доминантные корни по-разному в разных позднепраславянских диалектах в зависимости от праславянской долготы/краткости корневого слога [ОСА: там же]; по новой концепции – ударение с корня сдвигалось на тему *-i-* только при определенной количественной характеристике корня. В зависимости от типа ударения в наст./буд. времени *i*-глаголов а. п. *b2* – каузативов и деноминативов – и поведения ударения в ряде классов слов случаев выделены четыре типа позднепраславянских диалектов, сформировавшихся до начала миграции славян в V–VII вв. н. э. [ОСА: 155–159].

В табл. 2 показано соотношение акцентуации форм настоящего/будущего времени *i*-глаголов (а. п. В*, В и С) в говоре Тамицы с праславянскими а. п. *b1*, *b2*, *c*, а также зависимость тамецкого ударения *i*-глаголов от качества корневого гласного.

Праславянская реконструкция ударения *i*-глаголов а. п. *b1* и *b2* приводится по [Булатова, Дыбо, Николаев 1989; ОСА: 109–121]; праслав. акцентная реконструкция глаголов, не рассмотренных в этих работах, приводится по «рабочим» спискам, составленным С.Л. Николаевым как программы сбора диалектного материала. Такие «рабочие» реконструкции праслав. а. п. *b1* и *b2* даны в табл. 2 под знаком ^x. Реконструкция а. п. *c* у *i*-глаголов целиком взята из «рабочих» списков; под знаком ^x приводятся в табл. 2 только те глаголы, у которых реконструкция а. п. *c* не достаточно надежна. Глаголы а. п. *a* и *b1*, относящиеся в говоре Тамицы к а. п. С, в табл. 2 помещены в столбцы а. п. *c* и взяты в скобки.

Поскольку а. п. В в говоре Тамицы рассматривается как вариант а. п. В*, обусловленный влиянием «городского языка», глаголы этих акцентных парадигм помещены в одних и тех же столбцах таблицы. Отсутствие указания а. п. при глаголе в первых трех столбцах означает, что он акцентуирован по а. п. В*; акцентуация по а. п. В в таблице всегда указывается (помета В означает акцентуацию только по а. п. В, помета /В – варьирование а. п. В*/В). В двух последних столбцах таблицы акцентуация по а. п. С не обозначается, а варианты акцентовок обозначены как /В* и /В.

Глаголы, у которых различие в ударении связано с семантическими различиями, помещены в таблице дважды: *топить* (печь) и *топить* (сало), *курить* (табак) и *курить* ‘кадить, окуривать’, *студить* ‘охлаждать’ и *простудиться*, *садить* (огород), *садиться* и *досадить* ‘поранить’, *поверотить* ‘повернуть, перевернуть’ (предмет), ‘свернуть с пути’ и *отворотиться* ‘отвернуться’, *валить* (лес; ‘идти’ о снеге, дыме и т. п.) и *валить* ‘класть; ложиться’.

Глаголы с колебаниями акцентуации форм наст./буд. времени: выделены **жирным** шрифтом (отклонения в акцентуации форм страдательных причастий при этом не учитываются).

Глаголы в табл. 2 также сгруппированы в зависимости от качества корневого гласного: 1. [y] < *и; 2. [y] < *ѳ; 3. [o] < *о; 4. [opo], [оло], [ере] < *ТОРТ; 5. [e] < *е; 6. [o] < *ь, [e] < *ь; 7. [e] < *ѣ; 8. [a] < *а, *ѣ; 9. [и] < *і; [ы] < *у.

Таблица 2

А. п. b1 > B*, В,	А. п. b2 > B*, В	А. п. с > B*, В	А. п. b2 > С	А. п. с > С
1. ^х лутить /В любить /В служить	включить /В ^х купить курить (табак) трудиться /В ^х тушить	пустить учить простудиться В подучить (ся)	курить (окуривать) /В*	грузить (крушить а) студить случиться /В* сушить /В (очутиться)
2. ^х рубить	грузить /В крутить /В укусить /В судить стунить кружиться В ^х мутить В		^х дубить ^х тужить	
3. водить /В бродить возить /В гонить /В опломить носить /В просить скочить ходить /В	топить (печь) наклониться /В копить В котиться уронить /В	родить В становить	^х звонить /В ^х точить /В* ^х скоблить /В* топить (масло) /В косить (траву) наплодить поспиться творить (тесто) (т)ворить (дверь) творить (делать) розорить (в)острить (утомиться b1)	ловить /В топить (в воде) / В* доить говорить годить(ся) гостить грозить косить (о глазах) уморить обновить поить простить ^х роиться солить
4. волочить ^х колотить(ся) ^х молотить	торопить хорошить поворотить	озолотиться В	^х ворожить ^х голотить ^х череститься	^х нороситься (положить а) поноровать

	^х загородить /В ^х жесердиться		(о)передить ^х порошить ^х сторожить (о)теревить ворониться	
5. <i>жеснить(ся)</i> В	поселиться		^х тепиться	веселиться ^х щепиться
6.	сердиться В* одождать В корчить проглотить		крестить ^х умервить дождить	
7. <i>месить</i>			гнездиться ^х решить ^х крепить /В ^х решить ^х следить (оставлять следы) ^х смешить	лешиться /В лечить /В* лепить слепить спешить (светить b1) /В (поместить a)
8.	хвалить В ^х дразнить /В ^х катить (с)хвалить В	досадить В* валить(ся) В ^х манить В (по)явить(ся) В	палить ^х тащить ^х рядиться	садить валить ^х отравить /В варить гасить калить платить таить хранить святить
9.			^х лишить пилить ^х стыдиться	(про)вишить(ся) мирить жить

Таблица 2 позволяет сделать следующие выводы.

1. В говоре праслав. а. п. *b1* последовательно отражается в а. п. В*, реже в а. п. В (17 глаголов праслав. а. п. *b1* принадлежат в Тамице к а. п. В* или В*/В, и только глагол *женить* относится к а. п. В). Исключение составляют глаголы а. п. *b1* *утомиться* (в Тамице а. п. С) и *светить* (в Тамице а. п. С/В).

2. Праслав. а. п. *c* сохраняется довольно последовательно, отражаясь в а. п. С. Однако небольшое количество глаголов праслав. а. п. *c* в говоре либо полностью перешло в а. п. В* (В) (*пустить, явиться, учить, становиться, озолотиться, манить*), либо имеет варианты акцентуации С/В*(В) (*сушить, ловить, топить* (в воде), *лениться, лечить*). У глаголов *валить, садить* а. п. В*(В) или С зависит от значения. Переход глаголов а. п. *c* > В*(В) в говоре Тамицы не зависит от качества корневого гласного (немногочисленные случаи такого перехода есть практически при любых корневых гласных).

Несколько глаголов не праслав. а. п. *c* или *b2* относятся в говоре к а. п. С (*отравить, поместить, светить, утомить*).

3. Тамицкие соответствия а. п. *b2* в целом не совпадают ни с а. п. *b1*, ни с а. п. *c*: глаголы праслав. а. п. *b2* примерно поровну распределены в говоре между а. п. В*(В) и а. п. С. Прослеживается некоторая зависимость этого распределения от качества корневого гласного: большинство глаголов с /у/ любого происхождения в корне относится к а. п. В*(В), большинство глаголов с корневой /е/ (< *ĕ) и /и/ – к а. п. С. Глаголы с корневыми фонемами /о/ (независимо от происхождения), /е/ (< *e, *ь), /а/ (независимо от происхождения) и с полногласием в корне распределяются между а. п. В*(В) и а. п. С примерно поровну. В этом состоянии можно видеть остатки зависимости ударения от долготы корневого гласного: при корневых рефлексах исконно долгих *ĕ, *i ударение имеет тенденцию к постановке на окончание; однако корневая фонема /у/, рефлекс исконно долгих гласных, оказывает на постановку ударения действие, противоположное действию корневых рефлексов *ĕ, *i, вызывая его постановку на корень. Можно думать, что /у/ ведет себя в данном случае как краткий гласный (что соответствует «собственной краткости» [у] как гласного верхнего подъема). В таком случае тамичкая система представляет собой сильно трансформированную систему ударения *i*-глаголов 2-го позднепраславянского акцентологического типа [ОСА: 109–111].

По-видимому, для тамичкой системы до некоторой степени актуальны стилистические, семантические, словообразовательные факторы,

влияющие на место ударения *i*-глаголов, которые установлены для русского литературного языка А. А. Зализняком [1985: 27–29], однако в этом говоре они работают гораздо менее последовательно. Действие «стилистического» фактора (книжность и возвышенная стилистическая окраска) наблюдать почти невозможно, кроме ударения *храни́т* (ср. *хоро́нит*).

Прозрачный отыменной характер может определять а. п. С (< праслав. а. п. *b2*) следующих *i*-глаголов. Глаголы со значением ‘обрабатывать с помощью чего-либо; покрывать чем-либо’: *дубить*, *следить* ‘оставлять следы’; ‘обрабатывать каким-либо орудием’: *косить*, *пилить*; ‘делать таким-то’: *востричь*, *умертвить*, *крепить*, также глаголы праслав. а. п. с *обновить*, *оживить*, *слепить*, *веселиться*, *сушить* (исключение: *золотить*), говору также свойственна тенденция к перводу в а. п. А отадъективных глаголов этой словообразовательной модели, ‘вызывать нечто’: *смешить*. Семантически менее стандартная связь с производящим именем имеется у глаголов а. п. С (< праслав. а. п. *b2*) *плодить*, *поститься*, *ворожить*, *голосить*, *нереститься*, *порошить*, *стыдиться*, *дождить*, *гнездиться*, *грешить*, *сторожить*, *опередить*, *теребить*, *телиться*, *крестить*. Часть глаголов этого списка является непереходными, что является в СРЛЯ фактором, определяющим постановку ударения на окончание.

С другой стороны, отыменные глаголы а. п. *b2*, в разной степени утратившие регулярную семантическую связь с производящим именем существительным, акцентируются в говоре по а. п. В*(В): *грузить*, *включить*, *кормить*, *укусить*, *селить*, *судить*, *трудиться*, *городить*, *одолжить*, *кружиться*, *сердиться*, *хвалить*, а также *становить(ся)* (праслав. а. п. *c*).

Наконец, в говоре Тамицы *i*-глаголы а. п. *b2*, которые не могут рассматриваться как производные, также распределяются между а. п. С и В*(В). А. п. В*(В): *дразнить*, *катить*, *клонить*, *топить* (печь), *крутить*, *купить*, *ронить*, *хоронить*, *копить*, *ступить*, *торопить(ся)*, *тушить*, *мутить*, *хватить*, *пустить*, *учить*, *манить*, *явиться*, *родить*; а. п. С: *курить*, *точить*, *скоблить*, *топить* (воск), *розорить*, *утомиться*, *творить*, *воротиться*, *решить*, *палить*, *тащить*, *рядить(ся)*, *лишить*. Так же распределены между а. п. В*(В) и С глаголы, идентичные в семантическом отношении – глаголы со значением ‘рождать’: к а. п. В* относятся *котиться*, *жеребиться*, к а. п. С – *щениться*, *пороситься*, глагол *телиться* имеет колебания в акцентуации.

У отдельных глаголов выбор а. п. С или В*(В) зависит от значения или возвратности/невозвратности: *садить*, *валить*, *студить*, *-лучить*

(праслав. а. п. *c*). К а. п. В*(В) относятся приставочные производные от *садить* и *студить* с узкими значениями: *досадить(ся)* ‘поранить(ся)’, *простудиться* ‘заболеть, переохладившись’, в то время как однокоренные производные и непроизводные глаголы с каузативными значениями: *(о)студить* ‘охлаждать’, *-садить* ‘сажать огород; заставлять сесть’ относятся к а. п. С. Напротив, бесприставочный, как правило, глагол *валить* в узких значениях ‘валить лес’, ‘идти сплошной массой’ (о снеге, дыме, живых существах) относится к а. п. С, а *-валить(ся)* ‘класть; ронять; заставлять лечь’ акцентуируется по а. п. В. К этим случаям близка вариативность ударения глаголов *родить* (праслав. а. п. *c*) и *ложить* (праслав. а. п. *b2*) и производных: невозвратный *-лѡжить* ‘класть’ относится к а. п. А, невозвратный *родѣть* – к а. п. В, тогда как возвратные бесприставочные *ложѣться* и *родѣться* – к а. п. С (в собственно возвратном значении; редко употребляемый пассив: *лѡжыще плѣтъ ѣе* – имеет накоренное ударение в наст./буд. времени). Такое же соотношение ударения возвратных и невозвратных форм имеет глагол *волочить* (праслав. а. п. *b2*). Различие акцентуации возвратных и невозвратных глаголов как частный случай различия ударения переходных и непереходных глаголов свойствен СРЛЯ [Зализняк 1985: 29].

Не поддающееся однозначному объяснению распределение глаголов а. п. *b2* между синхронными типами В и С заставляет предполагать старое влияние на исходную систему 2-го акцентологического типа какой-то другой системы, возможно, что это была система 4-го («восточного») типа.

Значительно лучше тамичкое, и в целом архангельское ударение *i*-глаголов соответствует древнерусской реконструкции А.А. Зализняка. Практически полное соответствие, как и при сопоставлении с праславянской реконструкцией, имеется только для глаголов тамичкой а. п. С : др.-рус. а. п. *c* и тамичкой а. п. В*(В) : др.-рус. а. п. *b1*.

Глаголы праслав. а. п. *b2* в реконструкции А.А. Зализняка распределяются между др.-р. а. п. *b* и *c*. Тамичкое ударение соотносится с древнерусской реконструкцией этой группы слов следующим образом: у глаголов с корневыми [а], [ор], [е] < *ѣ, рефлексами *ТЪРТ и *ТРЪТ др.-р. а. п. *b* соответствует тамичкой а. п. В*(В) ‘*хвалить, давить, травить* (/С), *хватить, давить, зарядить; хоронить, воротить, боронить* (защищать), *кормить, проглотить*’, однако а. п. С у глаголов *палить*, иногда *рядиться, городить*, иногда *воротиться*; др.-р. а. п. *c* соответствует тамичкой а. п. С: *тащить, лишить, решить, цедить, крестить*, однако а. п. В у глагола *катить*. Глаголы с корневыми *о, *е обнаружи-

вают соответствия др.-р. а. п. с тамицкой а. п. С: *топить* (часть значений), *поститься*, *творить*, *розорить*, *плодить*, *зацепить* (с отклонениями), реже – тамицкой а. п. В: *селить*. Др.-р. а. п. b соответствует тамицкой а. п. В: *клониться*, *точить* (с отклонениями к С).

Районы Архангельской обл.: В-Т – Верхне-Тоемский, Вель. – Вельский, Вил. – Вилегодский, Вин. – Виноградовский, Карг. – Каргопольский, Кон. – Коношский, Котл. – Котласский, Красн. – Красноборский, Лен. – Ленский, Леш. – Лешуконский, Мез. – Мезенский, Нянд. – Няндомский, Онеж. – Онежский, Пин. – Пинежский, Плес. – Плесецкий, Прим. – Приморский, Усть. – Устьянский, Холм. – Холмогорский, Шенк. – Шенкурский.

Населенные пункты Заонежья (Медвежьегорский р-н Карелии): ВН – Великая Нива, Волк. – Волкостров, Выр. – Вырозеро, Каж. – Кажма, Косм. – Космозеро, Куз. – Кузаранда, Падм. – Падмозеро, Палт. – Палтега, Сел. – Селецкое, Тамб. – Тамбицы, Янд. – Яндомозеро.

Л и т е р а т у р а

- АССЯ – В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Акцентологический словарь славянских языков. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.
- Бромлей, Булатова 1972 – С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Бубрих 1914 – Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора д. Пустоша // Известия ОРЯС 1913. Т. 18, кн. 4. – СПб. 1914.
- Булатова, Дыбо, Николаев 1988 – Р. В. Булатова, В. А. Дыбо, С. Л. Николаев. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международного съезда славистов. София, 1988 г. Доклады российской делегации. – М., 1988.
- Гецова 1997 - О. Г. Гецова. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Горшкова, Хабургаев 1997 – К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- ОСА – В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Касаткин 2005 – Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., Academia, 2005.
- Комментарии АРНГ – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Комментарии Зап. – Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы. Вступительные статьи и комментарии / под ред. Р. И. Аванесова. Рукопись. Архив отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН.
- Комментарии Юг – Атлас русских народных говоров центральных областей к югу от Москвы. Вступительные статьи и комментарии / под ред. Р. И. Аванесова. Рукопись. Архив отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН.
- Комягина 1994 – Л. П. Комягина. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994.

- Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013 – С. Л. Николаев, А. В. Тер-Аванесова, М. Н. Толстая. Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М. 2013.
- Опыт 1915 – Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1992.
- Пожарицкая 2002 – С. К. Пожарицкая. Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст / Под ред. Л. Э. Калнынь. М., 2002.
- Попова 1998 – Т. В. Попова. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *любить*. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *платить* // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2 / Под ред. Т. В. Поповой. М. 1998.
- Русская деревня – Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2009.
- Тер-Аванесова 1988 – А. В. Тер-Аванесова. Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1988.
- Цонев Б. Към историята на български език // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XIX. София, 1903.
- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовоой. Тт. 1–15–. М., 1980–2014–.
- АРНГ – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- АУМ – Атлас української мови. В 3-х т. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянщина і суміжні землі. Київ, 1984; Т. 2. Волинь, Наддністріянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988; Т. 3. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я і суміжні землі. Київ, 2001.
- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск 1963.
- ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986; Вып. 2. Морфология. М., 1989; Вып. 3, ч. 1. Лексика. М., 1997; Вып. 3, ч. 2. Лексика. Синтаксис. М., 2004.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров (рукописные материалы).

Aleksandra V.Ter-Avanesova

*Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Volhonka, 18/2,*

dialects@mail.ru, teravan@mail.ru

**THE ACCENTUATION OF *i*-VERBS IN THE DIALECT OF TAMICA
(ONEGO DISTRICT, ARKHANGELSK REGION) IN THE CONTEXT OF
LINGUISTIC GEOGRAPHY**

The article deals with the accentuation of *i*-verbs in the dialect of the village of Tamica (Onego district, Arkhangelsk region) in comparison with the data of the other dialects of Arkhangelsk region and the Olonets (Karelian) Russian dialects. East Slavic isoglosses of an accentual curve B*, a characteristic of *i*-verbs in the dialect of Tamica, are pointed out. The

peculiarity of accentual curve B* is the columnar root stress of the present/future forms (1 sg. *xóžu*, 2 sg. *xódiš*, past perf. part. *xóženo*, past *xodíl*, imper. *xodí(te)*, inf. *xodít*). It is attested in several small areas of Russian dialects: in the dialects near Gdov, on the Southern coast of the Onego lake, in few Arkhangelsk dialects; in a bigger area covering the Ryazanj and a part of Vladimir region. The innovation in question must have appeared in these two groups of dialects independently. It is also known in a big area in the South-West of Ukraine, in the dialects of Galicia, Bukovina and Carpatian mountains. The dialectological atlases of East Slavic languages were used to find out if the formation of the accentual curve B* is connected with the unification of phonemic structure of the present/future verbal stems in East Slavic dialects. The attempt of historical interpretation of the accentual system of *i*-verbs in the dialect of Tamica is based on the data confirming that this dialect belongs to the Pomorian group of North Russian dialects. The features and isoglosses of the Pomorian group are discussed in the article. The data of expeditions and of Arkhangelsk Regional Dictionary were used.

Key words: accentology, verbal stress, accent reconstruction, unification of stems, linguistic geography, dialects of Arkhangelsk region, Pomorian group of dialects, East Slavic isoglosses

References

- ASSIa – Dybo V. A., Zamjatina G. I., Nikolajev S. L. [Accentological dictionary of Slavic languages]. Moscow, 1993. *Accentologičeskii slovar' slavianskikh jazykov*.
- Bromlej S. V., Bulatova L. N. *Očerki morfologii russkikh narodnyh govorov* [Descriptions of morphology of Russian dialects]. Moscow, 1972. (In Russ.)
- Bubrih D. V. *Phonetical features of the dialect of Pustosha* [Fonetičeskije osobennosti govora d. Pustosha]. *Izvestija ORJAS* 1913. Vol. 18, part. 4. Sankt-Peterburg, 1914.
- Bulatova R. V., Dybo V. A., Nikolajev S. L. [The problem of accentological dialectisms in Common Slavic]. *Slavianskoe iazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Sofiia, Doklady Rossijskoj delegatsii* [Slavonic linguistics. The 10th International Congress of Slavists. Sofia, Reports of the Russian delegation]. Moscow, 1988. (In Russ.)
- Dybo V. A., Zamjatina G. I., Nikolajev S. L. *Osnovy slavjanskoj akcentologii* [The foundations of Slavonic Accentuation]. Moscow, 1990.
- Gorshkova K. V., Haburgajev G. A. *Istoricheskaja grammatica russkogo jazyka*. [Historical grammar of Russian language]. M., 1997.
- Kasatkin L. L. (Ed.). *Russkaja dialektologija*. [Russian dialectology]. Moscow, Academia Publ., 2005.
- Avanesov R. I. (Ed.). *Atlas russkikh narodnyh govorov centralnyh oblastej k vostoku ot Moskvy. Vstupitelnye statji i kommentarii* [Atlas of Russian folk dialects of central regions eastwards of Moscow]. Moscow, 1957.
- Avanesov R. I. (Ed.). *Atlas russkikh narodnyh govorov centralnyh oblastej k jugu ot Moskvy. Vstupitelnye statji i kommentarii* [Atlas of Russian folk dialects of central regions southwards of Moscow]. Manuscript. Archives of the department of dialectology and linguogeography of the Institute of Russian language of Russian Academy of Sciences.
- Avanesov R. I. (Ed.). *Atlas russkikh narodnyh govorov centralnyh oblastej k zapadu ot Moskvy. Vstupitelnye statji i kommentarii* [Atlas of Russian folk dialects of central regions westwards of Moscow]. Manuscript. Archives of the department of dialectology and linguogeography of the Institute of Russian language of Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Komjagina L. P. *Leksicheskij atlas Archangelskoj oblasti*. [Lexical Atlas of Archangelsk district]. Archangelsk, 1994.
- Nikolaev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaia M. N. *Vokalizm polesskikh govorov v praslavianskoj perspektive* [Vocal systems of Polesje dialects in Common Slavic perspective]. *Slavianskoe*

- izykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk. Doklady rossiiskoi delegatsii [Slavonic linguistics. The 15th International Congress of Slavists. Minsk, Reports of the Russian delegation]. Moscow, 2013.
- Durnovo N.N., Ushakov D.N., Sokolov N.N. *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo iazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii* [Experience of dialectological map of the Russian language in Europe with the essay of Russian dialectology]. M., 1992.
- Pozharitskaia S.K. *Severnye govory za chertoi DARiA. K voprosu o dialektnom chlenenii russkogo iazyka* [Northern dialects beyond the DARiA. On the dialect division of Russian language]. Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vostochnoslavianskaia dialektologiya, lingvogeografiia i slavianskii kontekst [Studies in Slavic dialects. East Slavic dialectology, linguogeography and Slavic context]. L.E. Kalyn' (Ed.). M., 2002.
- Popova T.V. *Morfologicheskaya kharakteristika konsonantnogo iskhoda osnovy v paradigme nastoiashchego vremeni glagolov II spriazheniia tipa rus. lit. liubit'.* *Morfologicheskaya kharakteristika konsonantnogo iskhoda osnovy v paradigme nastoiashchego vremeni glagolov II spriazheniia tipa rus. lit. platit'* [Morphonological characteristics of the final consonant of the stem in the present paradigm of the verbs of the 2nd conjugation (*liubit'*; *platit'*)]. Vostochnoslavianskie izoglossy [East Slavic isoglosses]. T.V. Popova (Ed.), Iss. 2, Moscow, 1998.
- Kasatkin L.L. (Ed.). *Russkaya derevnia v rasskazakh ee zhitelei* [Russian village in the stories told by its inhabitants]. Moscow, 2009.
- Ter-Avanesova A.V. *Ob odnoi slavianskoi aktsentnoi innovatsii* [One Slavic accent innovation]. Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Prosodiia [Slavic and Balkan linguistics. Prosody]. Moscow, 1988.
- Tsonev B. *Kum istoriata na bulgarski ezik* [On the history of the Bulgarian language]. Sbornik za narodni umotvoreniia, nauka i knizhnina [The collection of folklore, science and literature]. Kn. XIX. Sofiia, 1903.
- Getsova O.G (Ed). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1–15, Moscow, 1980–2014.
- Avanesov R. I. *Atlas russkikh narodnykh govorov tsentral'nykh oblastei k vostoku ot Moskvy* [Atlas of Russian dialects of Central regions to the East of Moscow]. Moscow, 1957.
- Atlas ukrains'koi movy. V 3-kh t. T. 1: Polissia, Serednia Naddniproianshchina i sumizhni zemli [Atlas of the Ukrainian language]. Kiiv, 1984; T. 2. Volin', Naddnistrianshchina, Zakarpattia i sumizhni zemli. Kiiv, 1988; T. 3. Slobozhanshchina, Donechchina, Nizhnia Naddniproianshchina, Prichornomor'ia i sumizhni zemli. Kiiv, 2001.
- Dyialektalagichny atlas belaruskai movy. Karty [Dialectological Atlas of the Belarussian language. Maps]. Minsk 1963.
- Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka. Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR [Dialectological Atlas of the Russian language. The center of the European part of the USSR]. Iss. 1. Fonetika [Phonetics]. M., 1986; Iss. 2. Morfologiya [Morphology]. M., 1989; Iss. 3, part 1. Leksika [Lexics]. M., 1997; Iss. 3, part 2. Leksika. Sintaksis [Lexics, Syntax]. M., 2004.
- Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov [The lexical Atlas of Russian folk dialects].

ГРАММАТИКА

О. Г. Гецова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kacza@yandex.ru*

Из наблюдений над лексикой и синтаксисом архангельских говоров

В статье содержатся некоторые наблюдения над лексикой и синтаксисом архангельских говоров. В первой части описывается бытование в говорах общерусского предлога *о*, анализируется его семантика и управление. Разработана структура значений этого предлога, как общерусских, так и собственно диалектных, которая включает 11 блоков: значение места (10 значений); времени (7 значений); наличия чего-н., обладания чем-н, характеристики чего-н., кого-н. по какому-н. признаку; способа и инструмента осуществления действия; причины, цели, соответствия чему-н., отношения к чему-н. и др. Почти во всех значениях отмечена вариативность управления. Так, при указании на место, вблизи которого осуществляется действие, предлог *о* может управлять В. п., П. п. и Р. п. Синтаксис остаётся наименее изученной областью в русской диалектологии. Во второй части статьи анализируется одна синтаксическая конструкция, до сих пор не отмеченная исследователями, а именно простые двусоставные предложения, в качестве сказуемых которых выступают наречия.

Ключевые слова: диалект, архангельские говоры, лексика, лексикография, многозначность слова, предлог, синтаксис, предложное управление.

Общерусские предлоги в системе диалекта: предлог *о* в архангельских говорах

Подобно всем общерусским словам, общерусские предлоги в говорах сочетают в себе как общерусские значения, так и семантику собственно диалектную. Лексикографическому описанию служебных частей речи в русской диалектологии уделяется незаслуженно мало внимания. Во многих диалектных словарях общерусские предлоги или вообще отсутствуют, или даются очень фрагментарно.

Предлагаемая статья посвящена бытованию предлога **о (об)** в архангельских говорах. Этот предлог употребляется для передачи самых разнообразных значений при сочетании с именами в форме В. п., П. п. и Р. п.

1. Значение места.

1) При указании на место, вблизи которого осуществляется действие. **Около, возле, поблизости от кого-н., чего-н.** С В. п.: *О доро́гу лежы́т, не на доро́ги, а о доро́гу ни́цъ (ничком) лёжы́т. Помара́ют – о чюгу́н-то се́ла. Сей́гот о бо́ра бы́ла моро́шка, да за бо́рами. Вы́, наве́рно, о́ мос(т) тут купа́лись. Сиди́те с робя́тии́шками о са́му-то ро́ж, дак не ду́майте, што ва́с в ро́ш-то утаи́ша́т! Сва́тъя – о неве́сту, ты́сяцъ-кой – о же́ниха́ стоя́т. О же́лэ́зну доро́гу, о са́му жы́ву́т. Ф три па́льца пу́ля прои́шла оп се́рце.*

С П. п.: *Немно́го се́на-то войде́т о бока́х (саней), та́к-то лу́ччэ. Жыве́т мужы́к о пре́седателе ря́дом. У ни́х бы́ла о́ бере́гу та́ка, про-та́линами. <омонимия Д.-П.:> ¹ О задню́хе-то я́му вы́рыли.*

С Р. п.: *О са́мых-то двере́й был-от мо́с(т). Ра́ньшэ она́ о каме́ш-ко́ф приросла́. Она́ о э́того ка́мня лови́ла. Шофе́р пойде́т, штобы́ я о у́горо́чка ста́ла, вле́зла (в авто́бус). Ны́не о креста́-то бы́ли, фсе́ на-кла́жэно. О двора́-то э́ки ли́пины называ́ют ве́рья. Ту́т о кусто́цькоф у на́с ре́цька йе́сь. Де́ти се́ ро́ют о пне́й-то – о́ни муравьи́шко розрыва́ют. Доска́ми-то за́брано – о столба́ за́брано доска́ми – э́то ты́н называ́йе-це. <омонимия Р.-Д.-П.:> Вдру́к слете́ла тетёрка, баска́я, ря́бая-ря́бая, о голо́вушки – кра́сная. С неконкретным существительным: <омонимия Р.-Д.-П.:> Два́ ра́з бы́ла на водо́й о сме́рти.*

2) При указании на место, вдоль которого осуществляется действие. **Мимо, вдоль, вдоль по чему-н.** С В. п.: *Фсе́ бы́ли поля́, поля́ о фсю́ ре́ку, а тепе́рь поско́тина – теле́та хо́дяд, гуля́ют. Ни́мо йе́хали, о на́с йе́хали, ду́мала, остано́вяця. Пои́о́л о на́ш до́м и гово́рит: не на́ть ли корзи́на? По́лем-то иди́ о о́горо́тку-то, о у́лицю-то. Ме́йевы-то не по-поду́т в броде́ць – о бережо́к иду́д да. Ры́сь заби́та на пу́тины, о са́мый коло́дец и́ла.*

3) При указании на место, внутрь которого, на которое направлено действие (с В. п.) или в (на) котором оно осуществляется (с П. п.). **Внутрь (внутри), в, на.** С В. п.: *Вну́цька о сво́й до́м переи́шла. Она́ зазва́ла йего́ туды́, о сво́йо ме́сто йе́хать. Тре́тьйего о Соло́фки́ недоро́ском от-пра́вили. Хотели́ о сва́дьбу по́пась-то. Да о́пять об две́ ды́рки-то и по-пада́у (втыкает вилку электрического шнура). Она́ и́де́т о сторо́нку, в*

¹ Здесь и далее перед примерами в угловых скобках редакцией вставлены пометы о морфологической омонимии.

бѣлом платку. *О стену повѣсят* (на стену). *Той бабы надъ домой йѣхать о свойо мѣсто*, как мужык потонул. *Маріна уи о другую тетрѣть катѣет* (записывает). С неконкретными существительными: *О фторой клас Тѣнька ходила*.

С П. п.: *Дерѣвня была на цѣлую вѣрсту, народу – што о Китѣе. О четвѣртом углу Богородица стоит, сына рождѣет. Вот с сосѣткой-покойенкой мы хорошѣ пѣли о клубе. Крѣпкое мѣсто, там бѣтто камень, там о днѣ, навѣрно, камень. Раньшѣ мостѣ (деревянного настила) о хлевѣх нѣ было, а тепѣрь фсѣ мѣз дѣлают. Лѣсты (животное ласка) йѣсь, они о дворѣх жывѣт. Я тогда пятнѣцетъ скотин вырѣстѣтила о свойом дворѣ. О тропинках ходила*. <омонимия Д.-П.:> *Об одной избѣ дѣсетъ человек фсѣ в одной*. <омонимия Р.-Д.-Т.-П.:> *Ф Софковѣре, о Карѣло-фѣнскѣй жывѣт*. <омонимия Р.-Д.-П.:> *А у нас о фторой половинѣ (дѣма) жывѣла молѣтка. Надѣ бы о бутылки гриб-од держѣть. Редикулѣз зѣделѣлся о лѣвой ногѣ*.

С неконкретными существительными: *О ѣтом зѣговинѣйи тринѣцетъ нидилѣ* (при указании временнѣго отрезка, в котором что-то осуществляется); <омонимия Р.-Д.-П.:> *Тѣлько о драки не сѣйся!*

4) При указании на предмет, который с чем-н. соприкасается. С В. п.: *Стѣнеш о колѣнѣци и тѣк родѣш*.

С П. п. При сочетании значений **вдоль по** и **соприкосновения с чем-н., кем-н.**: *Я о сѣтѣночѣке, о сѣтѣночѣке койо-кѣк сходилѣ*.

5) При указании на место, в направлении которого осуществляется действие. **На, к.** С В. п.: *Взглянул о пѣцѣку — там больнѣ молодѣя (на печи). А там надѣ занѣсѣть о прѣсла – жѣто прѣслѣть* (развешивать снопы для просушки на специальное приспособление «прясло»). *Друк о друшѣку привѣрачивѣют* (приходят в дом), *по свойѣм фсѣм родникѣм* (родственникам).

С П. п.: *Вѣтер о глазѣх* (в лицо).

6) При указании на место, до границ которого осуществляется действие. **По, до чего-н.** С В. п.: *Наклѣдено о сѣмой потолѣк. Раньшѣ ишѣ юпки оболокѣт об ѣто мѣсто* (длиной). *О концѣ моря по заплѣс(т)ку мѣжно пройти. О сѣмый лѣс фсѣ зарѣслѣ. О брюхѣ (брюхо) и сѣ бродѣм да сплѣвим*.

7) С существительными в В. п. при сочетании их с местоимением *весь* передѣтся значение размеров чего-н., всей площади или распространѣния на всю поверхность чего-н. **На, в:** *Глядѣ, рѣна-то кѣкѣ – о вѣсь жывѣт. А тѣт скѣтерѣ запѣсѣжна* (расшитѣя), *шѣобы о вѣсь стѣл пѣслѣна. Мякѣшка – хлѣп рѣжанѣй о вѣзѣ бѣнник* (свадебное поло-

тенце). *Коло́да, во дворе́ поста́виш о везь дво́р лесы́на. Длы́нна ла́пка, о фсю́ съте́ну де́тко сиди́т, дру́га скаме́йка приста́влёна. Насере́дине сто́л о ве́зь бара́к. Пятна́цеть глазни́ц (бусин) и́ей фсего́, а та́к оно́ (ожерелье) большо́ – о фсю́ шэю.*

8) При указании места, сзади которого что-то осуществляется. **За чем-н., сзади чего-н.** С В. п.: *Ра́ньшэ грибы́ носы́ли, дак о спы́ну деревя́нно* (о заплечном коробе с деревянной частью).

9) При указании расположения кого-н., чего-н. **Вокруг, кругом чего-н.** С П. п.: *Богоро́диця (икона) стои́т, сы́на рожа́дает – о двена́цяти апо́сталах, о четырёх́ йевангели́стах... Ру́ки фсе́ о гязе́.*

10) При указании на расстояние, отделяющее кого-н., что-н. от кого-н., чего-н. **На.** С В. п. *О два́ киломе́тра (от них) ме́дветь.*

С П. п.: *Са́мая бли́жня по́жня о шэ́сты киломе́трах.* <омонимия Р.-Д.-П.:> *Иска́ли це́пью о сажэ́ни дру́к от дру́га.* <омонимия Д.-П.:> *А дру́к о дру́шке оно́ ско́лько киломе́троф.*

II. Временное значение.

1) С В. п. при указании на время, когда что-н. происходит. **Во время, в течение чего-н., при существовании чего-н.** При сочетании с существительным со значением времени: *Я не зна́ю, о каку́ по́ру вы́ при-шли́-то*, а также с существительными, обозначающими явления, протекающие во времени или приуроченные к определённым его отрезкам: *По́лна вода́ и о малово́дью́ быва́т и о большово́дью́. О фсю́ зы́му с ны́ми вме́сте, дак ту́т соопы́лисы́ (сблизились в общении) как сво́й родны́е. Става́ли о схо́жо (всхожее – восход солнца), ро́били до за́катного. О пра́зьники, ф тре́тьем го́де бы́ло э́то. О са́мой до́жжык. О́ зиму сё́ равнó фсе́ западе́т (покроется снегом). О са́мой сеногной́ (дождливая погода). О страду́ в лаптя́х жа́ли.*

С П. п. при сочетании с существительным со значением времени: <омонимия Р.-Д.-П.:> *Она́ ту́т и́е́здила о ка́кой поры́-то? О́коло Мико́лы.*

С другими существительными: *Ве́тер-то ка́кой о пожа́ри за́цньёт ду́ть – не потходи́! О вода́х (приливе) ры́ба бо́льшэ́ попада́т, чем о малово́дью́. У́тром о за́фтраке – сто́почка. Пошли́ домо́й о захо́жэ́м, шлы́ о за́катном (заходящем солнце). О жа́тый да о посе́вной э́только землё́ на́до перево́ро́цять, о́х, ба́бушка погóрбила.* <омонимия Д.-П.:> *Шла́ да па́ла, тепе́рь но́га боли́т, о пого́де (непогоде) о ка́ждой.*

С Р. п.: *Я о Вели́кого гове́нья роди́лась, а цисла́-то уш не по́мню. О ле́тного пра́зьника принёсла́ (родила) Ва́ньку.*

2) При указании на определённый срок, отрезок времени, дату осуществления чего-н. **На, в.** С В. п.: *На Богорóдице о четвёртой дeнь мети́шишэ* (гулянье). *О Прокóпьев дeнь пойд́ите. Я́ уш о пeрвóй сáмый денéк грáбить* (сгребать сено) *ушлá. Приходи́ о другой дeнь. О фторóй рáс пришлá. Дóць уйéхала о дeнь рождeнья. Удáрить, скáжут – пришл́и о рукоб́итыйо. О вéшной дeнь нáть еть накорм́ить. О Трóицин дeнь мý тудý ход́или. Я к йому́ пришлá о двeнáцать нóчи.* <омонимия Р.-В.:> *О Йёгóрия цýсто с́ют.*

С П. п.: *О восьмóм мáрте йéздила. Сенокóс окóньница о сeньтябр́и. Я тебе́ фсe открь́тки оддáла о пeрвóм мáйе.* <омонимия Р.-Д.-П.:> *А тóт был прáзьник о дев́ятой пeтьници, я былá дeфкой. Прийéхали ф прáзьник о Преч́истой. Узнáть бы — о полунeдeли пойд́ут тракторá? О серéтки дн́и.*

<Предлог о с названиями праздников: о + притяжательное прилагательное в П. п. + дeнь в П. п. – Ред.>: *Дожыдáй – о Петрóви дн́и свáтацяя прийд́еу. В ноябр́и мeсяци, о Михáйлови дн́и. Несéт, как о Сустрeтьйeви дн́и. Понеслá поли́ву, посад́ила о Михáйле дн́и – дeсятo-го ноябр́я.*

<Предлог о с названиями праздников: о + притяжательное прилагательное в Р. п. + дeнь в П. п. – Ред.>: *А мнe восьминáцяць о Фролóва дн́и.*

<Предлог о с названиями праздников: о + существительное в Р. п. + дeнь в П. п. – Ред.>: *О Ивáна дн́и было йéто. О Ивáна дн́и росцвeтeт éта трáвá.*

3) При указании на сопутствующее событие, имевшее место в то время, когда совершается действие. С П. п.: *У мeня парницéк о пýтом потону́л* (учась, будучи в 5-м классе школы).

4) При указании на временной предел, границу осуществления действия. **До, по.** С В. п.: *Мы сeгóдня о закáт сóнца робóтали.*

5) При указании на временной отрезок, в пределах которого осуществляется действие. **На, в.** С В. п.: *Днём пойд́ете или ó ночь? Как при́стафка* (палка) *ф кольцó* (двери), *так надóлго, ó ночь ушлá.*

6) При указании на временной срок, за который, в течение которого осуществляется действие. **За.** С В. п.: *О вeзь дeнь од́ин бл́ин сýелá-та. Дн́и ó два смéчем* (сено в укладку). *Одну́ тóлько бутýлу вы́пошла о фсó жы́сь.*

7) При указании возраста человека или сопутствии возраста осуществлению какого-н. действия. С Р. п. *А парницéк о сем́и гóдикоф. О три́цяти́ восьм́и годóф у́мёр. Я о дeсяти́ годóв былá, пeрвой сарафáнчик куп́или. По озéрам-то пошлá о восьм́и годóф.* <омонимия Р.-П.:> *Я овдóвeлa о двáцяти́ четыр́ех.*

С П. п.: *О двацати́ девяти́ годáх сюда́ зáмуш вы́шла и дете́й мно́го нaтвори́ла.* <омонимия Д.-П.:> *Ма́тери бли́ско о со́тне* (лет).

III. Значение наличия чего-н., обладания чем-н., характеристики кого-н., чего-н. по какому-н. признаку. **В чем, с чем.** С П. п. При сочетании с существительными, обозначающими предметы одежды: *Она́ о све́тлом реме́шке. Ця́ о кра́сном пла́тье идё? Я зимо́й фсе́ о дву́х платáх* (ношу два платка). <омонимия Д.-П.:> *Об одной́ руба́хе ста́ну* (встану), *пла́тье не надева́ю.*

С другими существительными. *Пре́жна* (юбка), *о цветка́х* (с рисунком «в цветочек»), *унесла́ Поли́на. Об одно́м лаптю́ куды́ пойдёш?! О косты́лях, ду́маю, при́ехала. Шне́ки бы́ли тогда́ па́русные, о па́русах, мото́рных не́ было. О сво́ём соку́ она́, не с водо́й, водо́й не ли́то. Сло́млят ро́к, даг бы́вает об одно́м ро́ге* (лось). *О дву́х быты́лоцьках мно́го не напы́ош! На сво́ём хли́бе, фсе́ о сво́ём чя́е. Дак рукомо́йка-то бы́ла об одно́м ро́шке* (носик) *гли́няном. Об одно́м носке́ пойдү́. Ро́ш-та* (рожь) *об одно́м колосу́.* <омонимия Д.-П.:> *Рука́в захвати́ло, ру́ку переломи́ло, оста́лася об одной́ руке́. С войны́ пришо́л об одной́ ногé. Об одной́ коро́ве-то и жы́ли.*

Частотным является сочетание со словами, обозначающими количество чего-н. – частей, деталей, элементов, характеризующих предмет или образующих, составляющих его. С П. п.: *Што́ за жы́вотинка – о цётырёх ла́пах.* (Качели бывают) *о дву́х ша́лгах* (столбы) *да о четырёх.* *А мя́лка – о дву́х ногах.* *Па́рус о шэсьти́ трэ́ст. Ребя́та от ищё́ о дву́х колё́сках телё́шку зы́деляют. О дву́х полоска́х сано́чки. У́пряж – бри́цька-то – э́тот ко́роп о цетырёх колё́сах. Хоть о дву́х-то вяза́цьках ви́ники. Я об одно́м гла́зе – ткну́ла сно́пом-то да во́т ы бельмо́. До́м о цетырёх у́глах – два́ на ду́лья да два́ – окла́т и полу́чиця. Шко́ла йе́сь о четырёх кла́сах. О цётырёх цю́рках – во́с.*

С В. п.: *Розлива́ют* (пиво) *в уша́тах, таки́э о́ два дна́, в опи́эм наса́тки называ́ют – у нас не уша́ты, а наса́тки о́ два дна́. Горни́ца – избу́шка така́ о три́ окна́. Котё́л о двена́цать ве́дер. Песьте́рь – сплетё́нный из берё́сты, о́ две ля́мки. Розгре́бофки о́ два ро́шка, на цере́шке. У йей́ двойежы́рок, о́ два эта́жэ. О три́ ноги́ трино́к вы́секут.*

С Р. п.: *Э́то о трина́цати узо́р, а э́тот каме́шками, э́тот попо́цьками – попо́цьки вы́вязаны.*

Единичный пример с Т. п.: *Ту́т россно́воцька, о́ двумя́ челоно́ками.*

IV. Значение способа и инструмента осуществления действия. **С помощью чего-н.** С В. п. *Не мо́иш (можешь) о бато́к-то, с па́лкой? Я на коня́ да о вёзь гало́н!*

С П. п.: *Когда до́ры не́ было, так о паруса́х ходи́ли. О паруса́х ходи́ли, не́ было мото́рных (лодок). Две́ пере́чивы, па́рус поста́виш, о па́русе и́дет, не на́до гресы́ти. О тре́х ла́пах ска́чет. О свои́х уш (лодках поеду). Я и о косты́лях не захо́дил, не мо́к о косты́лях ходи́ть. Я о косты́лях пришо́л. Та́м о ло́тках и́ездил да би́ли зве́рей. Иде́т де́вушка о клю́ках. Она́-то ходи́т о косты́ле да о трóсточке, а я́ ей но́ги нала́дила. Их о пра́зньники не и́дят, для себ́я состря́паш о кали́тках (выпечное изделие). <омонимия Д.-П.:> Ве́к-от прохо́дил об одной но́ге.*

V. Значение причины. **Из-за, за, от, по причине чего-н.** С П. п.: *Деру́цца о мои́х ко́нях. Деру́цца оп ку́клах-то. Оп че́м нам руга́цца?! <омонимия Д.-П.:> То же ф клу́бе об де́фке задрали́сь. <омонимия Р.-Д.-П.:> На́до поми́рать, а они́ руга́юще оп травы́. Зна́иш, меня́ о сыро́й воды́ откинуло (вырвало). <омонимия Р.-П.:> У меня́ се́рце боли́т оп чю́жых – как тру́дно жы́вут.*

VI. Значение цели. **Для, ради, за чем-н., на что-н.** С В. п. *Ту́т ко́ни о до́лг даю́т. Ф колхо́зе ра́ншиз робóтали о хле́н. Он посла́л ребя́т о дрова́ смека́ть (доставать). Се́но на их скла́дывали, о зи́му. Сьти-раю́д даг беру́т о сьти́рку. И́сьли ма́льчик, о полдуши́ даю́т, а и́сьли де́воцька, то и ма́ло. В одном предложении при одном и том же значении могут быть употреблены два разных предлога: Вы́ тудá о карто́шку или за гриба́ми?*

С Р. п.: *У ка́ждого хозя́ина о свои́х се́тей ку́бас (грузило). <омонимия Р.-В.:> А де́ньги оберу́ о себ́я.*

С П. п.: *Сва́д да сва́тья прии́ли: мы́ об до́бром де́ле прии́ли – о сва́тофс(т)ве. <омонимия Д.-П.:> О по́льзе, так хорошо́, а не о по́льзе – поро́то прове́ртыват. <омонимия Р.-П.:> Мы́ прии́ли не о сидя́щих, а о стоя́щих.*

VII. Значение соответствия чему-н. **В соответствии с чем-н., по.** С В. п. *Оди́ново (однажды) росспóрили, бы́ло две́ золоти́, о пята́цать рубле́й. Набо́сь (неодинаково), гд́е больш́из, гд́е ме́ншиз, о ме́ру. То́т иде́ уш о фторо́й со́рт. Има́льци о рожде́све игра́ли, и́збу откупа́ли — так жы́вут о свою́ волю́. О свою́ волю́ жы́вете́. У нас зимой-то о со́рок гра́дусоф морoс-то.*

С П. п.: <омонимия Р.-Д.-П.:> *Не посту́пиш о своей́ специа́льнос-ти — бу́деш робóтать.*

VIII. Значение отношения к чему-н. **Относительно кого-н., чего-н.** С В. п.: <омонимия Р.-В.:> *Он о меня́ до́брый был.*

С П. п.: *О деньга́х ста́ло лу́чше.*

IX. Значение использования, охвата действием. **На.** *Она́ торгова́ла вино́, пила́ о фсю́ вы́руцку.*

X. Значение составной части, материала, состава чего-н. **Из чего.** С П. п.: *Это дарови́ця об одно́м кумаче́, как одна́ поло́ска, кра́сная-то.* <омонимия Р.-Д.-П.:> *Ры́бник вы́няла ис пеци́, губник тако́й, лу́ку начьне́нó, о бе́лой му́ки, и на доро́гу губник да́ла.*

XI. При сочетании с существительными со значением 'игра' для указания на вид игры. **В.** С В. п.: *Дава́йте о ша́ры игра́ть.*

С П. п.: *Рас о троя́ках игра́ли, то́лько три́* (карты следует брать из колоды). *О имени́нницах, ска́жут, дава́й о имени́нницах игра́ть* (в жмурки). *О по́чтах игра́ли, а кому́ – по любви́ напи́шут.*

Об одной синтаксической конструкции в архангельских говорах

Синтаксис остается, пожалуй, наименее исследованной областью в русской диалектологии. Внимание диалектологов уделялось как предложениям – простым и сложным, отдельным их типам, так и синтаксическим конструкциям².

В настоящей заметке, продолжающей разработку проблем диалектного синтаксиса, предлагаются наблюдения над одной синтаксической конструкцией, которая бытует на указанной территории, но до сих пор не отмечалась исследователями, в том числе и диалектологами, работающими с архангельским материалом.

Внимание диалектологов к русским народным говорам очень неравномерно распределялось и распределяется до настоящего времени по отношению к разным уровням русского диалектного языка. Подавляющее большинство работ по русской диалектологии традиционно посвящено фонетике и морфологии русских говоров (реже, по возможности более или менее полному их описанию в системах конкретных говоров)

² См., например, раздел «Синтаксис» в учебнике для филологических факультетов университетов «Русская диалектология» под ред. Л. Л. Касаткина [Русская диалектология 2005], а также в других аналогичных пособиях.

или отдельным вопросам этих разделов диалектологии, а также лексике. Что касается синтаксиса, он в целом изучен далеко недостаточно, идет ли речь о простом предложении или о сложном.

Хотя и в небольшом объеме представлены работы, посвященные отдельным синтаксическим конструкциям. Частично это связано с тем, что совсем плохо изучено то общее, что свойственно всем разновидностям устной русской речи: разговорному литературному языку, просторечию и местным говорам – тому, что объединяет весь русский язык.

Данная статья продолжает изучение синтаксиса русских говоров. Она представляет вниманию читателей одну синтаксическую конструкцию в архангельских говорах³. Речь пойдет о бытующих в них простых двусоставных предложениях, в качестве сказуемого в которых выступают наречия (разных типов).

В роли подлежащего в этих предложениях выступают все известные в русском языке и возможные в такой синтаксической позиции части речи.

Идѣж домой, лѣз (лес) густо – вод, говорят, забрался ф какую тайболу! Пинежский, Нюхча. Йѣсьли ручьѣвѣина или бороздѣ шыроко, полложат тѣжо дошишѣцку. Верхнетоемский, Тимошино. Там мѣс (мост) хорошѣ, крѣпко. Трѣктором заберѣт проѣхатъ? Шенкурский, Котажка. Ходьбѣ-то далѣко, вам не доттѣ. Вельский, Лиходеево. Тѣлько далѣко ходьбѣ-то у нас там (туда) в зарѣчье. Ленский, Суходол. Жэлѣз-на травѣ на ранку хорошѣ, ранка жывѣо зажывѣт. Лешуконский, Шегмас. Это уж давнѣо дѣло-то. Мезенский, Азаполье. Крѣска достѣпно. Каргопольский, Ошевенское. Ктѣ-то укусил в это мѣсьтѣцуюшко, таг жырѣно крѣфѣ. Тепѣрь я фсѣ пѣла, мнѣ вѣсемдѣсѣд двѣ гѣда, гѣды дѣлго стѣли. Пинежский, Вальтево. А (если) я на негѣ не забрежжѣу (начну ругатъся), дак ѣн хорошѣ. Плесецкий, Маркомусы. Мѣша Горбацѣф тѣжо цѣод жывѣнѣко. Коношский, Тавренѣга. Ой, не густо чѣй, жѣйт-ко. Коношский, Хмельники. Шѣнѣги-то жѣдѣхѣнѣко на сковорѣт-ках. Устьѣанский, Березник. Онѣ (собака) как скѣцит мне вот сюдѣ, на плѣци – асфѣль-то жѣстѣко (твердый, жесткий). Холмогорский, Сѣя. Пѣть (надо) ѣгѣо (лекарственную траву «изгон») немнѣшко, ѣн гѣрько.

³ Основная работа кабинета диалектологии кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – составление многотомного «Архангельского областного словаря». Диалектологические экспедиции кабинета не прерываются ни на один год в течение уже более 60 лет, и привозимые записи предоставляют огромные возможности для изучения архангельских говоров во всех аспектах, в том числе и в области синтаксиса.

Пинежский, Ёркино. Лётom бы и **ла́пти добро́**. Шенкурский. Зимой **грибы́** о́чень **добро́**, лу́чше ры́бы. Плесецкий, Церковное. Йе́сли **ты́ досыта**, он опроти́вет. Вилегодский, Тырпасовское. **Фсе́** в дере́вне **нау́дивель** (удивляются), што домо́й не понесу́ (а отдам другим). Приморский, Зимняя Золотица. «Шыро́ко» называ́юд боло́то, от Пíнеги, боли́уши-шо. **Онí** (эти болота) **то́пко**: каг дожли́во, мне бо́яско ходи́ть-то (если) насере́тку заберёсси! Пинежский, Явзора.

Иногда указанная конструкция дополняется обычным определением: Де́фки, свята́ वो́тка (о воде в желобе), собира́йте, **она́** го́лову мы́ть **хорошо́**, мя́кка, хоро́ша. Лешуконский, Олема.

По своему значению указанные наречия в таких предложениях сопоставимы с соответствующими прилагательными: *лес гу́сто* = ‘лес густой’; *ручьеви́на* или *борозда́ шыро́ко* = ‘ручьеви́на (борозда) широкие’; *мост хорошо́*, *кре́пко* = ‘мост хороший, крепкий’; *кра́ска досту́пно* = ‘краска доступная’; *жи́рно кровь* = ‘кровь жирная (обильная)’; *го́ды до́лго ста́ли* = ‘стало много лет’; *а иска́ть-то не шы́пко досу́к итти́* = ‘у меня нет свободного времени, чтобы идти искать’; *хотьба-то далёко* = ‘расстояние большое (далёкое), не дойти’ и др.

Как видим, при подлежащем любого рода и числа сказуемое имеет одну форму – это наречие или слово категории состояния.

Описываемая конструкция характерна не только для личных, но и для безличных предложений: *Та́к-то у ни́х жывы́х копе́йек хорошо́* – у ни́у (имеются) ба́пка и де́тко (оба получают пенсию). Пинежский, Явзора. *Мне́ не шы́пко досу́к смотре́ть*. Верхнетоемский, Вершина. *А иска́ть-то не шы́пко досу́к итти́*. Верхнетоемский. Тимошино. *Мне́ уи сыте́хонько*, я пойёла, попила́. Лешуконский, Олема. *Вмесьте, вме́сьтяу дру́жно, ве́село*, дак *не стра́шно*. Мезенский. Бычье. *Как-то дру́жно, обою́дно*, пьянки никако́й не́ту. Мезенский. Койда. *К Але-то ходит тепе́рь* (парень), ны́нь опе́дь *дру́жно*. С Олекса́ндрой шы́пко *дру́жно* у на́с. Вилегодский, Павловск.

Нуждается в осмысливании и дальнейшем изучении связь описанных конструкций с уже давно известными, хотя и мало описанными и исследованными в русской диалектологии, применительно также к севернорусским говорам, безличными и личными (двусоставными) предложениями со страдательными причастиями прошедшего времени в роли главного члена. Вот примеры таких предложений из архангельских говоров: *Во́жэно* ле́с, дак э́ка шы́рока доро́га. Устьянский, Синики. *Выбро́сано* фсе́ да вы́кинуто. Приморский, Зимняя Золотица. *Места́ми йе́сь* (ягоды), да *вы́брожэно* (исхожено), *вы́хожэно*. Лешуконский, Усть-

Кыма. Тóлько што взáмуж бы́ло **вы́брожэно** (вышла замуж). Няндомский, Верола. **Вы́валено** фсё́ тут, ремка́ ста́рого (старых вещей). Виноградовский, Конецгорье. Софсём **вы́вернуто**, како́й кокорня́к (высохшие деревья). Онежский, Ворзогора. А та́к на кры́шу то́лько дорóжыли. Ря́т накро́ют – йё́то **вы́дорожэно** (сделаны желобки на тёсе). Онежский, Пурнема.

Л и т е р а т у р а

Русская диалектология.: Учебник для студ. высших учеб. заведений, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. Академический учебник. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013, 304 с.

Oksana G. Gecova

*Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

FROM OBSERVATIONS OVER DIALECTAL VOCABULARY AND SYNTAX

The article observes a range of features in the vocabulary and syntax of the Archangelsk dialects. The first part is devoted to the preposition *o* presenting analysis of its semantics and government. A structure of meanings for this preposition was created including the standard Russian and dialectal meanings. It consists of 11 units, among they are 10 meanings for 'location', 7 meanings for 'time', the meanings for 'existence of something', 'possession of something', 'characteristics of something or somebody according to a property', 'manner or an instrument of implementing an action', 'cause, aim of correspondence to something', 'relation to something' etc. Variability of case government is observed almost in all cases. Thus, in the meaning of 'a location where something is being done nearby' the preposition *o* governs the accusative, the locative or the genitive case.

As long as syntax remains to be the least studied area in the Russian dialectology, the second part of the article analyses the simple two-member sentences with adverbial predicates, a syntactic construction which has not been described by the researchers as yet.

Key words: dialect, Arkhangelsk dialects, lexis, lexicography, polysemous words, prepositions, preposition prepositional, predicates, syntax

R e f e r e n c e s

Kasatkin L.L. (Ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2013. 304 p.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
kacza@yandex.ru

Предлог *при* в архангельских говорах

В представленной работе предлог *при* в архангельских говорах рассматривается с точки зрения его синтаксической роли (употребления с определёнными падежами), в его акцентологических вариантах (случаи ударности и безударности) и на уровне семантики. Выделены основные значения предлога *при*: локативное (*при лесе, при городе*), комитативное (*при народе*), темпоральное (*при молодости*), посессивное (*при галошах*), сравнительное (*молод он при Даше*). Проводится сравнение с литературным языком – названы предлоги, которые в литературном языке оказываются синонимичными предлогу *при* в приводимых конструкциях. Доказано, что в говорах предлог *при* обладает более широким спектром значений; употребляется не только с предложным, но и с родительным, дательным, винительным падежами.

Исследование выполнено на материале богатейшей картотеки «Архангельско-го областного словаря». Иллюстративные примеры впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: русская диалектология, северные говоры, архангельские говоры, русские предлоги, синтаксис, предложные конструкции.

1. Говоря об употреблении общерусского слова в диалектах, принято останавливаться на отличиях диалектного употребления от употребления слова в литературном языке. Как правило, общерусское слово в диалектах имеет более широкую фонетическую (например акцентологическую), грамматическую, синтаксическую и семантическую вариативность.

Это касается и предлогов.

1.1. Предлог *при* в архангельских говорах, как и в литературном языке, управляет **Предложным** (Местным) падежом.

Для многих северных говоров в Предложном падеже у существительных 1-го склонения возможно не только окончание *-е* (*-ѣ*), но и *-и* (*-ы*) или сосуществование этих окончаний, поэтому примеры *при матици, при мамы, при свадьбы, при шляпы* – это примеры на употребление предлога *при* в Предложном падеже.

Если для говора характерна ориентация существительных 3-го склонения на 1-е, то в Предложном падеже наряду с окончанием *-и* может употребляться окончание *-е*: *при пámяти* и *при памятé*.

Во 2-м склонении в Предложном падеже наряду с флексиями *-е* (*-ѣ*) и *-и* может использоваться окончание *-у*:

*Конёшино, уш каку́ возъмуд, дак йёсьли при како́м ли греху́, дак обзы-
ва́т. ЛЕШ. А рабо́ту да́йте при го́роду. КАРГ. Отё́л был днё́м, а я при
отё́ду не пришл́а. ШЕНК.*

Примеры, когда предлог **при** употребляется с другими падежами, единичны.

1.2. Предлог **при** + Д а т е л ь н ы й падеж (подтверждается окончанием прилагательного):

Дак веть онá при ка́ждому пра́зньнику соберёт фсех мужыко́ф, мужыко́ф насобира́ют — молодё́жы не́ было дак. УСТЬ.

Употребление предлога **при** с Дательным падежом при местоимении:
Го́ренки были сру́блены, а э́тот передо́к при на́м руби́ли. ПИН.

1.3. В нескольких примерах предлог **при** употребляется с Р о д и -
т е л ь н ы м падежом:

*При стё́н накладу́т амбары-ти. МЕЗ. А вот э́тот жоних, передо́к-
от вот ту́т (дом), туды́ выходила (замуж), передо́к, при на́шого-то
до́ма. А онí фсе́ до ста́рости, при ста́рых ле́т по́мерли. ЛЕШ.*

1.4. Предлог **при** + В и н и т е л ь н ы й падеж:

*При э́то вре́мя уш машы́на ку́плена (швейная). ПИН. Фся́ко вино́
пью́т: во́тка при фся́ко ме́сто, грят: о́, нажра́лся сурьмы́, лежы́т без
нави́ду! КАРГ.*

Примеры, где Родительный падеж совпадает с Винительным:

*То́лько до́м вот на́до при себя́-то иметь-то. ВИЛ. Э́то стоя́лка,
йеи́цэ при де́душка бы́ли зы́деланы. НЯНД.*

1.5. Предлог **при** может употребляться не только с существительными (или местоимёнными существительными и субстантиватами), но и с наречием:

Фсе́ равно́ и при тепе́рь дере́нца. ХОЛМ.

2. В подавляющем большинстве примеров предлог **при** употребляется как безударный. Если в литературном языке ударность предлога отмечается только в сочетании (*быть*) *при́ смерти*, то в северных говорах именно это словосочетание встречается как с ударным предлогом, так и с безударным (*при́ смерти* и *при сме́рти*). Другие примеры с переносом ударения на предлог **при**:

*Онí-то при́ до́ме оста́лись. А сеча́с фсе́ се́мьи при́ до́ме. ЛЕШ.
Спу́сьтит, не спу́сьтит ме́ня мла́д гуля́ть, спу́сьтит да при́ ве́чера,
при ве́черней за́ри (фольк.). ОНЕЖ.*

В последнем – фольклорном – примере перенос акцента может быть вызван ритмической необходимостью мелодии, хотя данный пример взят из надиктованного собирателю (не «пропетого») текста.

3. Основные значения предлога *при*: местное (локативное) (*при дороге, при лесе, при городе*), совместности (комитативное) (*при народе*), временное (темпоральное) (*при пожаре, при колхозах, при молодости, в чьем-л. присутствии*), принадлежности (посессивное) (*при шляпе, при галошах*), сравнительное (*молод он при Даше, худатый при Лёнке*).

Предлог двухвалентный: *X при Y* = кто-то/что-то *при* ком-то/чём-то.

3.1. **Локативное** значение делится на ряд подзначений, все они связаны с «быть»-значением, «где»-значением (значение направленности у предлога *при* в наших говорах, как и в литературном языке, не зафиксировано).

3.1.1. Предлог указывает на пространство, место, рядом с которым, близко к которому, в котором что-н. происходит.

Рядом с чем-н., у чего-н., вблизи чего-н. — соотносится с предлогами *у, возле, вблизи* литературного языка (ЛЯ).

Йёсь йеуцё грип слизун, слиской-слиской, нízенькой, тош при доро́ге росытёт. ПИН. Бы́ли бы дожжеви́ки при доро́ге, были бы и маслѐнки. В-Т. Йёсли при моро́шке, два дня́ сходи́ш — два ве́дра. Я сто́яла при о́зере. МЕЗ. Ой, Борову́шка в ле́с пошла́, стару́ху та́г зва́ли, при ле́се жыла́. ХОЛМ. Я ви́дела тебя́ при шко́ле. ПИН.

В примерах

Надо принареди́ца, при зе́ркале. Давно́ не наряжа́лась при зе́ркале. ПРИМ. Дьк при зе́ркале за́вязаю прятки. ЛЕШ.

предлог соотносится с предлогами *перед, рядом с*.

В следующих примерах значение предлога *при* близко значению предлога *под* ЛЯ (*ма́тица* — несущая потолочная балка):

При ма́тицы она́ опка́тыват (в бане). Оди́н ра́с мы смотре́лися, се́ли при ма́тице, сто́л поста́вили насере́тку, наведе́м на двéри э́то зе́ркало, в двeря́х пока́жэца. ЛЕШ.

3.1.2. Указывает на место, в пределах которого совершается действие; где-нибудь, в каком-н. месте (соотносится с предлогами *в, на* ЛЯ).

При го́роде не та́к, как у на́с в дере́вне. Я ду́маю, при го́роде-то лу́чше. При го́роде весе́лье. ШЕНК. А при горо́да́х-то ны́нче пýль. ВИН. Мне́ фсе́ в дикови́нку, я да́льше Ко́тласа не быва́ла, а ту́т при сто́лице́. КРАСН. На́доть при дере́вни прибра́ть нивѐсту, а пото́м уи́ свата́ця-то ити́. ПРИМ. При Москве́ жыви́те, дрова́ не на́ть, ничё не на́ть. То́т-то при сы́рых места́х. ПИН. При фро́нте люде́й-то уби́ва́ют. В-Т. При шко́лы-то гармо́шка йе́сть. ПЛЕС. Ак он э́то при ця́с-ти тут оста́йся. ВИЛ.

Они́-то при́ доме оста́лися. А сеча́с фсе́ се́мьи́ при́ доме. ЛЕШ. У ни́х што́ было, фсе́ при́ до́ме, нико́гда не пере́ежжа́ли. ВИН. Ис Пе́зы

йѣдут в интернѣт, при доме ты не хочѣш. Он дѡма жывѣт, при свойѡм дѡме. МЕЗ. Слѡва бѡгу, при свойѡм дѡме, бѡйенка тѡжо рѡдом. КАРГ. А ѣти днѣ Тѡня былѡ при рѡбѡте, а мнѣ сказѡла притѡпѣдь баню, стирѡть придѣт. ВИЛ.

3.1.3. Указывает на что-то, находящееся рядом с чем-то похожим, принадлежащим к одному ряду, кругу явлений:

Вѣсело мѣсто, фсѣ видѣём: монастѣрь, рекѡ, лѣс, фсѣ одно при однѡм – на угѡре стѡйѣм. Да-да-да-дѡ, ѡн показѣывает, тут пенѡл и фсѣ тут — и фсѣ при однѡм. ПИН. Настѡвок, усковѡто вишѣ пѡртно, дак настѡвлено, сѣ вить одно при другѡм. ЛЕШ.

Обращает на себя внимание употребление предлога **в интерпозиции** при парных местоимениях *один... один и один... другой*. Эта же конструкция используется во фразеологизме (*одно*) *при однѡм*. В ЛЯ подобное значение обычно передаѣтся с помощью других предлогов и иного набора местоимений: *одно к одному, одно к другому, одно за другим* – заодно, к тому же (о совпадении чего-н., обычно неприятностей)¹:

Одно при однѡм фсѣ поколѣныѣ выѣвелось. ОНЕЖ Прн. Фсѣ при однѡм-то. ШЕНК.

3.1.4. Указывает на что-то, находящееся внутри чего-н. (соотносится с предлогом **в** ЛЯ).

Вѡсемь годѡф носил егѡ при себѣ (осколок в теле после войны). ОНЕЖ. Фсю зѣму рѣки при кармѡне хѡдит. Ф крѡпанѡм кафтѡне, рѣки при кармѡне (фольк.). КАРГ.

Локативное значение может совмещаться с другими значениями, например со значением принадлежности:

При дѡме-то учѣща лѣхче. МЕЗ. Фсѣ-таки я при дѡме. ШЕНК. Мушчѣны фсѣ при дѡме бѣли. ЛЕШ.

Здесь *дом* выступает в не только в значении ‘жилище’, но и в значении ‘родной дом’, ‘семья’.

Примеры на соединение локативного значения со значением совместности приведены несколько ниже, когда рассматривается фразеологизм *при глазах*.

3.2. Значение **совместности** (комитативное) тесно связано с локативным. В качестве объекта *при-нахождения* часто выступает одушевлѣнное лицо, в том числе обозначенное местоимением.

3.2.1. Предлог указывает на объект (часто одушевлѣнный), рядом с которым, близко от которого, вместе с которым он находится, что-л. делает (соотносится с предлогом **с** ЛЯ).

¹ Определение из Словаря Ожегова-Шведовой: сочетание *одно к одному*, словарная статья *один*.

Я от оця остáлась при мáтери. ЛЕШ. Ондрэй тóжко фсё при мáмы жывёт, фсё не жэ́ница. ЛЕШ. Жэ́на у Богдана две робóты нашла, а он не йёдет, при мáтери сёно помога́ет достава́ть. Четы́ре семья́й при родите́лях остáлись. При ба́бушке ходи́ла за корова́ми сама́. ВИЛ. Во́фка спáл при Лизы. ПИН.

С местоимением:

У нас мáти при себе́. МЕЗ. Сын при себе́, да пыйóт. ЛЕШ. У меня́ Ва́лька-то уш не была́, а дру́гая при мнэ́ была́ (еще не вышла замуж). КРАСН. А при йой тут недалёко жывёт сын. Фёденька ужэ в Ростове морехо́дноё уц́илишио конца́й, а Ондрю́шка в этом году́ поступи́й, при самíх-то, ф Краснода́ре ф само́м. Она́ ны́нче при йих (с родственни́ками). ВИЛ.

3.2.2. С локативным значением и значениями совместности, присутствия связано употребление предлога *при* для обозначения **ситуативного состояния**. Предлог указывает на нахождение в каком-н. месте, где человек занимается какой-то работой, или – без указания на конкретное место – на то, что он занят работой (*при работе, при деле, при месте*) (соотносится с предлогами *на, в* ЛЯ):

И при опера́циях прису́ствует (медсестра). ПИН. Я не зна́ю, ка́ким он при заво́де мехáником. ЛЕШ. При мо́ре оди́н рас была́ (работала в море). ОНЕЖ. Она́ фсегда́ при робóте, то́лько отпу́ска свой пользует. ВИЛ. А му́ш кома́ндывал наро́дом при робóте. КРАСН. Ра́ньшэ лю́ди-то фсё при робóте бы́ли. ВИН. Это ны́не в безде́лье, а ра́не фсё́ при де́ле бы́ли. КОТЛ. Мужыко́ф хвати́сь — фсё́ при де́ле. ВИН. Когда́ ходи́ли с о́писью — я при том д́́ле была́. ОНЕЖ. У меня́ фсе де́ти бы́ли при ми́сьте со сво́ими мужовья́ми. КОН. Попóф у нас взя́л четвёртую по-хоро́шэму и де́вок наплоди́л, фсе вы́учены и при ме́сте. ВИЛ.

3.3. Временное значение.

Предлог обозначает временную отнесённость, соотносённость с каким-л. событием, периодом; с чьим-л. присутствием.

3.3.1. Указывает на явление, событие, факт, с которым совпадает по времени (соотносится с предлогами *на, в, во время* ЛЯ).

Кто чéм пожыва́лся, мно́го добра́ растаска́ли при пожа́ре. ПРИМ. Котóрово застегне́т, да котóрово при дра́ке убью́т. ВЕЛЬ. Анна мне роска́зывала, гъвори́т, не зна́ю, ка́кой мужы́к, на́до Васи спра́шивать, он веть ф клу́бе вы́стрелиў, при та́нцах. ВИЛ. Весё́ла при на́шэм вы́ходе (выходе замуж) жы́сь была́ йеи́чо, при гуля́нье-то. ЛЕШ. Ну онí при ро́ждёности онí Анфи́мовы, а потóм он записа́л под йевóнну (фамилию, детей). Фсю неде́лку запла́чеш и при сва́дьбе пла́чеш. МЕЗ. Гово-

*рят, при свадьбы цё-то надéлают, вóт ы жывѹт плóхо. ЛЕШ. Хоро-
ни́ли ба́бушку не йи́зьдили, при похоро́нах-то. Ба́сьня больша́я — покóй-
ник образо́лся при выбо́рах. ВИЛ. Коноплé в озе́рах мо́чили, лён уш
при Па́ске се́йели, йогó то́жо мо́чили. ЛЕШ. Вот э́тот-то муши́бина
вина́ не пьйо́т, то́лько при пра́знике. ХОЛМ. Вверху́ пили цйй при госьтя́х,
а та́к стоя́ло. ПЛЕС. Э́то при го́зьбы то́лько розодви́неш во фсе
сто́роны (стол). МЕЗ. Э́то при компáнии, так вѹ́пыйеш не́много.
ХОЛМ. Гра́нюшка ка́пли не пи́ла, то́лько при компáнии. КАРГ. Пѹ́ть
при компáнии. КОТЛ.*

3.3.2. Соотнесённость с каким-л. периодом; в определённый период, отрезок времени (соотносится с предлогами **на, в, во время** ЛЯ).

*Я-то плѹгом пахала при колхóзе. ПИН. А при колхóзах по́мочи-то не́
было, а дожы́ноф-то уш не́ было. МЕЗ. При войнѹ́ дак ничегó не́ было.
ВИН. Война́ была́, при бѣлых ф са́мый перево́рот. ЛЕШ. Спу́сьтит, не
спу́сьтит меня́ мла́д гуля́ть, спу́сьтит да при́ вечера, при ве́черней за-
ри́. ОНЕЖ. Ико́тники бы́ли при старинѹ́. МЕЗ. При старинѹ́ ма́ло у
кого́ бы́ли утю́ги. КОН. При старѹ́нке фсе́ де́лали — ве́ть не гово́рили
жэ «пря́лка» — «прѣсьни́ца». ВИН. Я́ при те́х годáх покрѣ́пче ста́ла.
ВИЛ. Привезу́т шалю́шек да шале́й, при э́тих уш века́х-да. В-Т. При
послед-от вре́мени оптя́нут фсю Росѹ́ю-ма́тушку жѣлѣ́зныма верѣ́ф-
ками. КАРГ. А нóнце уш э́ки го́ды бо́льшэ́е ста́ли, так лежа́ть-то
хорошо́, а при прѣ́жнем-то не гле́неця шѹ́пко. ВИЛ.*

3.3.3. Указывает на условия, при которых протекает действие:

*Воды́ нальѹ́т, при морóзе и на́ра́щивае́ца ле́т. ХОЛМ. Онѹ́ их
жгу́т, а те́ не ку́шают, бе́гают, óводы при жарѹ́, онѹ́ везде́. ПИН.
Тут цervѣ́й копа́ли, при сухóй воды́ при убыло́й. ОНЕЖ.*

В последнем примере обращает на себя внимание повторение предлога, что характерно для диалектной речи; информант дает синоним, разъяснение сочетанию *сухая вода́*.

3.3.4. Употребляется при обозначении лица, в присутствии которого что-то совершается, происходит (соотносится с предлогами **с, на** ЛЯ).

*Где́-нибу́ть при лю́дях бу́ду на «вѹ́» называ́ть. ПРИМ. При лю́дях
онѹ́ не сме́ют, выде́лывают, когда́ ма́ть одна́. ХОЛМ. Я́ не сказа́ла, че́
при наро́де гово́рить. ВИЛ. При наро́де-то бу́тто и гоно́ушьс, а та́к
фсе́ на кро́вати ле́жсу́. ПЛЕС. Да́к э́то ту́т ве́зь дово́льной, ту́т при ваз
да́к, у нево́ тут ра́дости по́льны у́шы. ПИН.*

3.3.5. Указывает на соотнесённость с периодом жизни, проживания кого-н. (близко литературному предлогу **при**, но лексическая сочетаемость гораздо шире). Здесь реализуется комплексное значение времени и совместности:

При царё мы немно́го заста́ли. КАРГ. Пусть при Ю́ре уйёдет, а то ска́жэ́т, што нехорошо́: вы́гна́ла при сы́не неве́ску. ВИЛ. Мы при То́ле избу мы́ли и образа́ вы́несли в дрове́ник, унесли́. При А́нны привёс та́кого леца́ – йезе́нка. ХОЛМ. А при мойе́й ма́мы при́е́хал како́й-то. ОНЕЖ.

С местоимением:

Эти фсе при мене́ жэни́лизь бо́ле, при мнэ́ фсе у бра́ли. ЛЕШ. Не при мнэ́ уш эти кафта́ны-ти де́лали. Да при йе́й не выходи́ла за́муш, умом́ тяжо́ла. МЕЗ. При не́й не роскоза́ть — конце́р чи́стой бы́л. ВИЛ. Жо́нки-то не́ было, жо́нка померла́ йешо́ при не́м. ПИН. При на́с не та́к было. ШЕНК. До́чери-то ника́кийе не быва́ли при ва́с? КОТЛ. Та́ война́ да фтора́ – фся хударьба́ при на́с. УСТЬ. Э́то не при на́с уж бы́ло, сва́тофцы ходи́ли. ВИН.

3.3.6. Указывает на соотнесённость чего-л. с временем жизни человека, поколения: при (чьей-н.) жизни (живности), бытности; при (чьих-н.) годах, веках, времени, возрасте и при более конкретном указании на возраст (при молодости, при старости, при смерти):

Ой, ско́лько у́мерло при мойе́й-то жы́зни. мно́го при́мерло. ШЕНК. При мойе́й жы́зни не́ было лапте́й. ХОЛМ.

Царя́-то при жы́вности ви́дела. ВЕЛЬ. Во́т э́то при жы́вности, пока́ я жыва́. ПИН. Гармо́шку йе́щю при жы́вности игра́л. ВИЛ. Нача́лось при мойе́й бы́тности неве́нчений, тогда́ фсе́х попо́ф розго́нили. КАРГ. Ша́ньга карто́вна, пиро́жок с карто́шкой пекли́ – при мойе́й бы́тности та́к называ́ли. ВИЛ. При на́шэ́й бы́тности э́того не́ было. ОНЕЖ. Э́то не при на́шы у годáх бы́ло. ЛЕШ. При мой у́ годáх не при́читáли. При мойх ве́ках не бы́ло. ХОЛМ. И ве́ть при на́шых ве́ках мно́го пере́мени́лось жы́зни. ПИН.

При мойом-то во́зрасье́ как не сойти́ с ума́, не рехну́цца! КРАСН. Я одну́ стрéтила – при мойом во́зрасье́ бы́ло². ОНЕЖ. О́т как при свойом во́зрасье́ скажу́. ЛЕШ. Ма́ло ходи́ли ф шко́лу при на́шэм во́зрасье́. НЯНД. Ве́ть ра́ншиэ де́ти-то при тако́м во́зрасье́ к труду́ приви́ка́ли. ВИН. Мы́ ле́том при тако́м во́зрасье́ сорве́м и йе́дим. ПРИМ.

При ста́ром вре́мени па́хали у на́с то́лько соха́ми. Да йе́щю не́ были ф колхо́зе при э́том вре́мени, пере́воро́т-от. КАРГ. При на́шэм вре́мени доро́га пряма́ была́. МЕЗ. Ма́ло сади́ли карто́фель при ста́рых време́-

² Слово *возрост* / *возраст* в архангельских говорах имеет несколько значений, в том числе ‘период в развитии человека’, ‘время жизни одного поколения’, ‘процесс роста’ (см. «Архангельский областной словарь», вып. 5).

на́х, не стремились. То́лько при на́шем вре́мени. При на́ших-то време-на́х ф ко́мнатах не гуля́ли. ЛЕШ. Тогда́ мало в а́рмию-то бра́ли, при мойе́й-то ро́ише (когда мы росли; мое поколение). ХОЛМ. Она́ уж бу-дет при э́том жыть. ЛЕШ.

При более конкретном указании на возраст:

При Миха́йловой мо́лодос̑ти мо́лодежы́ было – дак о́й, о́й, о́й! ПРИМ. В обжы́м ко́фточек не́ было при мойе́й мо́лодос̑ти. ОНЕЖ. Я при мо́лодос̑ти вяза́ла рукави́цы. Давно́ йеши́ш при мо́лодос̑ти бра́н когды́-то. ЛЕШ.

Пошто́ пойеду́ при ста́рос̑ти ле́т далёко? В-Т. Пénсия при ста́ро-сти ле́т от колхо́за. ВЕЛЬ. То́лько при ста́рос̑ти начина́ют зва́ть боль-шы́м и́менем (по отчеству). ОНЕЖ. Одна́ я ужэ́ жы́ву, одна́ при тако́й ста́рос̑ти. ШЕНК. При ста́рос̑ти мне́ на пропита́ны́е, при сме́рти на погребёны́е. При ста́рос̑ти да при дрэ́вности. МЕЗ.

Сочетание при сме́рти по значению может быть близко значению ‘в период после смерти’:

При сме́рти ма́ло ли што́, дак што́п на Пе́тьку день́ги пошли́. МЕЗ. До́м прописа́ла при сме́рти – йэ́здыт ко мне́ ис Северодви́нска, а до́м-то на́до пра́вить. ШЕНК.,

а может значить ‘перед смертью’, ‘накануне смерти’:

Ста́рик уш при сме́рты прописа́л до́м, дак фами́лию смені́ла. КАРГ.

3.3.7. При указании на пребывание в каком-н. состоянии (соотно-сится с предложениями **в, во время** ЛЯ):

Ко́лько запо́мнила, да спрошу́ как, где́ тут на́раз запо́мниш, да при го́ре при э́ком, да где́ тут запо́мнить-то ра́взе. ПИН. Он до́брый, когда́ не при горя́цке. МЕЗ. Он при при́ступе как ме́ртвой лежы́т. ВИЛ. А я при пй́аном ви́де упáла да ру́ку и изло́мала. УСТЬ. Когда́ челове́к при бе́д-ности – на́до йему́ помо́кчи. ПИН. Пока́ я была́ при здо́ровье. Йёсли п я́ при здо́ровье была́. ЛЕШ.

3.3.8. С временным значением связано большинство фразеологизмов с предлогом **при**, например **при вре́мени** – ‘иногда, к случаю, при случае’:

Бу́дете де́вушки фспомина́ть при вре́мени когда́-ле. МЕЗ. Я то́жо при вре́мени вы́пью, я иши́ш вы́пью с хоро́шым челове́ком, я з бродя́гой пи́ть не бу́ду, мне ну́жэн тако́й, штобы́ лу́чышэ́ меня́. При вре́мени гу-ля́ли ф пра́зньники, а ця́с ка́жный де́нь. Когда́ при вре́мени – та́к не фспомниш. ОНЕЖ. Вино́ пйо́т при вре́мени, таба́ка не ку́рит, хоро́ший мужы́к. ЛЕШ.

С темпоральным значением связан фразеологизм **при царе-косаре** – ‘когда-то очень давно, в незапамятные времена’:

Как ра́ньшэ при царё-косарё мы́лися. МЕЗ. Дак он навёрно тот самовар при царё-косарё йеице́ был, вёсь на́кителью зарос. ОНЕЖ. На обёд зготóвят с собой, это при царё-косарё, до колхóзоф. НЯНД. Йёсли йеице́ то́лько дотрóнеш йей, я тебя ф тюрёмé изгно́ю, сечя́с не при царё-косарё. КАРГ.

Во фразеологизме *при* (чьих) глаза́х / *при* глазах (у кого) можно выделить и темпоральное, и локативное значение.

Локативное значение: ‘вблизи чего-н., на виду’:

При глаза́х ко́сите, а колхо́с што́ – не у́брал се́но. МЕЗ.

– речь идет о том, что колхозники в первую очередь убирают ближние покосы, расположенные рядом с деревней (здесь сочетание *при* глазах соотносится с диалектным *в глазах*).

Локативное значение может совмещаться со значением совместности:

Жыву́т э́ку долину́ (очень далеко) – не при мо́их глаза́х, дак што́ я скажу́. КАРГ. А вы́ при глаза́х у меня́? ШЕНК.

Употребляется *при* непосредственном обращении к собеседнику, в его присутствии:

«Мухо́ря» скажы́, дак ешо́ наты́чют мужы́ки, «Мухо́ря» не назову́т при глаза́х-то. ПРИМ. Пил.

Темпоральное значение ‘в присутствии кого-н.’ (‘в то время, когда присутствующий смотрел, наблюдал’:

Да, три́ до́ма згорёло при мо́их глаза́х-то, а я сижу́, кропа́ю ко́йе-што. ПРИМ. Повёсили котёл и ту́т при мо́их глаза́х заколо́ли оле́ня. В-Т. При мо́их глаза́х му́ш в больни́цэ у́мер. Жа́ўко, я веть ни с ково́ не взела́, фсе́ вот при тво́йу глаза́х. ВИЛ. У меня́ две ко́шки задави́ло при на́ших глаза́х. Побре́л да оди́нова вы́плыл, при йи́хных глаза́х потону́л. ЛЕШ. При глаза́х и убива́ют-то. КРАСН. Ра́ньшэ сожгу́т ту́т при глаза́х. ЛЕШ. При глаза́х люде́й потону́л, йеишо́ о́брáтно уишо́л. ПРИМ.

Информант может «переводить» фразеологизм, пояснять его:

При мне́, при глаза́х са́ло зде́лалось жо́лтым. ХОЛМ. Э́то как веть хозяйство-то при тебе́ разбу́лányт, при глаза́х, та́к веть во́т тяжёло́-то. УСТЬ.

Темпоральное значение ‘в период жизни, проживания кого-н.’:

Та́тушка расказа́ывал, не при мо́их глаза́х было́. МЕЗ. Фсе́ при на́ших глаза́х. ПИН.

Это же значение характерно и для фразеологизма *при моём* виду́:

При мо́ём виду́ везде́ отдава́ли (замуж), зна́ю хорошо́. ЛЕШ.

и для фразеологизма *при моёй* (нашей) па́мяти (памяте́, па́мятях):

При мойей пámяти были дымоходы. ВИН. Вот уш *при мойей пámя-тэ* 4 рáзa дéньги мeня́ли. ВЕЛЬ. Тé-то стару́шки фсе ўмерли, так *при мойей пámяти*, конéшно. ПИН. *При нáс* стáли машы́ны, *при нáшэй пá-мýтэ*. КАРГ. Недавнó дéло бýло, *при нáшых пáмeтýх*. Хоть *не при нá-шых пáмeтýх*, а фся дерéвня бýлa згорéла. НЯНД.

3.4. Значение **принадлежности** (посессивное),

3.4.1. Указывает на принадлежность чего-н. кому-н. (соотносится с предлогом **с** ЛЯ, в одном из примеров употреблены оба предлога, **с** и **при**: с собой – при себе):

Онi фсé *при кóмнатах* и *при квартiрах*. Юра веши́шэй брáл мнóго, дóлaры с собо́й *при себе́* вёс. ВИЛ. Фсё́ бýло сво́йó, *при себе́*: лóшатъ сво́я, корóва, земл́я разделeнá полóсками. УСТЬ. Нé бýло чeо-нить *при себе́* – йeвó ветъ и укóкали. ПРИМ.

3.4.2. Указывает на соотнесённость человека и вещи (соотносится с предлогом **в** ЛЯ):

Побежáл под гóры *при своейей шлýпы*. ЛЕШ. Идýт *при шлýпах*. Дéвочкi тáк хóдýт, нáдо и йeмý *при парáдном* хóдiть. ВИЛ. А тóжo *при фáртучке*. ХОЛМ. Ты пои́штó *при халáте*? ПИН. *При пальтáх* бывáла, в зóлоте-серебре. МЕЗ. *При цeсáх*, *при голóшах*. ШЕНК. *При цёпóчках*, *при янтáрях*. Вáська был хорóший, идё́т *при костýме*. ПИН. Хóдiли вращi *при ремнýх*. КАРГ. Мы-то уш *не при этóм наряде* выхó-дiли (замуж). ПРИМ.

3.4.3. Употребляется в сочетании существительного с числительными, обозначающими количество чего-н. – частей, деталей, элементов, характеризующих предмет или образующих, составляющих его (соотносится с предлогом **с** ЛЯ):

Стрóй хоть однý избýшку *при однóм окóшке*. ЛЕШ. Йёсь телéга *при двýх колeсáх*, а йёсь *при четырёх*. *При четырёх* – этó рóспуски назывáющa. МЕЗ.

3.4.4. При указании на какое-то сопутствующее обстоятельство, условие (соотносится с предлогом **с** ЛЯ):

Конéшно, уш какý возъмýд, дак йёсьли *при какóм ли грехý*, дак обзы-вát. ЛЕШ. Кто *при жэлáнии*, *при годáх*. КАРГ.

Сочетание *при* (каких, чьих) интересах близко фразеологическому и означает ‘ни с чем’:

Тýт *при старýх интeрeсах* и пойдё́ш спáть — а тáк што не ло-жýсья, не вали́сья спáть. КАРГ. Фчерá скóко посуды-то бýло на сто-лe, фсé разошлiсь, а я остáлась *при своих интересах*, и вóт крiво-прýмо мыла. ПРИМ.

3.5. Значение **сравнения**.

Употребляется при сравнении с кем-н., чем-н. (соотносится с предлогом **перед**, сочетанием **по сравнению с**, союзом **чем** ЛЯ):

Наш-от худаты́й при Ле́ньке-то. КРАСН. Ну он Йи́льке-то ровесы́-ник, ну он при Йи́льке-то худенькой, а он веть и́ш какой иедрёной. Мо́лот он при Да́шы-то, да не́т, ровесники. Да како́йе э́то кру́ченье, при ле́те-то (по сравнению с летом). ВИЛ. При йе́й-то он шы́пко ста́р. В-Т. Она́ краси́ва бы́ла, звезда́. Воло́тька ста́рый при не́й, но рабо́чий, мо́жно де́ржа́цэ. ХОЛМ.

3.6. Предлог **при** способен кардинально менять отношения между субъектом и объектом. Это особенно хорошо видно при использовании в одном контексте предлога **при** и предлога-синонима. Если в конструкции используются предлоги *у*, *в*, *на* и проч. (*Х в Y*, *Х у Y*), внимание обращено на свойства *X*-а. Если в тех же конструкциях использован предлог **при**, внимание переключается на объект *Y*, а *X* становится как бы дополнением, придатком *Y*-ка.

Например, при одновременном использовании предлогов **при** и **в** в одном контексте конструкции с этими предлогами противопоставляются. Если в посессивном значении использован предлог **в**, имеется в виду простая констатация заурядного факта (*Х в шляпе*, *в пальто*, *в галошах*). Если же использован предлог **при** (*Х при шляпе*, **при** *пальто*, **при** *галошах*), отношение к объекту резко меняется: это уже не обычный, привычный факт, он обладает особой значимостью, субъект уже выглядит как дополнение, привесок к этому необычному объекту:

Фсе ф куфа́йках *хо́дят де́ти*, а он при пальто́. МЕЗ. *Фсе́ ребя́та как ребя́та*, при гало́шах, при чяса́х, моё *тяпало* *притя́пало в* *большу́шших сапога́х* (фольк.). ХОЛМ. *Шу́роцька ф тужу́роцьке* при ко́жаном реме́нэ (фольк.). КАРГ.

Фуфайка, *тужурка*, *сапоги* хотя и появились в деревне как элементы городской культуры, к моменту записи расценивались уже как обычные предметы деревенского быта. *Пальто*, *галоши*, *часы*, *ремень*, *шляпа* еще обладали особой значимостью, резко выделяли своего владельца. Это выделение подчеркнуто использованием предлога **при**.

В следующем примере из заговора рядом также оказываются предлоги **в** и **при**, в локативном (а может быть, смешанном темпоральном и локативном) значении:

В а́рмию похо́дят, у хозя́ина (у «домового») *спра́шываю́ца: ба́тюш-ко-хозя́юшко, ма́тушка-хозя́юшка, я́ похо́жэ ф Кра́сну а́рмию. Береги́те*

меня, охраняйте меня, дайте мне здорóвья. *Ф. пуги́ при доро́женьке спаси́те меня́ и сохрани́те меня́. КАРГ.*

Пространство дороги в русской духовной культуре противопоставлено пространству дома, это чуждое пространство, человек там не может чувствовать себя хозяином. *В* пуги́ значит ‘во время передвижения куда-н. на дальнее расстояние’, в конструкции *при доро́женьке* подчеркивается значимость дороги, её главенство над субъектом, который оказывается в её власти. У того же заговора есть вариант окончания:

...При пуги́ при доро́жэньке, што́б бы́ло фсегда́ хорошó.

Повторение предлога разбивает единую конструкцию *путь-дороженька*. Интересно однако, что в варианте использовано повторение предлога *при*, а не *в*.

4. Предлог *при* может являться составной частью сложного предлога *при-за* (управляет Предложным падежом):

С рука́ми бы́ла́ (кофта) и при-за сто́йецьки. ЛЕШ.

Л и т е р а т у р а

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15–. М., 1980–2013–.

Картотека «Архангельского областного словаря» (хранится на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. М.: 1997.

С п и с о к с о к р а щ е н и й ³

В-Т.	Верхнетоемский	МЕЗ.	Мезенский
ВЕЛ.	Вельский	НЯНД.	Няндомский
ВИЛ.	Вилегодский	ОНЕЖ.	Онежский
ВИН.	Виноградовский	ПИН.	Пинежский
КАРГ.	Каргопольский	ПЛЕС.	Плесецкий
КОН.	Коношский	ПРИМ.	Приморский
КОТЛ.	Котласский	УСТЬ.	Устьянский
КРАСН.	Красноборский	ХОЛМ.	Холмогорский
ЛЕН.	Ленский	ШЕНК.	Шенкурский
ЛЕШ.	Лешуконский		

³ В списке сокращений указаны районы Архангельской области, названия пунктов в данной публикации опущены.

Irina B. Kachinskaya

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

kacza@yandex.ru

RUSSIAN PREPOSITION *ппп* IN ARKHANGELSK REGION

In the article preposition *ппп* in Arkhangelsk dialects is considered from the point of view of its syntactic role (use with certain cases), in its stressed and unstressed variants, and semantics: locative, komitative, temporal, possessive and comparative. It is proved that in the dialects preposition *ппп* have more meanings than in the Russian literary language; it is used not only with locative, but with genitive, dative, accusative cases.

Key words: Russian dialectology, northern dialects, dialects by Arkhangelsk region, Russian prepositions, the syntax, prepositional constructions.

R e f e r e n c e s

Gecova O.G.(Ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Iss. 1–15–, Moscow, 1980–2013–.

Card index and electronic card file by Archangelsk Regional Dictionary kept in the philology faculty by MSU. (In Russ.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M. 1997.

А. В. Мальшева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

anpatalys@mail.ru

Объектный генитив в русских летописях и современных говорах*

Вариативное управление двумя объектными падежами – аккузативом и генитивом было свойственно многим русским глаголам на протяжении XI–XVII вв. В статье на материале современных архангельских говоров рассматриваются примеры употребления генитива при глаголах тех семантических классов, которые утратили или почти утратили это управление в русском литературном языке. Это предикаты с ограниченным потенциалом генитивного управления: глаголы восприятия, охраны, речи, письма, обладания, ментальные и эмоциональные глаголы, глаголы конкретного физического действия. Более широкое, чем в литературном языке, употребление формы объектного генитива в современных говорах во многих случаях объясняется фактами истории языка и отражает более архаическое состояние синтаксической системы. Материал архангельских говоров сопоставляется с данными русских летописей. Состав семантических классов глаголов, имеющих вариативное управление аккузативом и генитивом, в летописях и говорах в целом совпадает, наблюдается также частичное совпадение на уровне отдельных лексем.

Ключевые слова: диалектный и исторический синтаксис, архангельские говоры, русские летописи, глагольное управление, вариативность аккузатива и генитива, объектный генитив.

Исследователями неоднократно отмечалось более частотное по сравнению с литературным языком употребление в говорах генитива в функции прямого объекта, например: *полил капу́сты, посмотрю́ своих огу́рчиков, забыла́ не́которых сло́в, отвори́ дверей, взяла́ ключа́* (работы Е. К. Тимченко, В. И. Собинниковой, А. М. Кузнецовой, И. Б. Кузьминой, Е. В. Лопатиной и др.). Генитив, альтернативный аккузативу, представлен на всей территории распространения современных русских говоров. Примеры употребления этой формы зафиксированы на севере – в архангельских, вологодских, костромских, ярославских, карельских говорах; на юге – в воронежских, рязанских, смоленских, калужских, Брянских, ростовских, а также в среднерусских говорах – новгородских, псковских, ленинградских [Кузьмина 1993: 30–34]. При этом И. Б. Кузь-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-18029. «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья».

мина отмечает, что многие конструкции с объектным генитивом имеются лишь на территории северных говоров.

Более детальные исследования функционирования и семантики объектного генитива имеются для онежских [Маркова 1989; 1999; 2008], пермских [Потапова, Русинова 1991] и архангельских говоров [Гецова 1997; Малышева 2010].

Приглагольный генитив, не восходящий к отложительному падежу, по большей части связывается с идеей количества. Для его обозначения в русской лингвистической традиции существуют разные термины: «родительный частичный» [Шахматов 1963: 320–324; Булаховский 1952: 292], «родительный количества», «количественный» [Буслаев 1875: 247–248; Пешковский 1935: 266], «разделительный» [Пешковский 1935: там же]; «родительный неполного объективирования» [Пешковский 1935: там же; Ломтев 1956: 266; Маркова 2008: 147], «родительный неполного объекта» [Маркова 2008: 150], «родительный неопределенного количества» [Булаховский 1952: там же], «родительный неполного воздействия» [Историческая грамматика 1978: 346], «родительный неполного охвата» [Булаховский 1950: 247–249, Собиенникова 1990: 140] и др. Широко распространен также термин «родительный партитивный», «*genitivus partitivus*», «*partitive genitive*» (см., например: [Seržant 2014]), который иногда употребляется в более узком значении для обозначения форм с флексиями *-у(-ю)* [Попов 2008]. Термины «родительный количественный», «партитивный», «неполного объективирования», «неполного объекта» нередко используются как синонимы в пределах одной и той же научной работы.

Термин «родительный партитивный» (а также «родительный частичный», «родительный разделительный») оспаривался многими лингвистами. Так, А. М. Кузнецова, развивая идеи А. И. Томсона, выступившего в начале XX в. с развернутой критикой теории родительного разделительного, рассматривает значение приглагольного генитива с точки зрения категории определенности/неопределенности и вводит термин «родительный неопределенного объекта» [Кузнецова 1960].

А. Тимберлейк различает для русского языка понятия «*partitive genitive*» и родственный ему «*metric genitive*». «Метрический генитив» употребляется при глаголах с количественными приставками, например, с приставкой *на-* (*наделать глупостей*) и является в данном случае основным вариантом управления [Timberlake 2004: 319–321].

Мы используем термины «объектный генитив», «количественный генитив» для общего обозначения приглагольного родительного паде-

жа в роли прямого объекта, а также более конкретное определение «генитив неопределенного количества», например: *купить хлеба*, для обозначения генитива неисчисляемых существительных, который есть как в говорах, так и в современном литературном языке.

Отдельную проблему представляют собой случаи, когда объект при глаголе выражен отвлеченным существительным.

Основные различия употребления объектного генитива в современных русских говорах и литературном языке состоят в следующем.

1. В форме приглагольного родительного падежа в говорах могут употребляться не только неисчисляемые существительные, как в литературном языке, но и исчисляемые: *купить топора*. Принципиальная возможность употребления исчисляемых существительных в форме количественного генитива обусловлена тем, что в говорах сохраняются некоторые значения генитива, присущие ему с индоевропейского периода, но утраченные в современном литературном языке (подробнее см.: [Малышева 2008]).

2. В говорах шире круг глаголов, имеющих альтернативное управление объектным генитивом (в современном литературном языке имеются строгие семантические ограничения, например можно сказать: *одолжить денег*, но невозможно: **украсть денег* и др.).

3. Потенциал генитивного управления глагола зависит также от его видовой принадлежности: глаголы НСВ в целом менее активно управляют количественным генитивом [Богородицкий 1939: 213; Кузнецова: 1960: 186–187; Собинникова 1961: 158; Якобсон 1985: 147; Падучева 1996: 183–191; Timberlake 2004: 320]. Далее, говоря о наличии или отсутствии генитивного управления в литературном языке у глаголов определенных семантических классов, мы ориентируемся в первую очередь на глаголы СВ. В говорах шире, чем в литературном языке, употребляется генитив как при глаголах СВ, так и при глаголах НСВ.

Вариативное управление генитивом и аккузативом – архаическая черта, свойственная многим глаголам с индоевропейского периода. Б. Дельбрюк отмечает употребление в индогерманских языках объектного генитива, соотносимого по своим функциям с аккузативом, при разных глаголах чувственного восприятия и мыслительной деятельности (в арийских языках, литовском, греческом, латинском, германских, славянских языках), глаголах обладания со значениями ‘*владеть*’, ‘*господствовать*’, ‘*иметь*’ (в арийских языках, греческом, латинском, германских языках), физического восприятия и передачи со значениями ‘*дать*’, ‘*взять*’, ‘*купить*’, ‘*принести*’ (в арийских, греческом, литов-

ском, германских, славянских языках), при глаголах *есть, пить, радоваться* (в арийских, греческом, германских, балто-славянских языках) [Delbrück 1893: 308–331; см. также: Мейе 1938: 351; Шахматов 1963: 314; Якобсон 1985: 146–148]. Не вызывает сомнений формальная и функционально-семантическая близость аккузатива и генитива в этих языках [Крысько 2006: 175–178].

В русском языке XI–XVII вв. объектный генитив мог употребляться наряду с аккузативом при глаголах разных семантических классов. Это глаголы физического восприятия и передачи (в другой терминологии – глаголы, обозначающие изменение принадлежности): **дати, взати, купити** [Попова 1969: 23; Крысько 2006: 185–189]; глаголы, обозначающие перемещение объекта в пространстве, изменение его пространственного или кинетического положения: **везти, вести, нести** [Попова 1969: 23–24]; глаголы чувственного восприятия: **видѣти, зѣрѣти, гладати, смотрити, слышати, слѹшати, послѹшати** и др. [Ломтев 1956: 268; Попова 1969: 30–31; Историческая грамматика 1978: 346–347; Klenin 1983: 36–38; Майер 1997: 91; Крысько 2006: 189–196, 227, 249–254]; глаголы со значением охраны **беречи, блюсти, стеречи, боронити** и др. [Попова 1969: 33–34; Историческая грамматика 1978: 348; Майер 1997: 91; Крысько 2006: 199–200, 227–228; Малышева 2008а: 57–79]; глаголы конкретного физического действия: **рѣзати, үрѣзати, сломити, үрвати, үсѣчи, раскопати, разорити, зажечи, раздѣлити, израдити** и др. (*хлѣба рѣзати, головы сломити*) [Miklosich 1926: 487; Ломтев 1956: 267; Попова 1969: 24; Крысько 2006: 179–185]; глаголы мыслительной, познавательной деятельности, памяти: **үзнати, довѣдати, свѣдати, отвѣдати, отвѣдывати, развѣдывати, вѣдати, үвѣдѣти, разүмѣти, разүмѣвати, мыслити, помыслити, помышлѣти, помынѣти, поминати, поманүти, забыти** и др. [Майер 1997: 91; Крысько 2006: 196–199]; глаголы речи, письма: **пѣти, писати, вѣзглаголати, проглаголати** [Попова 1969: 30; Крысько 2006: 202, 204]; глаголы эмоционального отношения **жалѣти, жаловати, плакати** (в значении ‘оплакивать’), **оплакивати, рыдати, сѣтовати, помиловати, любити** [Попова 1969: 32; Крысько 2006: 199–201]; глаголы обладания: **имѣти, владѣти, обладати** [Историческая грамматика 1978: 348; Крысько 2006: 188–191].

В современном русском литературном языке регулярное употребление генитива наряду с аккузативом отмечается только у глаголов первых двух перечисленных классов. Это глаголы со значением физического восприятия и передачи (*дать хлеба, взять ткани, купить разной одежды, занять денег, получить зерна, съесть супа, выпить воды*) и

глаголы со значением перемещения объекта (*принести стульев, привезти книг, послать хлеба*), в частности со значением помещения объекта куда-нибудь (*положить сахара/сахару, налить чаю, насыпать зерна*). Генитив при этих глаголах в современном литературном языке имеет значение неопределенного количества.

Сохранение регулярного генитивного управления именно этими предикатами обусловлено их семантикой. Способность присоединять количественный генитив во многом зависит от наличия в лексическом значении глагола количественного компонента: «Партитив наиболее естественно сочетается с предикатами, сообщающими о ситуации, в которой само действие создает количество, как, например, действия из межличностной, бытовой сферы, обозначенные глаголами перемещения (приобретения, снабжения или передачи), потребления или накопления» («The partitive is most natural with those predicates that report a situation in which the act itself creates a quantity, as happens with interpersonal, domestic acts of transfer (purchasing, serving, or giving), consumption, or accumulation») [Timberlake 2004: 319]. Такие предикаты можно назвать глаголами с широким потенциалом генитивного управления.

В говорах архаическую вариативность аккумулятива и генитива сохраняют глаголы всех перечисленных семантических классов. Кроме того, диалектный материал частично перекрывает исторический, в частности многие глаголы, управляющие генитивом в говорах, не отмечены в работах по историческому синтаксису.

Далее на материале архангельских говоров приводятся примеры генитивного управления у глаголов тех семантических классов, которые утратили или почти утратили это управление в современном литературном языке. Это глаголы с ограниченным потенциалом генитивного управления. В диалектной речи генитив при таких глаголах является допустимой, но все-таки чрезвычайно редкой формой. Достаточно сказать, что за месяц пребывания в говоре можно услышать и записать в среднем 5–10, редко – больше пятнадцати примеров употребления генитива на месте аккумулятива. Частотность употребления генитива зависит от конкретного говора. По нашим наблюдениям, более часто генитив встречается на северо-западе Архангельской области (Приморский район), сравнительно много примеров также из Пинежского, Лешуконского, Мезенского районов, но более точное лингвогеографическое описание пока невозможно из-за недостаточности и разрозненности материала. Редкость генитивной формы затрудняет проведение статистического анализа соотношения генитивных и аккумуля-

ных форм. Приводимый ниже достаточно обширный корпус примеров употребления генитива собран благодаря поистине уникальным по своему объёму и содержанию материалам Архангельского областного словаря.

Материал архангельских говоров сопоставляется с данными русских письменных памятников. Для анализа объектного управления аккузативом и генитивом нами использовались опубликованные выпуски русских летописей: Лаврентьевская летопись 1377 г. с разночтениями по Радзивилловской летописи ок. 1487 г. (Р) и Московско-Академической летописи к. XV в. (А), Ипатьевская летопись (Ипатьевский список около 1425 г.), 1-я Новгородская летопись по Синодальному списку XIII–XIV вв. и Комиссионному списку XV в., 2-я Псковская летопись XV в., 3-я Псковская летопись XVI в., Патриаршая, или Никоновская летопись XVI в. Материал говоров извлечен из опубликованных выпусков Архангельского областного словаря (далее АОС), архива полевых тетрадей, картотеки и базы данных АОС, а также собран автором во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область. Примеры употребления объектного генитива в современном русском литературном языке получены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Глаголы чувственного восприятия

Объектное управление глаголов восприятия достаточно подробно описано в литературе по историческому синтаксису. В этой группе выделяются предикаты со значением нецеленаправленного, или пассивного восприятия **видѣти**, **слышати**, которые в индоевропейских языках управляют преимущественно аккузативом, и целенаправленного, или активного восприятия **съмотрити**, **слұшати**, которые управляют генитивом [Мейе 1938: 351; Крысько 2006: 189–196]. Глаголы активного восприятия в русском языке сохраняют генитивное управление до XVII в. В дальнейшем генитив постепенно вытесняется аккузативом, однако продолжает встречаться вплоть до середины XIX в. [Крысько 2006: 249–253; ср.: Майер 1997: 91].

В обследованных летописях непрефиксальные глаголы восприятия также демонстрируют лексикализованное управление генитивом и аккузативом: **видѣти** и **слышати**, за единичными исключениями, имеют аккузативное управление, а **слұшати**, **съмотрити** – генитивное. При анализе управления нельзя не учитывать наличие приставки и ее семантику. В летописях к аккузативному управлению тяготеют глаголы

восприятия с приставками, вносящими в значение глагола компонент результативности: *у-*, *отъ-*, *пере-* (*у́сьмо́трѣти*, *у́зрьѣти*, *у́видѣти*, *у́слышати*, *пере́зрьѣти*, *отъ́слышати*). Глаголы слухового и зрительного восприятия с приставкой *по-* с процессуальным значением (*по́сьмо́трѣти*, *по́слышати*, *по́слышивати*) последовательно управляют генитивом. Приставки *роз-*, *съ-* в сочетании с глаголами зрительного восприятия *ро́зъсьмо́трѣти*, *ро́зъсьмо́траѣти*, *ро́зъсьма́тривати*, *съ́гладаѣти*, как кажется, могут не иметь чисто результативного значения, что и обуславливает колебания в управлении. То же самое можно сказать про приставку *вы-* в составе глагола *вы́слышати* [Малышева 2010: 13–16].

В литературном языке на современном этапе количественный генитив при глаголах *видеть*, *смотреть*, *слышать*, *слушать* употребляется очень ограниченно. Нельзя сказать: **увидел из иллюминатора рек и полей*, **осмотрел домов*, **услышал голосов*, **расслышал слов*, **выслушал докладов* (в данных примерах соблюдены все грамматические условия, делающие возможным альтернативное употребление генитива неопределенного количества: глагол СВ и существительное в форме мн. ч.; таким образом, некорректность генитивной формы в данных примерах обусловлена чисто семантическими причинами). При этом некоторые глаголы с приставкой *по-* более свободно сочетаются с генитивом: можно сказать *послушал песен*, *разговоров*, но нельзя: **посмотрел фильмов* (видимо, возможность употребления генитива зависит в данном случае от статуса объекта). Генитив объекта при глаголе *посмотреть* воспринимается в настоящее время как элемент архаического стиля: *Софьюшка, душа моя! Не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?* [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1872)] и др. (см. также примеры из русской классической литературы: [Крысько 2006: 250–251]). Альтернативное генитивное управление при глаголе *посмотреть* отмечено только в «БАС»е, причем с единственным примером: *Пои́ёл поп по базару / Посмотреть кой-какого товару* (А. С. Пушкин. Сказка о попе и работнике его Балде) [ССРЛЯ, т. 10: 1500].

В современных архангельских говорах более свободно употребляется объектный родительный падеж при глаголах восприятия. Распределение аккузативной и генитивной форм не носит лексикализованного характера. Например, генитив отмечен при глаголе активного восприятия *смотре́ть*: *Приходи́ла смотре́ть своей́ обо́ишы*. Вель. Сдр; *Ходи́ла я на го́рку, че́рники смотре́ла*. Леш. Рдм; *Грипко́ф смотре́ю*. Пин. Яв; *На пове́ти мужы́к приде́, вод дру́г дру́шки смотре́ят*. Пин. Шрд; *Приходи́, говоря́т, Ива́новна, смотре́ть на́ших трудо́ф*. А. о́сенью таг,

бат, дрóf смотре́дь, где руби́ть зимой. Приде́те смотре́ть моево́ жытья́. Прим. Ннк и глаголах пассивного восприятия *вида́ть*, *ви́деть*, *слыха́ть*, *слы́шать*, *чу́ять* (в значении ‘слышать’): Вида́ли таки́х дыш? Красн. ВУ; То́ вот ыш у тебя́ то́жо ма́ти вида́ла стра́сти-то. Мез. Аз; Вида́ли стра́хоф-то. Вы́шэу старик горба́тый – наве́рно, фсего́ ви́деу-то, му́ки-то фся́кой. Пин. Яв; Ма́слеников ви́дел, волну́хи йе́сь, губы, подосиновати́ки. В-Т. Врш, АОС, вып. 10, 125; Оногды́ся я ви́дела натса́дной тра́фки, как побольше́ натса́дна-то в огоро́ще росте́т. Котл. Фдт; Ой-ой, я сме́ху ви́дела! В-Т. Грк, АОС, вып. 4, 90; Будь, говоря́т, похитря́йе и посця́сливейе, слыха́ли тако́во? Вил. Пвл; Прои́шэсвий-то фся́ких слы́шали. Мез. Аз; Я чу́ю маши́н, дак ы вы́йду. Карг. Ош.

Большинство примеров генитивного управления фиксируется при глаголах зрительного и слухового восприятия с приставкой *по-*, таких как *повида́ть*, *погляде́ть*, *послу́шать*, *посмотре́ть*: Ну вот ви́дите, горо́цкийе ужэ́ трудо́ повида́ли. Да, Лукья́новна мно́го прожыла́, фсе́ то́жо фсего́ повида́ла, худо́го и хоро́шего, фсе́. Пин. Яв; Окуне́й, быва́т, наудим и моро́шки погляди́м. Мо́ря на́шево погляде́ли. Прим. Ннк; Ва́ших обря́доф погледе́ть. Арти́лью при́йедут, погле́дя хоть э́того ве́хтыя-то, не вида́ли, так не ди́во. Карг. Лкш; Што́ за Се́вер, погляде́ть Се́веру, а то́ не вида́ть. Онеж. Хчл, АОС, вып. 4, 89; Охо́та бы и слу́жбы-то послу́шать [в церкви]. Пин. Яв; Наро́ду посмотре́ли ф сре́ду-ту. Леш. Лбс; Ну-ко, волну́х посмо́трим, о, хода́т [прокисают] они́. Я ле́су посмо́трю́. Прим. ЗЗ; Ду́маю, схожу́ посмо́трю́ моро́шки-то. Надо́ бы на Ма́лый Мо́х сходи́ть, моро́шки посмотре́ть. Посмотре́дь бы нать моро́шки. С йедой пойдём, так, бродим, я́гот посмо́трим. Песочьком пойдёш, бе́рега посмо́триш, мо́жно тихонько – оддохну́ть, да о́пять оддохну́ть, да о́пять. Вот посмотре́ли там чужо́во, ме́сности чужо́й. Прим. Ннк; От позабо́тилась, ду́маю, посмо́трю́ свои́х огу́рчи́коф. Холм. Звз; Ла́дно, дере́вущэ́к посмо́трим. Холм. Сия. В форме генитива объекта здесь могут употребляться также исчисляемые существительные: Сходи́те, посмотре́йте мона́стыря́, здесь неда́леко, де́вять кило́метроф. Холм. Сия.

Примечательно генитивное управление у глагола с приставкой *за-* с начинательным значением: Сиве́ру́ха лета́йет, ка́з зачу́йет како́нибу́ть ве́тра, так прилетя́т в о́ко́льничю. Прим. Пшл.

База данных АОС позволяет получить приблизительную картину соотношения в архангельских говорах объектных аккузатива и генитива при определенных глаголах (более полную картину сосуществования этих двух форм дал бы анализ достаточно большого корпуса записей из одного конкретного говора).

В ходе обследования по базе данных АОС глагола *смотреть* отмечено 110 случаев аккузативного управления (здесь и далее учитываются только те контексты, в которых рассматриваемые глаголы в базе данных имеют статус диалектизмов) и всего 7 примеров генитивного управления.

Только с аккузативом зафиксированы в базе данных глаголы *вы́смотреть*, *досмотреть*, *засмотреть*, *недосмотреть*, *обсмотреть*, *осмотреть*, *подсмотреть*, *присмотреть*, *просмотреть*, *усмотреть*.

Вариативное управление генитивом и аккузативом имеют глаголы: *посмотреть*, *насмотреть* и *пересмотреть*. Наиболее активно присоединяет объектный родительный падеж глагол *посмотреть*: аккузативное управление отмечено в 96 случаях, генитивное – в 42, причем в форме генитива употребляются как неисчисляемые, так и исчисляемые существительные (см. также: [Малышева 2012]).

Глаголы со значением ‘беречь, защищать’

В русских летописях глаголы **бл҃юсти**, **стеречи**, **веречи** последовательно управляют генитивом, глаголы **храни́ти**, **пасти**, **борони́ти** (**брани́ти**) имеют аккузативное управление, то есть существует лексикализованное распределение объектных форм. Префиксальные глаголы этого семантического класса с приставками, вносящими в значение глагола компонент законченности действия, достигнутого результата (*съ-*, *о-*), имеют, как правило, аккузативное управление. Приставки с другими значениями – ограничительно-временным, отрицательным (*по-*, *не-*) поддерживают управление генитивом. Глаголы с префиксом *у-* управляют как аккузативом, так и генитивом (подробнее см.: [Малышева 2008a]).

В архангельских говорах количественным генитивом управляют глаголы этого семантического класса СВ, например *поберегчи́*: *Да не матері́сь, а поберегѣ́ матюко́ф*. Вель. Пкш; и НСВ *берегчи́*: *Не пасі́ [копи, запасай] де́ла, а пасі́ хлѣ́ба – погово́рка говорі́ца. Надо де́ла кря́ду фсе́ де́лать, не заты́гивать, и хлѣ́ба берегѣ́ на чѣрной день*. Онеж. АБ, АОС, вып. 10, 465–466.

В базе данных АОС при глаголе *берегчи́* зафиксировано 6 примеров генитивного управления на фоне 23 контекстов с аккузативом: *На перегово́ры одні́ измота́л ско́лько, де́нег бы берѣ́к!* Вил. Трп; *Молоды́ боя́ця-то, бензи́на берегѣ́т*. Мез. Длг; *К пра́знику му́ки нать берекечи́*. Плес. Прш; *Поле́й-то берегѣ́т, ро́стили овсы́*. Уст. Сбр; с исчисляемыми

ми существительными: *Ма́ма говори́ла: гуля́йте, а одново́ містецька береги́те*. Карг. Ар; *Я и то́ сё соклонёюсь, сё де́лаю, ка́к тут бере́кци-то гла́зу*. Пин. Врк.

Глаголы конкретного физического действия

Группа глаголов физического воздействия весьма обширна и включает в себя большое количество разных предикатов, обозначающих не только действия, но и деятельности и процессы. Различаются эти глаголы также по широте семантики. Это обуславливает разницу в употреблении количественного генитива при разных глаголах этой группы.

В обследованных летописях генитив, альтернативный аккумулятиву (при безусловном преобладании аккумулятивного управления), зафиксирован при глаголах СВ *выправити, зажечи, изломати, истолъкти, казнити, наломити, насадити, насовати, отърѣзати, отъсѣчи, плѣнити, побити, повоевати, подѣяти, подвигнути, подѣтати, пожати, пожечи, поразити, построити, починити, съломати, съсѣчи, сътворити, үготовити, үкүсити, үрѣзати, үгьрти*.

Приведем некоторые примеры: *и ядяху́т лю́дие листь липовыи, кору́ березову́, инии молиць* [молица – мякоть дерева, источенная червями] *истолъкъше, мятуче с пелми и съ соломою* 1127, 1НЛ КС, 101об.; *но отъ великаго того паденіа всѣ столпи и стѣны двигну́шася, а иныхъ изломало*, *толко не падошася* 1474, Ник.12, 155; *великій князь повелѣ князю Мѣхилу́ Воротыньскому́ подвигну́ти тѣрѣ* [осадные передвижные укрепления] *къ нхъ рву́ противъ вашты Арьские и Арьскихъ воротъ къ тарасомъ противъ Царевыхъ воротъ* 1553, Ник.13, 212; *придѣлаша персини* [часть городских укреплений древнего Пскова] *оу́ детинца* 1337, 2Псков, 172; *И Немци, ходивше по псковским волостемъ неделю и остаточных волостен плѣнивше и пожегше, отъи́доша* 1409, 2Псков, 185 и др.

В современном русском литературном языке глаголы физического воздействия имеют достаточно ограниченный потенциал управления генитивом неопределенного количества. Например, невозможно: **разбить окон, *сломать деревьев; *построить домов, *написать романов, *склеить стульев, *выкопать ям, *посадить деревьев, *скосить травы, *помыть посуды, *полить капуста* и др. В современном литературном языке такие глаголы управляют генитивом обычно в том случае, если имеют приставку с количественным значением: *накопать картошки, настрोить домов, отрезать хлеба* и т. д.

В говорах отмечены многочисленные примеры употребления генитива при глаголах конкретного физического действия: *Осенесь карто́х выкопала и по́йехала*. Кон. Влц; *Мно́го спасі́бо, де́вушки мне карто́вей обры́ли*. Шенк. ВП; *Сходи́ да это, ве́ресу опты́кайте о́кол кусто́ф*. Прим. Ннк; *Ходи́ бы оле́шника опты́кала у де́тки-то*. Карг. Ош; *Г ба́бе У́ле пойдú окошú травы́*. Карг. Ус; *Гре́зи-то опашы́ [отряхни, обмети]*. Мез. Дрг; *Поли́л капу́сты, карто́шку вот посади́л*. Прим. Ннк; *Талья́нка, мо́жно выи́грать та́нцев такі́х*. Вин. Зст, АОС, вып. 7, 230; *Осто́жэ́й на́до загори́дзіть, што́бы скот туда́ не заходи́л*. Холм. Кпч; *По́лы бы́ли, и поло́ф нарушы́ли [сломали, уничтожили]*. Пин. Ёр; *На́до про-мёшко́ф огрести́*. Леш. Тгл; *То́лько ве́ніко́ф сломи́ла, она́ там уш фсё скоси́ла, и осто́жыо скоси́ла*. Прим. Пшл; *Потпо́р да стожары́ сру-би́косе!* Прим. 33; *Я белья́ по одной рубáхе вы́мою, так ы фсё*. Красн. - ВУ, АОС, вып. 8, 28 и др.

Как в литературном языке, так и в говорах более широкий потенциал генитивного управления имеют глаголы, обозначающие приготовление пищи: *Взды́маны пирошкі́ – продолговáтых соченько́ф вы́скеш [раскатаешь]*. Онеж. УК, АОС, вып. 4, 68; *Вы́живёш квасу кис-лого, вы́квасиш си́льно*. Пин. Квр, АОС, вып. 7, 250; *Доста́нече капу́сь-тина, со́ку вы́коцькаю*. Нянд. Врл, АОС, вып. 7, 275; *Ржа́но́ва тэ́ста заведу́т и натолку́т они́су*. Нянд. Стп; *Со́лоду изла́дят, ро́ишу вы́ме-цем*. Котл. Збл, АОС, вып. 8, 16; *Поста́виш ф кры́ночки испа́рить мо-лочка́*. Чай; *хле́ба испекё́ж, дак с со́лью*. Холм. Сия; *Ла́жу к пра́зьнику боу́тушки повари́ть*. Вель. Лхд, АОС, вып. 2, 61; *Цё-ни́ть испекти́, какі́х ола́шок, колобу́шэцько́ф*. Плес. Прш; *Не знаю, испеку́, нет, да карто́фельных шанё́к*. Прим. Ннк; *Я оногда́ся госьти́нец посла́ла им, яйце́к повари́ла [сварила] им*. Уст. Снк; *Ма́мка попекла́ [испекла] йему шáнек, он пить захоте́л, напи́лся из дудёли внапа́тку и у́мер*. Кон. Клм, АОС, вып. 4, 134; *Ходи́ бы оди́нова колобо́ф состря́пать я́сных*. Вил. Пвл. Возможность генитивного управления объясняется тем, что эти глаголы обозначают действия, охватывающие одновременно некоторое количество объектов; при этом объект воздействия таков, что мыслится в массе, неопределенном количестве (ср.: невозможно *сшить платье́в, поскольку действие не распространяется одновременно на некоторое количество объектов, а, повторяясь несколько раз, охватывает каждый раз единичный объект).

Глаголы мыслительной деятельности, умственного восприятия

Генитив и аккумулятив употребляются при глаголах мыслительной деятельности во многих индоевропейских языках (подробнее: [Крысько 2006: 196–197]). Фр. Миклошич отмечает вариативность аккумулятива и генитива в памятниках письменности старославянского языка при глаголах **вѣдати, увѣдати, познати, помѣнѣти, въспомѣнѣти, испытати, съмыслити, пытати, разоумѣти** (см. также: [Ходова 1963: 62]); в сербских памятниках – при глаголах *poznati, okusiti (okusili dara nebeskoga)*; в украинских памятниках – при глаголах *забыти, позабыти, знати, запам'ятовати, пытати, розумити*; в русских – **завѣдати, пытати**; в чешских – *pomniti, zapomati, zapomenati*; в польских – *pomniti, zapomniti, zapomnati* [Miklosich 1926: 492–495].

Генитив объекта в русском языке XI–XVII вв. является редкой формой, однако фиксируется на протяжении всего этого периода: *положиша Иерусалима* (здесь, возможно, влияние категории одушевленности. – А. М.) *яко овощное хранилище; вестей разведывати; ума пытати* и др. [Историческая грамматика 1978: 349–350]. Вариативность генитива и аккумулятива при глаголах этой группы обусловлена сложностью их семантики: «Многозначность глаголов восприятия, мысли, позволявшая им входить в несколько семантических групп, была одним из факторов колебания сочетаемости с формами объекта» [Там же].

В древнерусском языке часто управляет генитивом глагол **забыти**. По мнению В. Б. Крысько, развитию генитивного управления при этом глаголе способствовала его негативная семантика (*забыть* – ‘не помнить, не знать’). При этом генитив часто фиксируется именно в памятниках, отражающих живую разговорную речь; реже – в текстах с чертами книжно-письменного стиля [Крысько 2006: 197–198].

В русских летописях отмечены примеры генитивного управления при глаголах мыслительной деятельности СВ **забыти, поманѣти, провѣдати**: но перестоупивша крѣтнее оутвержение. и забыша страха Бѣа 1146, ИЛ, 121 об.; а вы слова своего забывѣ, и не издержалѣ 1413, ИЛ КС, 245 об.; а забывѣ добра псковского и хрестьного цѣлования 1472, 3Псков, 150; да аще ныне поманеши всего того. иже створи хѣи своимъ безумиемъ 1159, ИЛ, 177 об.; яко не поманѣти ему всего того Там же; и царь ден того провѣдалъ, что царь и великий князь не идетъ на Крымъ сего году 1557, Ник.13, 277; и НСВ **забывати, пытати**: забывающе твоихъ великихъ дарований

и презираще твоихъ повелѣній 1453, Ник.12, 83; сице придоша Русь пытающе вѣры нашея 987, ЛЛ, 37; и тамо пребыхомъ, пытающе вѣстей о Амѣратѣ царѣ 1389, Ник.11, 97 и др.

Потенциал генитивного управления у глаголов данного семантического класса в СРЛЯ очень ограничен. Многие лексемы полностью утратили это управление, например *забыть*: *забыл песен, стихов. Приведем несколько примеров из НКРЯ с аккузативом: *Забыл я песни про Гагарина, это точно* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]; *Для того чтобы с нашими малолетками было все нормально, надо забыть некоторые русские народные сказки* [Александр Розенбаум. Бультерьер (1987–1998)] и др.

В архангельских говорах глагол *забыть* и его производные также имеют преимущественно аккузативное управление. В базе данных АОС только с аккузативом зафиксированы глаголы *перезабыть, подзабыть, позабывать, попризабыть, призабыть, забывать*.

Глагольные лексемы *забыть* и *позабыть* также управляют аккузативом, однако встречаются и единичные случаи управления генитивом: *Тут я забыла некоторых слоѡф*. Карг. Нкл; *Давно не видела никакого катера, боле фсех катероѡф-то забыто*. Мез. Аз; *Люба-то сухарькоѡф-то позабыла*. Холм. Сия.

Кроме того, генитивом управляет глагол *поназабыть* с двойной приставкой, имеющей количественное значение: *Хлѣба вон поназабыла, накрошѣла мимо, дурак она!* Уст. Брз.

Глаголы *вспомнить, запомнить* в литературном языке также управляют количественным генитивом в ограниченном объеме. Текстовый ресурс НКРЯ дает многочисленные примеры аккузативного управления и ни одного генитивного: *Я вспомнил песни наших горничных девушек и решил, что Матреша поет гораздо лучше* [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)]; *А теперь вспомните древние мифы легенды, сказки* [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999–2003)]; *Вспомните народные сказки, где всегда три дороги, три брата и многое другое* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989)] и др.

В приведенных контекстах количественный генитив выглядел бы неуместно, поскольку речь идет не о количестве объектов, а об их содержании. В разговорной речи возможны контексты, в которых глагольное действие распространяется именно на некоторое количество объектов: *придумывали детский праздник – вспомнили песен, частушек, стихов*; *вспомнила для нас старинных песен*. При этом подобная фраза

звучит лучше при наличии перечисления и перечислительной интонации. Для глагола *запомнить* управление генитивом еще более сомнительно: **запомнила частушек* (ср. с аккузативом: *Он запомнил песни, вслушиваясь в их чарующие мотивы* [В. Г. Короленко. Слепой музыкант (1886–1898)] и др.).

В говорах глаголы *вспомнить*, *запомнить* имеют альтернативное генитивное управление: *Я тут опять загадок койе-каких фспомнила. Мой-то вóзрас ыишó не старóй и не молодóй, но я иишó старíнных ы запомнила, поюд дак.* Холм. Сия. Альтернативное генитивное управление имеют в говорах также глаголы НСВ *ведать*, *знать*, *пóмнить*, *понимать*, например: *А нёт уш, вот как нýнешна порá дак, знáла бы я, вéдала йéково, дак я бы уш сýнулась, не oddalá бы [дочь замуж], она́ фсю жýсь вот тák прожýлá, тóжко пýюишой был. Они знáют морóзу – не глэнеца-от. Этъ нýнъце-то вот ыш вездé по телефóну фсё гóворят, я фсё гóворю: знáдь бы этóва, дак малéнько цевó и спроси́у.* Вил. Пвл; *Лóвит зверья, фсякого зверья знáет.* Леш. Лбс; *Знáют пёсён, как одíнова удáрило.* Леш. Плщ; *За рекóй там йёсь сестрá моя жывёт, она́-то, пожáлуй, старýх-то слóф каких-то знáит. Вóт Параскёва-то Дмíтревна знáет-то пёсен, ой-ой-ой.* Пин. Яв; *Тóт фсякого мёста знат на свéти, умет с людéми розговáривать. Знад жэ пёсен.* Прим. 33; *Та тóжэ знат, фсяких прúскасок.* Прим. Пил; *И фсяких бáйок, посказёнок знáет.* Уст. Стр; *Она́ и приба́уток рáзных знáла, а мы́ што. Вот тá пёсен знáет и честýшэк.* Холм. Сия; *Он каких-то давнóшних [песен] знáет.* Шенк. ВП; *Понимáш лёсу-то выйти.* Прим. 33.

В некоторых контекстах форма генитива указывает на степень интенсивности глагольного воздействия на объект (подробнее об этом см.: [Малышева 2008]): *Стáрого-то я плóхо пóмню.* Мез. Аз; *Зверья́-то он бóльшэ знáйе.* В-Т. Пчг.

Генитив зафиксирован также в семантически отрицательном контексте: *Неохóта и фспоминáть тákóй жýзыни.* Прим. Ннк (о возможности употребления в говорах формы генитива в семантически отрицательном контексте при отсутствии отрицательной частицы *не* см. также: [Малышева 2008]).

Генитивная форма употребляется в сочетаниях *пытать* (*выпытать*) *умá*: *Умá-то пытáет.* Мез. Мд; *Я умá у ней пытáл.* Мез. Сн; *Пытáл умá у меня́.* Пин. Ср; *Гóворят, што я пýнá – не вóпила ни звáнийица, хотéл он вы́пытать умá у пёрвого свидáния.* В-Т. Сфт, АОС, вып. 8, 129.

В форме объектного генитива могут выступать также исчисляемые существительные: *Вот у меня́ снохá былá, старúшой-од брáт, дак она́ знáла этóй цёркви-то.* Вил. Пвл.

Глаголы, обозначающие речевые действия и процессы письма

Генитив при глаголах **решти** и **глаголати** встречается в старославянском языке [Ходова 1963: 62–63]. Фр. Миклошич, ссылаясь на Ф. И. Буслаева, приводит пример из русских памятников: *skahite mne prjatomo puti ko svjatomu gradu* [Miklosich 1926: 498]. В летописях случаи употребления генитива (при безусловном преобладании аккумулятива) обнаружены при глаголах СВ **възглаголати**, **изреци**, **исповѣдати**, **молвити**, **похвалити**, **почисти**, НСВ – **глаголати**, **исповѣдовати**, **призывати**. Например: **іако възсхвалѣтъ Бѣ вси іазъци. другоє же вси възъглаголютъ іазыки величѣя Бжѣя. іакоже дасть имъ Сѣын Дхъ Ѡвѣщевати** 898, ЛЛ, 9 об.; **азъ же грѣшнын твои рабъ и оучникъ. недоумѣю чимъ похвалити добраго твоего житѣя и въздержанѣя** 1091, ЛЛ, 71 (то же: ИЛ, 78 об.); **И іакоже предписахомъ: кій языкъ можетъ исповѣдати или изреци тоя бѣды и страсти?** 1453, Ник. 12, 86; и **рече** Володимир. **вы того до сѣи есте молвили, а нынѣ полъзи вонъ** 1152, ИЛ, 166 об.; **Тронцы во единницы и единницы во Тронцы сердцемъ и ѱсты исповѣдающе во вѣки, аминь** 1491, Ник. 12, 227; **призываютъ твоеа святыни на епискоупство и богоспасенаго града** 887, 4НЛ, 15 и др.

В современном литературном языке имеются примеры генитивного управления глаголов, обозначающих речевые действия и процессы письма, например: *Ему ты песен наших спой, – / Когда ж на песнь не отзовѣтся, / Свяжи в пучок емиан степной / И дай ему – и он вернѣтся* (А. Н. Майков «Емшан», 1874). Однако в целом генитив при глаголах этой группы является редкой формой. Глаголы *спеть* и *рассказать*, по материалам НКРЯ, демонстрирует преимущественно аккумулятивное управление: *Мы, выпускники 1941 года, собирались в нашей школе, чтобы чайку попить, бывое вспомнить да наши песни спеть, песни юности* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 1 (2001)]; *Когда Ян идет по селу, ребята толпой кидаются к нему и просят рассказать сказки* [А. Н. Вербицкая. Ключи счастья (1909)]; *Потом мама коротко рассказала городские новости: те умерли, эти уехали, те развелись* [Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // «Зарубежные записки», 2009] и др.

В архангельских говорах более широко, чем в литературном языке, управляют родительным количественным глаголы СВ, обозначающие речевые действия, такие как *сказать*, *рассказать*: *Надо правды сказать; Она фсе новости зна, она фсего тут розйесѣцит, роскажѣт.*

Пин. Яв; процессы письма: *Тово́ дѣла записáла*. Карг. Нкл, АОС, вып. 10; *У нас кни́шка была́ ора́кул, фся́ково мѣста в́ этой кни́шке бы́ло напíса-но*. Пин. Влт.

Количественным генитивом управляют также глаголы НСВ: *петь*, *расска́зывать*, *ска́зывать*, *спра́шивать* ('просить'), например: *Пѣли, пѣли пѣсен-то, так до того́ допѣли, што́ о́хти мне*. Нянд. Врл. АОС, вып. 1, 76; *Вот пѣсен-то досу́жа пѣдѣ́ была́*. Карг. Оз; *На робо́ты пѣсен пѣла*. Бúдете́ э́тих пѣсѣн петь. Плес. Црк; *Ча́стушо́к пѣли, их-то я мно́го зна́ю*. Карг. Ар; *Приду́т, мне новостѣй роска́зывают: тебе́ та-ка́я-то ба́ба зака́зывала поклóн*. Вил. Пвл; *Ска́зывай ка́ких ле вестѣй*. Леш. Вжг; *Она́ говорíт, приходи́ли, спра́шивали досѣльнего* [просили рассказать о прошлом]. Онеж. Врз.

Глаголы, обозначающие чувства и эмоции

В языке XI–XVII вв. приставка *не-* обуславливает генитивное управление в силу своего общего отрицательного значения. В частности, глагол **ненави́дѣти** в летописях наряду с аккузативом регулярно управляет генитивом: **бѣ́ же Изаславъ. мѹ́жь взоромъ красенъ. тѣ́ломъ великомъ. незлобивъ́ нравомъ. кривды ненави́да. люба́ правду. клюкъ же в немъ не бѣ́. ни льсти. но простъ оумомъ** ИЛ, 1078, 75 (не исключено, однако, что это форма аккузатива во мн. ч.); **Но ненави́дѣй добра́ врагъ дiаволъ <...> вложи бояромъ великого князя мысль не-благу́** 1534, Ник. 13, 77 и др. При этом глагол с «результативной» приставкой **възненави́дѣти** имеет преимущественно аккузативное управление, например: **възлюбѣ́ль кси́ правду и възненави́дѣ безаконье** 1206, ЛЛ, 143; **и женитву́ и всякое́ мiрское́ пристрастiе́ возненави́дѣ** 1378, Ник. 11, 30 и др. Один пример генитивного управления отмечен в Ипатьевской летописи при глаголе **възлюбити**: **но возлюби́ мiра паче рати** 1181, ИЛ, 219.

В современных архангельских говорах глагол *ненави́деть* также демонстрирует вариативное управление аккузативом и генитивом объекта. В базе данных АОС зафиксировано 12 контекстов с аккузативным управлением и 6 – с генитивным, причем в форме генитива выступают как неисчисляемые, так и исчисляемые существительные: *А потом он стал красных мотоци́клоф ненави́деть*. Шенк. Шгв; *Седла́ веть не хотят – ненави́дят седла́ они, но ста́ли приучивать – по мѣлкому сы́негу запреглі́ ф сани*. В-Т. Сгр; *А́ллы ненави́жу. Она́ тряхну́ла э́той воло́сь-йей – как помеломъ*. Онеж. Лмц; *Я ненави́жу э́того́ пра́зньника, у меня́*

*фсе нецясьтъя в Благовѣшченьйо. Карг. Крч; Ой, ненавижу я ётой ско-
тины* [коз]. Вин. Брк; *Друг друику ненавида* дак. Плес. Фдв.

Альтернативное генитивное управление отмечено в архангельских говорах у глагола *любить*. Чаще всего оно фиксируется в Приморском районе Архангельской области: *Колбасу они любят, коты. Валерко любит этого тѣста. Она ухи насмерть любит: йесли у наз в доме вари нет, она ходит ревит – пошто не сварили. Она [рыба] любит каменистого дна. Они любя жары-то.* Прим. 33; *Ты любиж булки, йеи.* Прим. Лпш, АОС, вып. 1, 103; *Я любила кислой опары, неслаткой. Я солонowo люблю. Раньше грибоф он любил, пойдѣт, грибоф наносит. У наз бабушка покойенка так любила этих цветов, дак мы цветы-то фсе держым, не выкидываем. А каш любил, коды сюда-то приѣхал. Я люблю сухарей, фсѣ ф карманы и ношу. Я фсѣ ношу, ф шерстеньх, она тепла любит.* Прим. Ннк. Генитивное управление встречается также на северо-востоке Архангельской территории – в Лешуконском и Пинежском районах: *Он винца-то любит, а не бузит.* Леш. Юр, АОС, вып. 2, 167; *Куры любят дресвицьки, они клюют.* Пин. Врк; *Меня фсѣ Андрюшка ругает: мама, не йеи солоие, а я солowo люблю.* Пин. Яв; реже в других районах: *Самá люблю таких каких-нибудь смешных перегудок.* Холм. Сия.

Генитив употребляется в сочетании *посуда любит чистоты*: *Это дойѣи, кушай, зацшишай, посуда любит цистоты.* Пин. Яв. (так же: Прим. КГ; Прим. Ннк).

Глаголы обладания

Вариативное управление аккузативом и генитивом иногда демонстрирует в летописях глагол *держати*: *уже ти братѣ не досыти всю землю Русскую (А русскон земли) держаще (РА держачи)* 1139, ЛЛ, 102; *и паки поиде. ко Гдрославу. и за собою встави гра^ѣ Перемышль. мыслащоу емоу. аще сего не приимоу да сего держоу* 1249, ИЛ, 269; в сочетаниях с отвлеченными существительными: *а на владыкоу и на всь Новгород нелюбѣа держа* 1395, 3Псков, 41 (ср.: *нача нелюбѣе дрѣжати* 1428, 3Псков).

В архангельских говорах количественным генитивом управляют глаголы со значением обладания, например *держать* ('иметь'), *имѣть*: *Тогда-то держали, тогда-то держали фсего, везала, пряла.* Пин. Яв; *Ой, он писанины держал, штобы институт закончить.* Уст. Брз. Морских *карбасоф имѣли, к морю ходили, камбал промышляли.* Мез. Кмж.

Глаголы со значением ‘обещать’

В обследованных летописях примеров генитивного управления у глаголов этого семантического класса не обнаружено. В архангельских говорах глаголы со значением ‘обещать’ управляют количественным генитивом, например *ворожѣть, обещаѣть, суліѣть*: *Воро́на реви́т на кусту́, дожжѣ́ ворожѣт*. В-Т. Сфт; *Я дожжѣ́ ворожѣ́ – фсе́ ѡего́ нет: голо́ва боли́т пе́ред дожжѣ́м*. Карг. Ус; *Похолода́ныѣ, ѡе́щѣ́ за́мороско́ф ворожа́т*, дак уш ве́тер чи́стой се́вер те́нет. О́пять *ворожа́т по-го́ды*. Онеж. Пзн. *Моро́зу ворожа́т* [по радио]. Онеж. Тмц. *Он сме́рти ворожѣ́л, а я фсе́ живу́*. Прим. КГ; *Я ворожѣ́ дожжѣ́ – шы́пко го́лову мрачи́т*. Красн. ВУ; *Моя́ спи́на дожжѣ́ ворожѣ́т фсе́*. Уст. Снк, АОС, вып. 5, 94; *Каки́ми стада́ми лета́ют га́лки – дождя́ ворожа́т али по-ко́йника?* Шенк. ЯГ; *В Му́рманске дак дожжѣ́ обеши́аю́т*. Онеж. ББ; *Обеши́аю́т дожжѣ́-то, нет?* Холм. Сия; *А де́не́к се́годня су́ля́т ужэ́, да?* Пин. Яв; *На́о грабе́л не забы́ть, грабе́л Фо́тий су́лил*. Прим. 33.

Многие диалектные глаголы, управляющие количественным генитивом, в рамках имеющегося материала невозможно объединить в семантические классы, например *встрѣѣть, показѣть, дота́ивать*: *Трина́цяѣ лет одзы́кала, намота́лись то́жэ́ фся́ко, фсе́го́ фстрѣ́тили*. Леш. ШГм; *Я ужо́ опра́влюсь, покажу́ свину́ро́ф* [о грибах]. Вин. Зст; *Каг ди́кийѣ лю́ди фсе, фсе горо́цки́, на́до фсево́ показѣ́ть*. Прим. КГ; *А ты́ вот, виш, э́того дота́иваиш, што тебѣ́ има́ли да це́лова́ли*. Мез. Рч и др.

Таким образом, при описании вариативности аккумулятива и генитива на диалектном материале вполне допустим принцип, принятый в исторической русистике: распределение глаголов, которые обнаруживают подобную вариативность управления, по семантическим классам. Проведенное исследование показало, что практически все семантические классы глаголов с вариативным управлением, выявленные для русского языка XI–XVII вв., обнаруживаются и в архангельских говорах. Материал русских летописных сводов и современных говоров частично совпадает также на уровне отдельных лексем, например в обеих языковых системах имеют альтернативное управление объектным генитивом глаголы *смотре́ть, виде́ть, слыша́ть, послуша́ть, посмотре́ть, забы́ть, пы́тать, ненави́деть* и др.

С другой стороны, этот принцип описания позволяет представить лишь самую общую картину. О необходимости более тонкого семантического анализа при установлении особенностей глагольного управления говорил В. М. Живов применительно к историческому синтакси-

су [Живов 2006: 142], но это утверждение так же актуально и для диалектного материала. Следующим шагом на пути исследования объектного генитива в русских говорах должно стать подробное изучение структуры значений и сочетаемости глаголов, имеющих альтернативное генитивное управление. Тщательный семантический анализ, возможно, помог бы понять причину столь длительного сохранения в говорах архаической вариативности аккумулятива и генитива.

Список сокращений районов и населенных пунктов Архангельской области

В-Т – ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ РАЙОН: Врш – Вершина, Грк – Горка, Пчг – Пучуга, Сгр – Согра, Сфт – Сефтра; Вель – ВЕЛЬСКИЙ РАЙОН: Лхд – Лиходеево, Пкш – Пакшеньга, Сдр – Судрома; Вил – ВИЛЕГОДСКИЙ РАЙОН: Пвл – Павловск, Трп – Тырпасовская; Вин – ВИНОГРАДОВСКИЙ РАЙОН: Брк – Борок, Зст – Заостровье; Карг – КАРГОПОЛЬСКИЙ РАЙОН: Ар – Архангело, Крч – Кречетово, Лдн – Лядины, Лкш – Лёкшмозеро, Нкл – Нокола, Оз – Озёрко, Ош – Ошевенск, Ус – Усачёво; Кон – КОНОШСКИЙ РАЙОН: Влц – Вельци, Клм – Климовская; Котл – КОТЛАССКИЙ РАЙОН: Збл – Заболотье, Фдт – Федотовская; Красн – КРАСНОБОРСКИЙ РАЙОН: ВУ – Верхняя Уфтюга; Леш – ЛЕШУКОНСКИЙ РАЙОН: Вжг – Вожгора, Лбс – Лебское, Плщ – Палашелья, Рдм – Родома, Тгл – Тиглява, Шгм – Шегмас, Юрм – Юрома; Мез – МЕЗЕНСКИЙ РАЙОН: Аз – Азаполье, Длг – Долгощелье, Дрг – Дорогорское, Мд – Майда, Рч – Ручьи, Сн – Сояна; Нянд – НЯНДОМСКИЙ РАЙОН: Врл – Верола, Стп – Ступино; Онеж – ОНЕЖСКИЙ РАЙОН: АБ – Анциферовский Бор, ББ – Большой Бор, Врз – Ворзогоры, Лмц – Лямца, Прн – Пурнема, Тмц – Тамица, УК – Усть-Кожа, Хчл – Хачела; Пин – ПИНЕЖСКИЙ РАЙОН: Влт – Вальтево, Врк – Веркола, Ёр – Ёркино, Квр – Кеврола, Ср – Сура, Шрд – Шардонемь, Яв – Явзора; Плес – ПЛЕСЕЦКИЙ РАЙОН: Прш – Першлахта, Фдв – Федово, Црк – Церковное; Прим – ПРИМОРСКИЙ РАЙОН: ЗЗ – Зимняя Золотица, КГ – Красная Гора, Лпш – Лопшеньга, Ннк – Нёнокса, Пшл – Пушлахта; Усть – УСТЬЯНСКИЙ РАЙОН: Брз – Березник, Сбр – Сабурово, Снк – Синики, Стр – Строевская; Холм – ХОЛМОГОРСКИЙ РАЙОН: Звз – Звоз, Кпч – Копачёво, Сия – Сия; Шенк – ШЕНКУРСКИЙ РАЙОН: ВП – Верхопаденьга, Шгв – Шеговары, ЯГ – Ямская Гора

Л и т е р а т у р а

- Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. М.: Учпедгиз, 1939. 221 с.
- Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1950. 411 с.
- Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев: Радянська школа, 1952. 446 с.
- Буслав Ф.И.* Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М.: Изд. 4-е, бр. Салаевы, 1875. 264 с.
- Гецова О.Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 7: Русские диалекты: история и современность. С. 138–197.

- Живов В.М.* Рецензия на книгу Л. Ферм. Вариативное беспредложное управление в русском языке XVIII века. Stockholm: Södertörns högskola, 2005, 371 с. // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 139–146.
- Историческая грамматика русского языка: синтаксис, простое предложение / Под редакцией В. И. Боровского. М.: Наука, 1978. 447 с.
- Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2006. 486 с.
- Кузнецова А.М.* К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Статьи и исследования по русскому языку. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1960. Т. 158. С. 175–192.
- Кузьмина И.Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.
- Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. 595 с.
- Майер И.* Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (на материале «Вестей-курантов») // Вопросы языкознания. 1997. №5. С. 87–101.
- Малышева А.В.* Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2008. С. 232–247.
- Малышева А.В.* Вариативность генитива и аккузатива при глаголах с общим значением 'беречь, защищать' в русских летописях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 57–78 (а).
- Малышева А.В.* Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 28 с.
- Малышева А.В.* Диалектные особенности беспредложного объектного управления глаголов восприятия (на материале архангельских говоров) // Тезисы докладов Международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» 27–28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 106–108.
- Маркова Н.В.* Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 24 с.
- Маркова Н.В.* Глагольные конструкции с родительным падежом полного объективирования в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 102–109.
- Маркова Н.В.* Глагольные конструкции с родительным падежом объекта и субъекта в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 146–155.
- Мейе А.* Ведение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Гос. социально-экономическое издательство, 1938. 510 с.
- Падучева Е.В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.
- Попов С.Л.* Проблема партитивности в современном русском языке: семантико-морфологический аспект // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. № 2 (36). Харьков, 2008. С. 23–27.

- Попова З.Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. 183 с.
- Потапова Н.П., Русинова И.И. Винительный и родительный падежи в функции прямого объекта (на материале говоров северной части Пермской области) // Литературный язык и народная речь. Пермь: ПГПИ, 1991. С. 54–69.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
- Собинникова В.И. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1961. 297 с.
- Собинникова В.И. Псковская судная грамота – памятник русского литературного языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 190 с.
- Ходова К.И. Система падежей старославянского языка. М.: АН СССР, 1963. 159 с.
- Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. The Hague, 1963.
- Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 456 с.
- Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen // K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. V. 3. Strassburg, 1893. 606 с.
- Klenin E. Animacy in Russian: A new interpretation. Columbus, Ohio, 1983.
- Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Heidelberg, 1926.
- Seržant Ilja A. Independent partitive genitive in North Russian // Ilja A. Seržant, and B. Wiemer (eds.), Contemporary Approaches to Dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects, Slavica Bergensia 13. Bergen: John Grieg AS, 2014, pp. 270–329.
- Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. Cambridge, U.K.; New York: University Press, 2004. 511 p.

Источники

- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й. Вып.1–15–. М., 1980–2013–.
- ИЛ – Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том II. М.: Языки русской культуры, 1998 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1908). 648 с.
- ЛЛ – Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том I. М.: Языки русской культуры, 1997 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. Л., 1927). 496 с.
- Ник.11 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Том XI. М.: Языки русской культуры, 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1897). 264 с.
- Ник.12 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Том XII. М.: Языки русской культуры, 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1901). 266 с.
- Ник.13 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Том XIII. М.: Языки русской культуры, 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1904). 544 с.
- ИНЛ СС, ИНЛ КС – I Новгородская летопись по Синодальному и Комиссионному спискам // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 640 с.

2Псков, 3Псков – Псковские 2-я и 3-я летописи // Псковские летописи. Выпуск 2. Под ред. А. Н. Насонова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 363 с.

Anna V. Malysheva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
annamalys@mail.ru*

PARTITIVE GENITIVE IN RUSSIAN CHRONICLES AND CONTEMPORARY DIALECTS

The alternative binding of the two objective cases, the accusative and the genitive one, pertained to many Russian verbs in the period of the 11th through 17th century. Drawing on the recording archives of the modern dialects of Archangelsk, the article examines the examples of the genitive case in the verbs belonging to the semantic classes that have nearly or totally lost this kind of binding in the modern Russian literary language. Among them are predicates with a limited genitive binding potential: verbs of perception, verbs of defense, speech, writing, and possession as well as verbs of emotions, mental states and concrete physical actions. The relatively more broad usage of the objective genitive case in the modern dialects can in many cases be explained historically, i.e. this phenomenon reflects a more archaic state of the dialectal syntax. The modern dialectal data is compared with the texts of the Russian chronicles. On the whole, in both cases the patterns of verb semantic classes that have alternative accusative or genitive binding coincide. Some overlaps at the level of lexical units are also observed.

Key words: dialectal and historical syntax, Russian dialects, Russian chronicles, verbal government, variability, object genitive

References

- Gecova O.G. (Ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 1–15–, Moscow, 1980–2013–.
- Bogorodickiy V.A. *Ocherki po yazykovedeniyu i russkomu yazyku* [Essays on Linguistics and the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1939. 221 p.
- Bulakhovskiy L.A. *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. Kiyev: Radyanska shkola Publ., 1950. 411 p.
- Bulakhovskiy L.A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka* [Course of Russian Literary Language]. V. 1, Kiyev: Radyanska shkola Publ., 1952, 446 p.
- Buslayev F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis* [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax]. Moscow: Br. Salayev's Publ., 1875. 264 p.
- Gecova O.G. [Dialect Differences of Russian Arkhangelsk Dialects and their Linguistic Geography Characteristic]. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vyp. 7: Russkiye dialekty: istoriya i sovremennost* [Russian Linguistics Studies. Iss. 7: Russian Dialects: History and Modernity]. Moscow: Dialog-MGU Publ., 1997, pp. 138–197. (In Russ.)
- Delbrück B. [Comparative Syntax of the Indo-European Languages]. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* [The Floor Plan of the

- Comparative Grammar of Indo-European Languages]. K. Brugmann, B. Delbrück (Eds.), V. 3, Strassburg, 1893, 606 p. (In German)
- Zhivov V.M. [Book Review for: Ferm, L.: Variation in Preposition-less Verbal Government in the Russian Language of the Eighteenth Century, Stockholm: Södertörns högskola, 2005, 371 p.]. *Voprosy jazykoznanija*, 2006, No. 5, pp. 139–146. (In Russ.)
- Ipatyevskaya letopis [A Ipatiev Chronicle]. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles], Vol. II, Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 1998. 648 p.
- Borkovskiy V.I. (Ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Sintaksis, prostoye predlozheniye* [Historical Grammar of the Russian Language: Syntax, Simple Sentence]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 447 p.
- Klenin E. *Animacy in Russian: A new interpretation*. Columbus, Ohio, 1983.
- Krysko V.B. *Istoricheskij sintaksis russkogo yazyka. Obyekt i perekhodnost* [Historical Syntax of the Russian Language. Object and Transitivity]. Moscow: Izdatelskiy centr “Azbukovnik” Publ., 2006. 486 p.
- Kuznecova A.M. [On of the Verb Transitivity and Meaning of the so-called “Genitivus Partitivus”]. *Uchenyye zapiski MGPI im. V. I. Lenina. Stati i issledovaniya po russkomu yazyku* [MSPI. Papers on the Russian language]. Moscow: MGPI im. V.I.Lenina Publ., 1960, No. 158, pp. 175–192. (In Russ.)
- Kuzmina I.B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [The Syntax of Russian Dialects in Linguistic Geography Aspect]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 224 p.
- Laurentyevskaya letopis [A Laurentian Chronicle], *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles], Vol. I, Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 1997. 496 p.
- Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey, ili Nikonovskoy letopisyu [A Patriarch, or the Nikon chronicle], *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles], Vols. XI, XII, XIII, Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 2000.
- Lomtev T.P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the Historical Syntax of the Russian Language]. Moscow: Izdatelstvo MGU Publ., 1956. 595 p.
- Maier I. [Russian Verbal Government of the XVII Century: a Problem of “Own” and “Other’s” (on the Material of “Vesti-Kuranty”)]. *Voprosy jazykoznanija*, 1997, No. 5, pp. 87–101. (In Russ.)
- Malysheva A.V. [Quantitative Genitive of Countable Nouns: Types of Usage (based on Contemporary Arkhangelsk Dialects and Russian Chronicles)]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii III (IX)* [Material and Studies on Russian Dialectology III (IX)]. L.L. Kasatkin (Ed.), Moscow: Nauka Publ., 2008, pp. 232–247. (In Russ.)
- Malysheva A.V. [Variability of the Genitive/Accusative Government in Russian Chronicles: Verbs *berech* (to protect), *zashishat* (to defend) and their Semantic Analogues]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, No. 1 (15), pp. 57–78. (In Russ.)
- Malysheva A.V. *Iz istorii russkogo glagolnogo upravleniya: obyektmyy genitiv (na materiale russkikh letopisey i sovremennykh arkhangelskikh govorov)*. [On the History of Russian Verb Government: Partitiv in Russian Chronicles and Contemporary Arkhangelsk Dialects. Ph. D. theses]. Moscow, 2010. 28 p.
- Malysheva A.V. [Preposition-less Government of the Perception Verbs: Dialectal Peculiarities (based on the Date of the Arkhangelsk Dialects)]. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii «Aktualnyye problemy russkoy dialektologii» 27–28 oktyabrya 2012* [Proceedings of International Conference «Actual problems of dialectology» 27–28 October 2012]. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN Publ., 2012, pp. 106–108. (In Russ.)

- Markova N.V. *Dialektnyye sposoby vyrazheniya semanticheskogo subyekta i obyekta v onezhskikh govorakh i ikh istoriya* [Dialectal Expressions of Semantic Subject and Object in the Dialects of Onega Region and their History. Ph. D. thes.]. Moscow, 1989. 24 p.
- Markova N.V. [Verb Constructions with the Genitive Full Objecting in the Dialects of Onega Region]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian Dialects], Vol. 7, St.Petersburg: Izd-vo SpbGU Publ., 1999, pp. 102–109. (In Russ.)
- Markova N.V. [Verb Constructions with the Genitive of Subject and Object in the Onega Dialects]. *Severnorrusskiye govory* [North Russian Dialects], Vol. 9, St.Petersburg: Izd-vo SpbGU Publ., 2008, pp. 146–155. (In Russ.)
- Meillet A. *Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoevropeyskikh yazykov* [Introduction to Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow; Leningrad, 1938. 510 p.
- Miklosich F. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* [Comparative Grammar of Slavonic Languages], Heidelberg, 1926.
- I Novgorodskaya letopis po Sinodalnomu i Komissionnomu spiskam [A First Novgorod Chronicle by Synodal and Commission Lists]. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshhego izvodov* [A First Novgorod Chronicle]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1950.
- Paducheva Ye.V. *Semanticheskiye issledovaniya* [Semantic Studies]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 1996, 464 p.
- Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the Scientific Light]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1935, 452 p.
- Popov S.L. [Partitivity in Modern Russian: Semantic-Morphological Aspect]. *Russkaya filologiya. Ukrainskiy vestnik: Respublikanskiy nauchno-metodicheskiy zhurnal*, No. 2 (36), Kharkov, 2008, pp. 23–27.
- Popova Z.D. *Sistema padezhnykh i predlozhno-padezhnykh form v russkom literaturnom yazyke XVII v.* [System of Case and Prepositional-case Forms in the Russian Literary Language of the XVIIth], Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1969. 183 p.
- Potapova N.P., Rusinova I.I. [Accusative and Genitive Cases as the Direct Object (based on the Dialects of the Northern Part of the Perm Region)]. *Literaturnyy yazyk i narodnaya rech* [The Literary Language and the Folk Language], Perm: PGPI Publ., 1991, pp. 54–69. (In Russ.)
- Pskovskiy II and III letopisi [2nd and 3rd Pskov Chronicles]. *Pskovskiy letopisi* [Pskov Chronicles]. Vol. 2, A. N. Nasonov (Ed.), Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1955.
- Seržant Ilja A. Independent partitive genitive in North Russian // Ilja A. Seržant, and B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Dialectology: The area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects*, Slavica Bergensia 13. Bergen: John Grieg AS, 2014, pp. 270–329.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vol. 10, Moscow-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960.
- Sobinnikova V.I. *Prostoye predlozheniye v russkikh narodnykh govorakh* [Simple Sentence in Russian Dialects]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1961, 297 p.
- Sobinnikova V.I. *Pskovskaya sudnaya gramota – pamyatnik russkogo literaturnogo yazyka* [“Sudnaya Gramota” from Pskov – Document of the Russian Literary Language]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1990. 190 p.

- Timberlake A. *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge, U.K.–New York: University Press, 2004. 511 p.
- Khodova K.I. *Sistema padezhey staroslavyyanskogo yazyka* [A Case System in Old Church Slavonic]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963. 159 p.
- Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. The Hague. 1963.
- Yakobson R.O. *Izbrannyye raboty* [Selected Writings]. Moscow, 1985. 456 p.

Л.Н. Новикова

Тверской государственный университет

Россия, Тверь

novikova_54@mail.ru

Модификационное словообразование в тверских говорах

Статья, основанная на материале тверских говоров, посвящена современным тенденциям в развитии диалектного словообразования. Основное внимание уделяется модификационному типу словообразовательного значения. Анализируются две группы диалектных слов: существительные с суффиксами субъективной оценки и существительные – наименования лиц женского пола.

Ключевые слова: типы словообразовательного значения, мутационный, модификационный, транспозиционный типы, привативные и эквиполентные оппозиции.

При модификационном словообразовании основу лексического значения производного слова составляет входящее в него полностью лексическое значение производящего слова, осложненное некоторым семантическим «довеском», который чаще всего можно выразить одним словом, например, *дэвница* – ‘увеличительное от девы’, т. е. «большая дева». «Така девница». «Настоящая девница» (Осташковский р-н, ОСГКО¹, 54); *девьё* – ‘собирательное от «девушки»’. «А раньше-то народу со всех сторон, девья с разных деревень найдут» (Максатихинский район). «Девья собралось» (Калининский, ОСГКО, 55); *отбу́здать* – ‘отколотить кого-нибудь’. «Здорово ёво одбуздал, долго будет помнить» (Калининский, ОСГКО, 166); *улить* – ‘много налить, залить’. «Взяла краватёнку бензином фсю улила». «Школьники все грядки улили» (Калязинский, Сонковский, ОСГКО, 268).

Два морфологических способа словообразования – префиксация и постфиксация – относятся полностью к сфере модификационного словообразования. Отличие этих двух способов словообразования от суффиксации заключается в том, что любой вид префиксации и постфиксации представляет собой присоединение префикса и постфикса к целому слову (лексеме), выступающему в качестве базовой части производного слова. При суффиксации формант, состоящий из суффикса и окончания, присоединяется к основе (полной или усеченной) слова.

¹ Опыт словаря говоров Калининской области.

Это различие между префиксацией, постфиксацией, с одной стороны, и суффиксацией – с другой, находит выражение в характере словообразовательного значения: при суффиксальном способе словообразования, которое обычно сопровождается переоформлением слова, могут быть представлены все типы словообразовательного значения (мутационный, транспозиционный, модификационный), при префиксации и постфиксации – только один тип (модификационный).

Суффиксация модификационного типа, в свою очередь, отличается от суффиксации мутационного и транспозиционного типов, так как словообразовательное значение двух последних предопределяется либо системой валентностей производящего глагола (реального или гипотетического), либо условиями транспозиции. Примером реализации семантико-синтаксической валентности глагола является производное *ворошáлка* – ‘деревянные двухрожковые вилы’. «Ворошáлкуй уддают снопы при молотье» (Кимрский). «Ворошалкуй – ощо ворошут сено» (Калининский, ОСГКО, 40). Словообразовательное значение ‘орудие, средство действия’ реализует «орудийную» валентность реального производящего глагола *ворошить* ‘то, чем ворошат’; *ка́шник* – ‘горшок, в котором варят кашу’. «Кашник – маленький горшочек с *ручкуй*, ребенку кашу варить» (Весьегонский, ОСГКО, 87). Словообразовательное значение ‘места действия’ реализует пространственную валентность гипотетического глагола *варят*. Транспозиционный тип подразделяется на транспозицию действия: *осмóтрины* – ‘осмотр чего-либо перед приобретением’. «Долго-то осмотрины делают, потом покупают» (Кашинский, ОСГКО, 164) – со словообразовательным значением ‘отвлеченное действие по глаголу *осмотреть*’. Второй вид – это транспозиция признака: *тали́на* – ‘оттепель’. «Эн кака талина сёвонни, нады калошы надёвать а то промочишь сыпоги» (Калининский, ОСГКО, 260) – со словообразовательным значением ‘отвлеченный признак по прилагательному *талый*’.

При мутационном и транспозиционном типах словообразовательных значений возможно использование нулевых и уникальных суффиксов: *пáчесы* – ‘отрепанный лен, который чешут щеткой’. «Я пряла пáчесы» (Бежецкий, ОСГКО, 174); *óморозь* – ‘заморозки’. «Оморози-то утром хорошо, воду подождет» (Кимрский, Ржевский, ОСГКО, 159); *синюга* – 1. ‘василек’ (Кимрский), 2. ‘синий картофель’ (Торопецкий), 3. ‘человек со слабым здоровьем’ (Торопецкий, ОСГКО, 236).

По степени обобщения словообразовательная семантика соотносится с тремя типами языкового значения – с частеречным, лексико-грамматическим и лексико-тематическим [Янценецкая 1983: 36]. Предельным

является обобщение на уровне частеречных значений, когда происходит определение предмета по действию, признаку или другому предмету, действия – по признаку, предмету или другому действию. В значениях данного вида находят проявление лишь самые общие основы номинации, показывающие возможные направления связей между явлениями действительности. Частеречный уровень абстракции характерен для синтаксической деривации, которая связана с преобразованием сигнификативных компонентов мотивирующей семантики, позволяющим представить одну и ту же денотативную основу в разных частеречных рамках. Значение опредмеченного процесса, опредмеченного признака и т. п., по существу, являются более грамматическими, чем словообразовательными, и потому могут быть названы грамматико-словообразовательными [Янценецкая 1983: 37].

Словообразовательное значение модификационного типа представляет собой сумму лексического значения производящего слова и значения форманта-модификанта (суффикса, префикса, постфикса). Значение форманта модификанта не может быть предопределено семантическими особенностями производящего слова. Оно должно быть обязательно материально выражено. Суффиксы-модификанты обладают не только общекатегориальным значением, но и конкретным словообразовательным значением, обязательно повторяющимся в ряде слов с этим суффиксом [Пастушенков 1995: 127]. Поэтому при суффиксации модификационного типа не могут быть использованы ни нулевые, ни уникальные суффиксы.

Словообразовательные значения модификационного типа представлены в тверских говорах широко разветвленной подсистемой так называемых слов с суффиксами субъективной оценки, образующих многочисленные модификации производных мутационного и транспозиционного типов. Например: *брод* ‘временная межа покосного пая в лугах’. «Межа покосного пая, обозначенная следом по траве (утром по росе) или срезанной травой. «Брод бродить – межу прокладывать» (Кимрский, ОСГКО, 35); *брóдец* – ‘маленький брод’, *в́язка* ‘горсть соломы, которой перевязывают сноп, соломенный жгут’ → *в́язочка* ‘маленькая вязка (Вышневолоцкий, ОСГКО, 42); *ка́шник* → *ка́шничек* ‘маленький кашник’ (Весьегонский, ОСГКО, 87); *ко́мель* ‘нижняя часть снопа’ → *комелёк* ‘уменьшит. к комель’; *ку́кла* ‘вязанка льноволокна в 20 фунтов’. «Кукла ильняная» → *ку́кляшка* ‘маленькая кукла’ (Молоковский, ОСГКО, 113); *кут* ‘передняя часть избы’. «Проходи на кут» → *куто́к* ‘уменьшит. к кут’ (Нелидовский, ОСГКО, 115); *набиру́ха* ‘корзина, в

которую высыплют ягоды (из набирки), набирают грибы'. «Наконец-то я набрал целую набируху малины» → *наби́рка* 'маленькая корзина'. «Я быстро набрала набирку черники» (Осташковский), «С набиркуй лоф-чия. Большую корзину поставишь, а с набиркуй ходишь, наберешь, высыпишь, пока цела не будет» (Пеновский, ОСГКО, 132).

Особенностью структуры слов с суффиксами субъективной оценки является то, что суффикс включается внутрь производящего слова между его основой и флексией, и выполняет модифицирующую функцию, изменяя в том или ином отношении предметно-понятийную основу лексического значения слова или его экспрессивно-стилистическую окраску [Пастушенков 1995: 128]. Это находит свое выражение в том, что при образовании производных модификационного типа сохраняется без изменения родовая принадлежность имени существительного.

Такой характер словообразовательной структуры свойствен и формам оценки имен прилагательных. Но окончания прилагательных не связаны с какими-либо частными грамматическими разрядами внутри этой части речи, поэтому принадлежность флексии прилагательных не к форманту, а к словообразовательной базе не является ярко выраженной: *жирный* → *жирённый*, *жирющий* 'очень жирный (о человеке)'; *чуточный* 'малый, капельный' → *чутинный* 'очень маленький'; *хвилький* 'больной, слабосильный' → *хвильстый* 'очень больной, очень слабый'; *удобитый* 'пригодный, способный, удобный' → *удобистый* 'очень удобный, пригодный'; *упорный* → *упоркий* 'очень последовательный в достижении цели'.

Нередко модификационное словообразовательное значение возникает как сопутствующее мутационному при образовании прилагательных от других частей речи, например от глаголов: *шататься* → *шату́щий* 'любящий шататься'; *затеать* → *затева́щий* 'изобретательный на выдумки, затейливый'; *завалать* → *завала́щий* 'очень плохой, худой, дрянной'; *хватать* → *хва́тчивый* 'имеющий страсть до чужого'².

При образовании наречий с суффиксами субъективной оценки своеобразие этих суффиксов выступает наиболее ярко. Оценочные суффиксы-модификанты вставляются внутрь производящего слова между основой и грамматическим суффиксом: *развязкой* 'с непокрытой головой'. «Куды понеслась *развязкуй*, надует в уши-то» (Кимрский, Калининский, ОСГКО, 217) → *развязочкой*. Бегают *развязочкой* девье»; *раздёткой* 'без

² Примеры из картотеки полевых записей, хранящихся на кафедре русского языка. Районы не указываются, поскольку данные производные распространены повсеместно на территории Тверской области.

одежды'. «Сёводни тёпло, пусть *роздеткуй* побегает» (Калининский, ОСГКО, 217) → *раздётчой*. «Пришла бедненька, вся *роздетчуй*»; *разуткой* 'без обуви'. «Бывало как чуть растает все ребятишки розуткой бегут» (Краснохолмский, ОСГКО, 218) → *разуточкой*. «Посмотри, разуточкой пошла»; *сбочка* 'сбоку'. «Торба у ково за плечам, у ково збочка висит» (Молоковский, ОСГКО, 218) → *сбочочка*. «Так и притулилась сбочочка»; *скусно* 'вкусно'. «Как скусно все приготовлено» (Сандовский). «Ну и пироги, скусно, пальчики оближешь» (Сонковский, ОСГКО, 240) → *скусенько*. «Всё скусенько, справненько». Иногда суффикс-модификант присоединяется к финали производящего наречия: *начисток* 'начисто, полностью, без остатка, совершенно'. «Начисток сгорели в двадцатом году» → *начисточек* (Калининский, ОСГКО, 139).

К модификационному словообразованию относится также образование женских соответствий к названиям лиц мужского пола.

Исследователи подразделяют данный вид словообразования на несколько подтипов [Пастушенков 1995: 130]. Первый находится как бы за пределами словообразования – это образование наименований лиц женского пола от существительных, обозначающих лиц мужского пола, прибавлением окончания, например: *еду́х* 'сварливый человек' → *еду́ха* 'сварливая женщина'; *жа́день* 'скупой человек' → *жа́дня* 'скупая женщина'; *завáрих* 'сварливый человек' → *завáриха* 'сварливая женщина'; *зави́рал* 'человек, который лжет' → *зави́рала* 'женщина, говорящая неправду'; *за́рэз* 'пьяница (о мужчине)' → *за́рэза* 'пьяница (о женщине)'; *ело́х* 'пройдоха' → *ело́ха* 'пройдоха, чаще о женщине'.

В представленных парах направление производности часто не определяется точно, поскольку вполне допустимо образование наименований лиц мужского пола от существительных, обозначающих в говорах лиц женского пола, которые часто соотносятся со словами общего рода.

Этот тип находится как бы за пределами словообразования. В этих примерах мы имеем дело с оформлением непроизводного слова как существительное женского или мужского рода для обозначения соответствующих лиц мужского и женского пола. Словообразовательная структура в данном случае представляет собой сочетание «базовой части производного слова» (основы), связанной с выражением «вещественной» части лексического значения, и «форманта» (флексии), который оформляет слово как имя существительное, дополняя его вещественное значение категориально-грамматическим значением предметности, и одновременно модифицирует вещественное значение слова, придавая ему

дополнительный оттенок значения «лицо мужского пола» или «лицо женского пола» [Пастушенков 1995: 130]. По существу, здесь можно говорить о явлении равнопроизводности и только «рекомендации» системы («производство имен лиц женского пола от однокоренных существительных мужского рода со значением лица характерно для многих других групп слов» [Земская 1973: 254]).

Второй подтип представлен суффиксальными производными модификационного типа, обозначающими лиц женского пола, образованными от существительных мужского рода, которые являются названиями лиц мужского пола. При этом производные слова могут находиться в отношениях привативной или эквиполентной оппозиции.

Привативный характер оппозиции представлен в примерах, отражающих включенность наименований лиц женского пола в значение производного имени, обозначающего лицо мужского пола, например: *зы́бало* ‘человек высокого роста, чаще мужчина’ → *зы́балиха* ‘женщина высокого роста’; *ё́рзалка* ‘тот, кто постоянно ёрзает, непоседливый человек’ → *ё́рзалиха* ‘женщина, которая постоянно ёрзает, непоседливая’; *живе́ц* ‘живой, подвижный человек’ → *живч́иха* ‘подвижная, ловкая женщина’; *залóм* ‘несговорчивый, упрямый человек’ → *залóмщица* ‘несговорчивая, упрямая женщина’; *за́сна* ‘тот, кто много спит, ходит с заспанным видом’ → *засы́па* ‘женщина, которая много спит’.

Эквиполентный характер оппозиции отражают примеры производных, в которых в основе модификации «мужской пол – женский пол» лежат имена существительные, образованные от основ существительных и глаголов и имеющие поэтому, наряду с модификационным, и мутационный компонент в составе словообразовательного значения: *зя́бель* ‘холод, стужа’ → *зя́блик* ‘мужчина, чувствительный к холоду’ → *зя́блица* ‘женщина, чувствительная к холоду’; *зы́кать* ‘кричать, горланить’ → *зы́калка* ‘легкомысленная, не в меру бойкая женщина’.

Таким образом, модификационный тип словообразовательного значения играет важную роль в системе диалектного словообразования, давая разветвленную сеть производных, характеризующих важную сферу жизни человека – эмоциональную, оценочную, – давая представление о нравственных ориентирах диалектоносителей.

Л и т е р а т у р а

- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. 304 с.
 Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. 230 с.
 Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 311 с.

Пастушенков Г.А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. Тверь, 1995. 212 с.

Янценецкая М.Н. Семантические вопросы современного словообразования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1983. 49 с.

Ludmila N. Novikova

State University of Tver

(Russia, Tver)

novikova_54@mail.ru

DERIVATIVE WORD FORMATION IN THE DIALECTS OF TVER

The article is devoted to the contemporary tendencies in dialectal word formation with major focus on derivative meanings in word formation. The investigation is based on the data of the Tver dialects. Two groups of words are subjected to analysis: nouns with suffixes of subjective evaluation and nouns for females.

Key words: word formation, the Tver dialects, meanings of suffixes.

R e f e r e n c e s

Zemskaya E.A. *Sovremenniy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie* [The Contemporary Russian Language. Word formation]. Moscow, 1973. 304 p.

Miloslavskiy I.G. *Voprosy slovoobrazovatel'nogo synteza* [Problems of word-building synthesis]. Moscow, 1980. 230 p.

Opyt slovarya govorov Kalininskoy oblasti [Experimental Dictionary of the dialects of Kalinin region]. Kalinin, 1972. 311 p.

Pastushenkov G.A. *Dva plana chleneniya jazyka y problemy struktury russkogo slova* [Two plans of the Division of Language and Problem of the Structure of Russian Word]. Tver, 1995. 212 p.

Yantsenetskaya M.N. *Semanticheskie voprosy sovremennogo slovoobrazovaniya*. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Contemporary Word Formation: Semantic Problems. PhD. thes.]. Dnepropetrovsk, 1983. 49 p.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

О. А. Глущенко

*Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга
(Россия, Петропавловск-Камчатский)
oag.kat@mail.ru*

Специфика значения общерусского наречия в говоре

Проанализирована семантика 783 однозначных и многозначных наречий «как»-вопроса, имеющих сходство в плане выражения в современном русском литературном языке и архангельских народных говорах. На основе сравнения семантики слов в двух подсистемах общенационального русского языка построена типология соотношений значений общерусских наречий. В типологии учтена специфика семантической структуры слов, вид семантического соотношения слов (совпадение или несовпадение значений), степень совпадения значений (полное, частичное или асимметричное) и пропорциональность совпадения значений. В отношениях абсолютного семантического тождества в подсистемах состоят 14% наречий, являются лексическими омонимами в двух подсистемах общенационального языка 28% слов. У остальной части общерусских наречий есть семантические различия в сравниваемых подсистемах, что обусловлено, с одной стороны, процессом генерализации значений, а с другой – спецификацией значений. В первом случае причиной расширения семантики слова в говоре будет дополнительная внутрипонятийная дифференциация, мотивированная особенностями членения внеязыковой действительности в речи диалектоносителя, и существование внеязыковых реалий и процессов с общими или схожими признаками, попадающими под одно понятие. Во втором случае имеет место спецификация значения общерусского слова, объясняющая утрату предельно обобщенного значения у наречия.

Ключевые слова: общерусское слово, диалект, семантика, адвербиальная лексика.

В региональной лексикологии заключения об особенностях семантики слова или класса слов основаны на методе сопоставления значений и употреблений. Как правило, объектом сравнения становятся значения слов в рамках одной или разных подсистем общенационального языка (например, в обработанной форме русского языка и говорах). Таким способом была выявлена лексико-грамматическая специфика обще-

русского слова в говорах (работы О. И. Блиновой, Н. А. Лукьяновой, О. В. Загоровской, О. С. Мжельской, Л. А. Ивашко, Н. Г. Ильинской и др.). Построены авторские классификации типов различий общерусских глаголов, существительных и прилагательных в литературном языке и говорах, наречия же в этих классификациях представлены эпизодически.

Мы проанализировали значения 783 общерусских наречий «как»-вопроса, имеющих сходство в плане выражения в архангельских народных говорах (далее – АНГ) и современном литературном языке (далее – ЛЯ). Внешнее подобие общерусских наречий в ЛЯ и АНГ позволяет говорить о формально соотносительных лексических единицах и подвигает к сопоставлению слов в плане содержания. При построении типологии различий общерусских наречий в ЛЯ и АНГ были также учтены несколько обстоятельств: 1) наличие одного или нескольких значений у слова в ЛЯ и АНГ; 2) наличие особых употреблений у значения в ЛЯ и / или АНГ (если у сравниваемого значения слова отсутствуют или же имеются особые употребления в обеих соотносительных языковых системах, то такие значения обладают симметричным семантическим членением; если особое употребление имеется только в одной из двух языковых систем, то представлена асимметрия семантического членения значения); 3) количество соотносимых значений у полисемантов; 4) вид семантического соотношения слов: совпадение или несовпадение значений; 5) степень совпадения значений – полное, частичное или асимметричное (значение из одной соотносительной языковой системы совпадает одновременно со значением и особым употреблением в другой системе); 6) пропорциональность совпадения значений (значения соотносятся в пропорции «один к одному» или «два к одному» / «один к двум» и др.). Такая характеристика значения многозначного слова, как первичное / вторичное, не была учтена при построении типологии соотношений, поскольку порядок следования лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова не может повлиять на выделяемый нами тип соотношения значений наречий в разных подсистемах русского языка. Другими словами, несуществен факт совпадения слов по первичным значениям или по вторичным, важно, что они совпадают или не совпадают.

Итак, было выделено 6 типов соотношений значений общерусских слов в ЛЯ и АНГ:

- 1) соотношение значений однозначных слов в ЛЯ и АНГ (13% слов);
- 2) соотношение по одному значению у многозначных слов в ЛЯ и АНГ (17% слов);

3) соотношение по двум и более значениям у многозначных слов в ЛЯ и АНГ (15% слов);

4) соотношение значений однозначного слова в ЛЯ и многозначного в АНГ (19% слов);

5) соотношение значений многозначного слова в ЛЯ и однозначного в АНГ (8% слов);

6) несовпадение значений слов в ЛЯ и АНГ (28% слов).

I тип. Соотношение значений однозначных слов в ЛЯ и АНГ.

В зависимости от степени и характера совпадения значений выделено четыре подтипа.

1. Тожество симметричных значений (значений без особых употреблений) в ЛЯ и АНГ. Например: *внахлёст* («Накладывая край или конец чего-л. на край или конец другого, состыковав краями вплотную друг к другу»): *Дéлат лóтку по-карбáсному, внахлѣст мóжно. МЕЗ. Длг.*

2. Совпадение симметричных значений при различиях в степени свободы употребления значения. Наречие *внаклáдку* («Опустив сахар внутрь сосуда») в ЛЯ употребляется только в составе разговорного фразеологизма $\diamond$ *Пить внаклáдку (чай, кофе)*, а в АНГ нет ограничений в соединении с глаголами. В значении слова *запóем* в ЛЯ («Не отрываясь, в неумеренном количестве; с безудержным увлечением») заключена характеристика непрерывности процесса, увлеченности субъекта процессом, а в АНГ в однотипной сочетаемости с глаголом *пить* и аналогичными глаголами однозначно определен процесс – употребление спиртного: *Запóем-то пьют. ВЕЛБ. Лхд.*

3. Соответствие несимметричных по семантическому объему слов: значение наречия в ЛЯ или в АНГ шире за счет особых употреблений. Например: *вдобáвок* (значение в ЛЯ – «В добавление, в дополнение к чему-л. // Сверх того, кроме того», значение в АНГ – «Дополнительно, в дополнение к чему-л.»): *Мать ишó вдобáвок. ХОЛМ. Звз.*

4. Частичное соответствие слов либо по значению, либо по особым употреблением значения. Например: наречие *всерьёз* в ЛЯ («Серьезно, не в шутку. // Основательно, по-деловому») и в АНГ («Не в шутку, не на шутку / $\diamond$ *Всерьёз брать* – «Принимать всерьез, относиться серьезно, с доверием, верить»): *Не фсерьйóс, не в брань. ПИН. Квр. Хош ф смех кладí да фсерьйóс берí, а досельно было. ПРИМ. Пил.* Мы выделили подчеркиванием совпадающую часть значения.

II тип. Соотношение по одному значению у многозначных слов в ЛЯ и АНГ. В этот тип включены слова, которые между собой пересе-

каются только в пределах одного значения или его особых употреблений, а по всем остальным значениям и особым употреблением различаются. Существует три подтипа указанного соотношения слов в ЛЯ и АНГ.

1. Соответствие многозначных слов по одному значению. Представлено как полное совпадение в рамках симметричного или асимметричного по членению значения, так и частичное пересечение в пределах одного значения в ЛЯ и АНГ. Пример полного совпадения симметричного значения в ЛЯ и АНГ: наречие *вслепую* двузначное: в ЛЯ – «1. Не видя или не глядя на что-л. 2. Не зная обстановки, обстоятельств, условий, не разобравшись в них; наугад», в АНГ (*вслѣпую*) – «1. В состоянии слепоты, без зрения. *Цетьвёртый годичек фслѣпую. КАРГ. Нкл. 2. Не зная обстановки, обстоятельств, условий, не разобравшись в них, наугад. Приведі нас куда-нибудь, то́жо буйет тёмно ходіть, фслепую. ПРИМ. 33.*»

Совпадение значения с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ: наречие *самовольно* в ЛЯ имеет 2 значения: «1. Поступая по своему усмотрению, по своей прихоти; своевольно. 2. Совершаясь без разрешения», в АНГ – 4 значения: «1. Без разрешения, без спроса. *И оні взѣли самогласно, как самовольно можно сказать, 10 процѣнтоф. ВЕЛЬ. Сдр. // Без согласия родителей. Свадьбу сыграли самовольно. КОН. Влц. 2. Добровольно, совершаясь по своей воле, желанию, без принуждения. Люди самовольно сюда приїехали. КАРГ. Ош. 3. Самостоятельно, без чужой помощи. Она́ дѣсять вывела, самовольно-то вывела, пѣрвой наро́ст как вывела, я не скудалась, што худо кутьки кладу́ция. КРАСН. Нвш. 4. Возникая, совершаясь само собой, силой внутренних причин, без внешнего воздействия. Вот тут одна́ жѣнка саділа хрен, а у нас самовольно ростѣт, мы веть не дѣржым. ВЕЛЬ. Сдр. // Без внешнего воздействия, без внешних причин (о смерти). Он самовольно так умѣр. ВЕЛЬ. Лхд.*»

Частичное соответствие значений многозначных слов с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ мы видим в том случае, если наречия совпадают либо по значению, либо по особому употреблению, но полного совпадения в объеме всего значения нет. Значения наречия *вѣрно* в ЛЯ: «1. Заслуживая полного доверия; преданно. // (чему) Неизменно придерживаясь чего-л., не изменяя чему-л. // (обычно крат. ф.; кому) Сохраняя верность мужу (жене). 2. Соответствуя истине, действительности; правильно, точно. // Несомненно, бесспорно (о количестве, величине чего-л.: времени, расстоянии и т. п.). // Так, как требуется, как соответствует обстановке; нужно. 3. (в знач. сказ.) Правильно, так и есть (с восклицат. или вопросит. интонацией или как утверждение). 4. (в знач. вводн. слова) Должно быть, вероятно». Значения в АНГ: «1. Полностью

соответствуя действительности, истине. *Это давно было, и не говорит верно. ВЕЛЬ. Пжм.* 2. Правильно, отвечая правилам, нормам. *Нонь не так верно стали выкашивать. ВИН. Мрж.* 3. Успешно, с хорошими отметками. *Этот верный учился. КОН. Клм.* 4. Хорошо различая мелкие и дальние предметы. *Показывали мне-то, да я не верно вижу. ЛЕШ. Юр.* 5. Обязательно, при любых обстоятельствах. *Корзину набрать ягот или грибоф, так это верно. МЕЗ. Кмж.»*

2. Соответствие одного значения в ЛЯ нескольким значениям в АНГ, т. е. расщепление совпадающего значения в АНГ. Как и в предыдущем случае, мы выделяем полное соответствие симметричного или асимметричного значения и частичное соответствие асимметричных значений.

Полное соответствие значений в ЛЯ и АНГ: *роскошно* в ЛЯ имеет значения: «1. Отличаясь роскошью, внешним богатым убранством или высокой ценностью материала. 2. Расточительно, сопровождаясь большой тратой денег. 3. Изобильно, пышно. 4. Очень красиво, ярко. 5. Удовлетворяя высоким требованиям, очень хорошо». Значения *ро́скошно* в АНГ: «1. Богато, в достатке. *Роскошно живут порато. ЛЕШ. Блц.* 2. Демонстрируя достаток. *Роскошно свадьбы нынче делают. ЛЕШ. Шгм.* 3. Много и безрассудно тратя, расходуя что-л. *А в городе роскошно себя будут весті. ПИН. Квр.»* Соотносимые значения в ЛЯ и АНГ представлены с разной степенью детализации.

Соответствие одного значения с особым употреблением в ЛЯ нескольким значениям в АНГ: *целиком* (ЛЯ): «1. В целом виде, не расчлняя на части. // В полном составе, объеме, без каких-л. изъятий, исключений. 2. Безраздельно, совершенно. // Полностью, исключительно. / ◇ Целиком и полностью». АНГ: «1. В целом виде, не разделяя на части. *Ты жсвак целиком сйела (проглотила), дак ты уж боле не сйеш (о кошке). ВИЛ. Пвл.* 2. Не имея структурных повреждений. *А в воде-то оно осталося, оно цэликом стойит там (колокол в воде). ВИЛ. Пвл.* 3. Сплошь, полностью, в полном объеме. *Вот наволо́к – это цэликом ме́сто, а ка́ждый на свой наволо́к поиежжэй. ВИЛ. Трп.* // *Все подряд, все полностью. Оні фсе целиком на пол сядут. ЛЕШ. Ол.* 4. Дотла. *Ружы были, поплавня, фсе цэликом згорело. МЕЗ. Длг.* 5. Длсая без перерыва, не прекращаясь; постоянно, все время. *Одін сразу помер, другой по́жыл сколько-то, а трэ́тий уш софсэм целиком живёт и жэнілся. ПИН. Врк.* 6. Без перерыва, не имея перерыва в продолжение какого-л. отрезка времени. *Ма́ма так почтьі до Арха́нгельска пла́вала целиком. ЛЕН. Тхт.»*

Частичное соответствие многозначных слов по значению с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ: наречие *некрасиво* в ЛЯ имеет

3 значения: «1. Отличаясь неправильностью очертаний, отсутствием гармонии красок, тонов, линий и т. п.; непривлекательно на вид. // Имея непривлекательные черты лица. // Неприятно для слуха, неблагозвучно. 2. Нечестно, непорядочно, предосудительно. 3. (безл., в знач. сказ.) О наличии непривлекательного вида где-л.». В АНГ слово употребляется в 5 значениях: «1. Неэстетично, непривлекательно. Привозили с Сык-тыквара катанцы, но не чёрные, а серые – некрасиво фсе скатаны. ВИЛ. Трп. 2. Нарушив правила приличия; неприлично. Как некрасиво схоронили – по-за ограде схоронили. ВИЛ. Трп. 3. Плохо – невежливо, нелюбезно, неприветливо. Так некрасиво гостей принимают. В-Т. Вриш. 4. Благозвучно, немелодично. Теперь я привыкла, а ф Пинега росытя-гают, как некрасиво, а я круто говорю. ВИЛ. Трп. 5. Стидно. Холостым бродить больно некрасиво. ХОЛМ. Сия.» Семантика отрицательной эстетической характеристики в ЛЯ представлена в пределах единого целого (значение № 1 и его особые употребления), а в АНГ соотносится с двумя самостоятельными значениями (в значении № 1 заключена визуальная эстетическая оценка, в значении № 4 – слуховая эстетическая оценка).

3. Соответствие нескольких значений в ЛЯ одному значению в АНГ, т. е. укрупнение совпадающего значения в АНГ.

Одно значение общерусского слова в АНГ совпадает с несколькими в ЛЯ: *по-нашему* (ЛЯ): «1. Так, как мы, таким же образом, как мы. 2. Так, как мы хотим, по нашему желанию. 3. (вводное слово) По нашему мнению, с нашей точки зрения. 4. На языке говорящего»; *по-нашему* (*по-нашому*) (АНГ): «1. Так, как хочется (надо) нам или как делаем мы. Собрали гоэббу, хотели по-нашому собрать. ЛЕШ. Клч. 2. Так, как принято теперь, по-современному. По-нашему – вшыка, а по-ранешнему – как чердак наверху-то было. ПИН. Яв.» Отметим характерное для наречий данной словообразовательной модели двойное соответствие значений: в ЛЯ разведены смыслы подобия тому, на кого указывает местоимение (значение № 1), и так, как нравится тому, кто обозначен местоимением (значение № 2). В АНГ эти смыслы объединены в одном значении.

Частичное соответствие многозначных слов по значению с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ: *хотко* в ЛЯ: «1. Легко и быстро двигаясь, легко на ходу. // Быстроходно (о судне, автомобиле и т.п.). 2. Быстро, скоро (о походе, побежке и т. п.). // Легко и быстро передвигаясь, бегая. 3. Легко и быстро, успешно»; в АНГ: «1. Быстро, с высокой скоростью. Я хотко говорю, тебе не записать. ШЕНК. УП. 2. Возникая, совершаясь в одно мгновение; моментально. А потом как свернула, больно и хотко. ШЕНК. Шгв. 3. (Безл.) Об ощущении удобства, доставляемого

чем-л. *Хóтко ли тебе́ здесь, не твердо́?* ВИЛ. Пав. 4. Длѣсь без пере-
рыва, не прекращѣясь; постоянно, все время. *Хва́лят, так ить хóтко,*
без отрыва́. КОН. Клм. 5. Охотно, с большим желанием. *Не так хóтко*
иду́т в а́рмию-то тепе́рь. ВЕЛЬ. Лхд. 6. Богато, в достатке. *Ма́ма-то*
хóтко жы́вет. КОН. Клм.»

III тип. Соотношение по нескольким значениям у многозначных слов в ЛЯ и АНГ. В этот тип включены наречия, которые между собой пересекаются по двум и более значениям и / или их особым употреблению. Для систематизации разновидностей соотношений в данном типе мы учитывали несколько признаков: 1) степень и характер совпадения значений в каждом случае (полное совпадение, соответствие несимметрично членимых значений и частичное соответствие значений); 2) способ взаимодействия семантических структур многозначных общерусских слов в ЛЯ и АНГ (совпадают все значения или часть из них); 3) пропорциональность соотношения значений в ЛЯ и АНГ (соотносятся значения в пропорции «один к одному» или «один к двум / к трем»).

1. Соответствие многозначных слов по нескольким значениям.

Полное соответствие многозначных слов по двум и более симметричным значениям в ЛЯ и АНГ: *вростя́жку* (ЛЯ): «1. Вытянувшись во всю длину; растянувшись. 2. Растягивая, замедляя (речь, слова).»; *вростя́жку* (АНГ): «1. Упав всем телом, раскинув руки и ноги. За ко́рень за́пну́лась но́гой, так вросьтя́шку и упáла. КРАСН. ВУ. 2. Протяжно, нараспев, растягивая гласные звуки. Вросьтя́шку пёсны пойóм. ПИН. Влд. 3. Вдоль, в направлении длины чего-л., по прямой линии по длине чего-л. *Он вростя́шку не корóбице.* В-Т. Тми. 4. Повредив сильным натяжением. *Ру́ки и но́ги, фсё вростя́шку ростяну́ло.* ЛЕШ. Блц. 5. С размаха, размахнувшись. *Дёвушки, вы вростя́шку бе́йте.* ХОЛМ. НК.»

Соответствие многозначных слов по двум и более значениям с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ: *на́мертво* (ЛЯ): «1. Насмерть, до смерти. // Лишая жизни, жизнеспособности. 2. Так, что нельзя разъединить; очень прочно, накрепко.»; *на́мертво́ (на́мертво)* (АНГ): «1. Насмерть, так, что наступает смерть. *На́мертво утону́л, софсём.* КРАСН. ВУ. 2. Очень, в сильной степени. *Она́ на́мертво́ руга́цца, кричи́т.* ВИЛ. Трп. 3. Беспробудно, крепко. *Оддохáть-то се́ла да спалá, да и усну́ла, да не мо́гла разбуде́ть – на́мертво.* В-Т. Ври. 4. Неподвижно, не имея возможности двигаться, без движения. *Там парохо́ды не шэвэ́ляца, на́мертво сто́ят.* ПРИМ. Пил. 5. Прочно, крепко, будучи основательно сделано. *На́мертво пол на́до кра́сить.* КРАСН. Нви. *На́мертво ши́шьте.* ВИЛ. Трп. 6. Плотно, без отверстия, без доступа воздуха. *От се́ця́с трубу́*

на́мертво закро́ю. ЛЕШ. Смл.» В случае совпадения значений № 2 (ЛЯ) и № 5 (АНГ) отметим больший объем значения в АНГ: в значении № 2 в ЛЯ подчеркивается, что это характеристика разборного объекта, части которого соединены прочно или установлены прочно, а в значении № 5 в АНГ нет конкретного указания на членимость объекта.

Частичное соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ у многозначных слов: *вмёсте* в ЛЯ: «1. Сообща, в соединении с кем-л., чем-л.; совместно. / (в сочетании с предлогом «с»). 2. Одновременно, в то же время. / $\diamond$ *Вместе с тем* – в то же время, одновременно; однако»; в АНГ: «1. Воедино, соединяясь в одно целое, вместе. Онí бы россы́псьте б́ыли, не держáлизь бы вмéсьте, коláчик-то бывáт ы не во́фсё во́ложной. ПИН. Пки. 2. В соединении с кем-л., чем-л. Мы вмéсте ходи́ли, а де́фка краси́вая, во́лос кудрева́той, чёрненькой. ВИЛ. Трп. 3. Происходя или производясь в одно время с кем-л., чем-л.; одновременно. Онá вмéсьте с овода́ми жы́вёт, се́ра му́ха, кусьли́ва, прильнёт, дак ой! ЛЕШ. Смл. 4. На двоих, на двух хозяев. Земля́-то бы́ла вмéсьте, страда́ли вмéсьте. ХОЛМ. Кзм.»

2. Соответствие меньшего количества значений в ЛЯ большему количеству значений в АНГ, т. е. расщепление совпадающего значения в АНГ (детализированное представление значения в АНГ обусловлено межлексемными связями, поддержано синонимическими рядами наречий).

Полное соответствие значений в ЛЯ и АНГ. Например: *аккура́тно* (ЛЯ): «1. Старательно и тщательно, соблюдая порядок. 2. Осторожно. 3. Регулярно, исправно; *акура́тно (окура́тно)* (АНГ): «1. Осторожно, нерезко. Ф суху́ погоду акура́тно бе́гат. ПИН. Ср. 2. Старательно и тщательно. Окура́тней ве́шай (чтобы не упало). ЛЕН. Тхт. 3. Опрятно (о внешнем виде). Брат родно́й робо́тал в военкомáте, носил фо́рму, окура́тно ходи́л. ЛЕН. Тхт. 4. Осмотрительно и осторожно в поступках, поведении, действиях, принимая все в расчет. А ра́ньше гуля́ли так окура́тно. ОНЕЖ. Трч. 5. Тактично, отличаясь тактом, с тактом, осуществляясь не в грубой форме. Я хоте́ла окура́тно с ней погово́рить. ПИН. Врк. 6. Экономно, бережливо. Акура́тно на́до жы́ть на двацáти рубля́х. НЯНД. Миш. 7. Бережно. Ді́ма рос, так тот весь в грязі́, а То́ля акура́тно носи́л, с нево́ фсё крэ́пко слéзет. ВИЛ. Трп. 8. Немного, в малом количестве. Аккура́тно де́нек. ВИЛ. Трп.» Значение № 1 в ЛЯ совпадает одновременно в АНГ со значениями № 2 (характеристика трудовых операций или конкретных физических действий) и № 3 (характеристика физических действий, внешности). Значение № 2 в ЛЯ соответствует двум близким значениям в АНГ – № 1 (характеристика физических действий)

и № 4 (характеристика социально значимых действий и межличностных отношений).

Полное тождество встречается также у значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ. Например: *заодно* в ЛЯ: «1. В единодушии, в согласии; сообща, вместе. // Наряду, наравне, одинаково. 2. Вместе с тем, попутно, кстати; *заодно* (АНГ): «1. Вместе, в соединении с кем-л., чем-л. Как вы тут кúшайете, фсе заодно или как? ВИН. Брк. 2. Собравшись вместе, в полном сборе, составе. Фсе заодно, вмесьтях работáйем. ПРИМ. Пил. 3. Сплошь, целиком, полностью, в полном объеме. Фсё заодно прýлка. ПИН. Влт. 4. Дружно, в согласии. Фсё заодно жýли, тем концём фсё и кóнчилось. ЛЕШ. Лбс. 5. Сопутствуя чему-нибудь основному, главному. Простáя бежý, а заодно вóду нáдо вýлить. ВИЛ. Трп. 6. Одинаково, ничем не отличаясь от кого-л., чего-л. Я заодно дýмаю. ЛЕШ. Вжг. 7. Поровну, равными частями, в одинаковом количестве. Сем полуцýйе заодно. ПИН. Шрд. 8. Рядом, бок о бок, на близком расстоянии. Нет, не далекó, заодно. ВИЛ. Трп.» При совпадении первых значений в ЛЯ и АНГ мы отметим большую широту значения у наречия в ЛЯ – это характеристика внутреннего и внешнего единения по сравнению с характеристикой только внешнего объединения субъектов (в АНГ).

Частичное соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ у многозначных слов: *потихóньку* (ЛЯ): «1. Тихо, с небольшой силой звучности. // Не производя шума, неслышно. 2. Незаметно, тайно, украдкой. 3. Медленно, не торопясь. // Постепенно, мало-помалу. // Не сильно, слегка; (АНГ): «1. Медленно, неторопливо. Я потихóньку к окóшку прошóркала и клýчу Сáшу. ОНЕЖ. Врз. 2. Постепенно, не сразу. Котóры поумнýя, по батракáм не ходили, нáшэнку займýт и начинают потихóньку рожжывáцца. ВИЛ. Трп. 3. Тихо, едва слышно. Знáла, как своих, с йей потихóньку говорíш, дак онá фсё понимáт. ПЛЕС. Кнз. 4. Несильно, слегка. Потихóньку стýкнула. ВИЛ. Трп. 5. Из мелких капель, частиц (об атмосферных осадках). Нецýстой такóй дóжжыцек, потихóньку. УСТЬ. Снк.»

3. Соответствие большего количества значений в ЛЯ меньшему количеству значений в АНГ, т. е. укрупнение совпадающего значения в АНГ.

Соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ. Например: *шумно* в ЛЯ: «1. Производя, создавая шум. 2. Производя много шума, криливо, громко разговаривая. 3. Происходя с шумом, сопровождаясь шумом. // Выражаемо, проявляемо с шумом. 4. Наполнено шумом, оживленно. // Беспокойно, бурно, полно событий, тревог. 5. Производя шум, сенсацию. 6. (безл., в знач. сказ.) О наличии шума, оживления,

суеты где-л.»; значения в АНГ: «1. Происходя с шумом, сопровождаясь шумом. Я йей рот зажимаю – не пышкай, шумно не дышы. КОН. Хмл. 2. Громко, хорошо слышимо. Не кричите шумно-то. КОН. Твр. 3. (Безл.) О том, что слышно, доступно слуху. Тебэ слышно ли, по-нашему – шумно. ВИЛ. Трп. 4. (Безл.) О наличии шума, оживления, суеты где-л. Слышно-то как у вас, шумно. ВИЛ. Трп.»

Частичное соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ у многозначных слов. Например, *плохо* в ЛЯ употребляется в значениях: «1. Обладая отрицательными качествами или свойствами; не отвечая полностью своему назначению. // Не имея необходимого опыта, знаний; неуклюже, неумело. // Недостаточно в каком-л. отношении, неудовлетворительно, слабо. 2. Не отвечая требованиям морали, вызывая порицание, осуждение; дурно. // Совершая недостойные, дурные поступки. 3. Неблагоприятно, не предвещающая хорошего. 4. (безл., в знач. сказ.) О неблагоприятной, неблагоприятной окружающей обстановке. // (с кем – чем) О большом недостатке, нехватке кого- чего-л. 5. (безл., в знач. сказ., кому) О тяжелом физическом или душевном состоянии, испытываемом кем-л.» Значения в АНГ: «1. Обладая качествами или свойствами ниже какого-л. среднего уровня, не так, как должно быть в понимании говорящего. Болотны дрова плохые: с сучьями, низкие, суховаты, горят плохо, но сучья жарче горят. ВИЛ. Трп. // Некачественно, с дефектами исполнения. Сперва поплёх, а потом полётче полётца. ОНЕЖ. Трп. // Недобросовестно, без старания. А как поплёх учились, так тех школа не радует. КОН. Твр. // Неумело, неуклюже. Ф Плесёчкой плёх готова. ПЛЕС. Кнз. // Бедно, в нужде. Некоторые плёх жбы и коровы не имели. КОН. Клм. // С осуждением, неодобрительно. Стоит в останёвке, а как плохо об Офёмыном молоке говорила, принесёт бидон до поры да йеще ругаца. ВИЛ. Трп. // Неприлично, аморально, непристойно. По письму-то, он так плохо поступил: поехал, дажэ спасибо не дал, по-хорошему не простился. ВИЛ. Трп. // Дурно обращаясь. Раньше мать плохо держали, так она сношкы клала, клала. ВИЛ. Трп. // Недружно, ссорясь, ругаясь. Кто плохо живёт, так (он) ходил давить (душить) мужа или жену. ВИЛ. Трп. // Неоправданно. Плохо ходили да риповато. КОН. Клм. // Насилю, с трудом, еле-еле. Посидела, дак плохо разламываюсь, надо швелица. ВИЛ. Трп. 2. Трудно, тяжело, требуя больших усилий для осуществления, преодоления, понимания. Плохо тебя теперь учить. ОНЕЖ. Хчл. 3. Оказывая негативное влияние на здоровье, физическое состояние, нанося ущерб здоровью. Плохо болела, чё ле где ветром прохвостнёт. ЛЕШ. Вжг. 4. (Безл.) О неблагоприятном состоянии, положении. Плохо

у нас, власть плохая. *ВИЛ. Трп.* 5. (Безл.) Об обморочном состоянии, приступе болезни. *Мне плохо. ВИЛ. Трп.* 6. (Безл.) О наличии трудностей, затруднений с чем-л., о недостатке, нехватке чего-л. *Плохо с хлебом. ПИН. Влт.* 7. (Безл.) Мало, недостаточно чего-л., кого-л. по объему, по количеству. *Плохо рыбы. МЕЗ. Длг.* 8. Редко, через большие промежутки времени. *Плохо ходит сын, редко. ВИЛ. Трп.*» При совпадении в целом общих значений отрицательной оценки не все частные употребления в ЛЯ и АНГ соотносятся. В ЛЯ общая отрицательная оценка и морально-этическая оценка разведены по разным значениям, а в АНГ совмещены как употребления одного значения.

IV тип. Соотношение значений однозначного слова в ЛЯ и многозначного в АНГ. В этом типе объединены общерусские наречия, которые в ЛЯ являются однозначными, а в АНГ функционируют как многозначные. Между собой такие наречия пересекаются по одному значению и / или его особому употреблению.

Для построения типологии соотношений таких слов по значению существенно выделить следующих признаков: 1) степень и характер совпадения значений (полное совпадение, соответствие несимметрично членимых значений и частичное соответствие значений); 2) пропорциональность соотношения значений в ЛЯ и АНГ (соотносятся значения в пропорции «один к одному» или «один к двум / к трем»). Выделим подтипы.

1. Полное соответствие значения однозначного и одного из значений многозначного слова в ЛЯ и АНГ: *влёт* – «(охот.) На лету, во время полета (о стрельбе по летящей цели)» (ЛЯ) и «1. На лету, во время движения (полета). *И та ф ту жэ лягу упала, я йейо стрéлил влёт. ВЕЛЬ. Пжм.* 2. Быстро, с высокой скоростью. *Я бежy-то влёт, погонялка в руках. ПРИМ. ЛЗ.*» (АНГ).

2. Полное соответствие разных по свободе употребления значений. Например: в ЛЯ *в ходу* употребляется только в составе фразеологизма $\diamond$ *Быть в ходу* – «Иметь распространение»; в АНГ функционирует многозначное наречие *входу* со свободными значениями: «1. На ногах, в ходьбе, в движении. *Фсе фходу сегóдня, фсе разошлись. ПИН. Влт.* 2. В работе, в действии, в движении. *Я фсё не раздеваю грязной юпки, я фсё фходу. ЛЕШ. Смл.* 3. В широком употреблении, в использовании. *Роздélyвали тéсто, на пироги, вот у нас и полотуха фходу ходит. ВЕЛЬ. Уг.* 4. В действии, в рабочем состоянии. *Она́ (мельница) входу, мéлет. МЕЗ. Кмжс.*»

3. Полное соответствие разных по семантическому объему значений в ЛЯ и АНГ. Например: *нея́вственно* – «Плохо различимо, слышимо; неясно, неотчетливо» (ЛЯ) и «1. Нечетко, неразборчиво, нерезко. *Нея́вственно телевизор показывает, тепёря-то хорошо́ шло. ЛЕШ. Вжг. 2. Тихо, едва слышно. С ма́ленька рабо́тать попривы́к, нея́вственно говори́т. МЕЗ. Мд. (АНГ).* В данном случае значение слова в ЛЯ шире – это характеристика и зрительного, и слухового восприятия, а в АНГ значение уже, так как наречие характеризует только процесс зрительного восприятия.

4. Полное соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ. Например: *наси́льно* (ЛЯ) – «Против воли, желания; силой»; *наси́льно (наси́льнѣ)* (АНГ): «1. Против воли, желания; силой. *Нас уш погна́ли наси́льно. ПЛЕС. Кнз. // Применяя физическую силу для насильственных действий. Хо́чеш ты, так бері́ не наси́льно. ВИН. Зст. 2. Насилу, с большим трудом. Я наси́льно шла. ВЕЛЬ. Лхд. // Прилагая большие физические усилия. Наси́льно, наси́льно добыва́йте. ЛЕШ. Вжг.*» В АНГ представление о насилии детализируется: разделены характеристики физического насилия, психологического и морального насилия или принуждения.

5. Частичное соответствие несимметричных по семантическому членению значений слов в ЛЯ и АНГ. Например: *воровскі́* (ЛЯ) – «Как свойственно вора́м, мошеннически. // Украдкой, тайком»; *во́ровски (во́ровцки, во́роски, во́роськи)* (АНГ): «1. Тайно, не обнаруживая себя явно. *У Офи́мы Вале́рка во́рофски уйѣ́хал с ве́чера фстрѣ́чи (выпускников) и катáл кого-то весь ве́чер. ВИЛ. Трп. 2. Без согласия родителей. Ра́ньше заберѣ́менет де́вушка, и приво́дят во́рофски (в дом к родителям мужа). ВИЛ. Трп.*»

V тип. Соотношение значений многозначного слова в ЛЯ и однозначного в АНГ. В единый тип объединены общерусские наречия, которые в ЛЯ известны как многозначные, а в АНГ функционируют как однозначные. Между собой такие наречия взаимодействуют по одному значению и / или его особому употреблению. Выделим подтипы.

1. Полное соответствие значений многозначного и однозначного слова с равноценным семантическим членением в ЛЯ и АНГ. Например: *гу́жом* (ЛЯ): «1. Конной тягой. 2. (обл.) Вереницей, гуськом»; *гу́жом (гу́жем)* (АНГ) – «Конной тягой, на лошадях. *Зимо́й каки́ сне́ги глубо́кийе, попрóбуй гу́жом доставля́ть. МЕЗ. Дрг.*»

2. Полное соответствие наречий с различным по свободе употребления типом значений: *по стары́нке* (ЛЯ): «1. По обычаю, нравам, вкусам старого времени. 2. Старым методом, способом, ничего не изменяя, не

вводя ничего нового»; *постарѣнке* (АНГ) – «Так, как было принято раньше, по-прежнему, по-старому. Тогда постаринкѣ родители были хозяйева. НЯНД. Врл.»

3. Соответствие разных по семантическому объему значений в ЛЯ и АНГ. Например: *неотрѣвно*: «1. Так что нельзя отделить, оторвать от чего-л.; неотделимо. 2. Не прерываясь долгое время» (ЛЯ) и «Не сводя глаз долгое время. Сидят, смѣтруют так неотрѣвно. ОНЕЖ. Трч.» (АНГ). В АНГ наречие характеризует непрерывное зрительное внимание, а наречие в ЛЯ – вообще непрерывность процесса во времени (более широкое значение).

4. Соответствие значений с несимметричным членением в ЛЯ и АНГ. Например: *огѣлом*: «1. Все вместе, скопом. 2. Все (всѣ) вместе, сразу, без разбора, не делая различий. 3. Целиком, оптом, большой партией» (ЛЯ) и «Собравшись вместе, в полном сборе. Так по ягоды фсе огѣлом ходили. ШЕНК. ВП. // Соединяясь в группу, в коллектив. Огѣлом весь нарѣт собираѣце. КАРГ. Нкл.» (АНГ).

5. Частичное соответствие несимметричных по семантическому объему значений слов в ЛЯ и АНГ. Например: *бѣстро* (ЛЯ): «1. Происходя, совершаясь с большой скоростью (о движении, действии, каком-л. процессе); стремительно. // Скоро перемещаясь в пространстве; быстроходно. // Обладая способностью к стремительным, скорым движениям, действиям; проворно. // (на что с неопр. и без доп.) Со способностью сразу схватывать, проникать; живо, подвижно. 2. Протекая, происходя в короткий промежуток времени»; *бѣстро* (АНГ) – «С высокой скоростью. Я бѣстро переписалась (стисала) у Волѣди, а у Нины ошѣпка. ВИЛ. Трп.»

6. Соотношение нескольких значений многозначного слова в ЛЯ со значением однозначного слова в АНГ. Например: *трѣзво* (ЛЯ): «1. Не в пьяном виде (о человеке, его состоянии). 2. Не выпивая, соблюдая трезвость. 3. Руководствуясь в своих поступках, суждениях требованиями рассудка, здравого смысла, без мечтательности, фантазерства; рассудительно»; *трѣзвѣ* (АНГ) – «В трезвом состоянии или не употребляя спиртного систематически. Мало времени трезвѣ-то живѣт, а фсѣ пѣйна. МЕЗ. Дрг.» В АНГ обобщенно представлена характеристика трезвого состояния, без учета категории времени. В ЛЯ разделены с учетом временного фактора значения № 1 (характеристика временного состояния субъекта) и № 2 (характеристика относительного постоянного, долго длящегося состояния субъекта).

VI тип. Несовпадение значений общерусских слов в ЛЯ и АНГ.

В последнем типе представлены общерусские слова, являющиеся омонимами в ЛЯ и АНГ. Слова образуют только формальную оппозицию тождества, а в семантическом плане пересечений не имеют. В зависимости от типа семантической структуры слова (полисемант или моносемант) все наречия данного типа разделены на 2 подтипа.

1. Омонимичные в ЛЯ и АНГ многозначные слова, например: *отлично*: «1. Очень хорошо, превосходно. 2. (в знач. сказ.) О чувстве полного удовлетворения, испытываемом кем-л. 3. (в знач. утвердит. частицы) Употребляется для выражения полного согласия с чем-л., одобрения чего-л.» (ЛЯ) и «1. По-особенному, отлично от других. *Дак веть покрáшэны кóни-то, не в́ыстроены, отл́ично у н́их-то (о доме).* ЛЕШ. Клч. 2. Поодиночке, по одному. *Отл́ично-то н́кудá не б́егали. В-Т. Ври.»* (АНГ).

2. Омонимичные в ЛЯ и АНГ однозначные слова, например: *бро́ско* – «Бросаясь в глаза; ярко, заметно» (ЛЯ) и «Много и безрассудно тратя, расходуя что-л. *До крайёй, ско́лько у нас бро́ско йе́дят скотíне.* ЛЕН. Схд.» (АНГ).

В ряде случаев омонимия молодая, поэтому еще ощущается ассоциативная связь семантически отделившихся друг от друга слов.

Выводы. Сопоставление значений общерусских наречий в ЛЯ и АНГ показало, что из 783 общерусских слов соотносятся по семантике 563 слова (72%) – это слова I – V типов, а 220 слов (28%) не имеют пересекающихся в ЛЯ и АНГ значений (слова VI типа). У семантически соотносимых 563 слов степень общности значений различна:

- полностью совпадают (с учетом разного характера значения) значения у 77 слов (13,7%);
- совпадают асимметричные по членению значения у 38 слов (6,7%);
- частично совпадают значения у 448 слов (79,6%).

На лексемном уровне слова I – V типов, одновременно функционирующие в ЛЯ и АНГ, образуют 4 вида семантических оппозиций в зависимости от соотношения значений в двух подсистемах русского языка:

1) оппозиция тождества (полностью совпадают все значения однозначного и / или многозначного слова) – 111 слов;

2) привативная оппозиция группы А (семантический объем слова в АНГ шире, чем в ЛЯ) – 137 слов;

3) привативная оппозиция группы Б (семантический объем слова в ЛЯ шире, чем в АНГ) – 78 слов;

4) эквиполентная оппозиция (многозначные слова пересекаются по одной части значений, а по другой – различаются; однозначные слова частично совпадают друг с другом) – 237 слов.

У общерусского наречия в говоре развиваются свои особые употребления и лексико-семантические варианты. Появление различий в семантической структуре общерусского слова в АНГ обусловлено, с одной стороны, процессом генерализации значений, а с другой – спецификацией значений. В первом случае причиной расширения семантики слова в говоре будет дополнительная внутрипонятийная дифференциация, мотивированная особенностями членения внеязыковой действительности в речи диалектоносителя, и существование внеязыковых реалий (процессов) с общими или схожими признаками, попадающими под одно понятие. Во втором случае имеет место спецификация значения общерусского слова, объясняющая утрату предельно обобщенного значения у наречия.

Список сокращений названий населенных пунктов
Архангельской области

В-Т. – *ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ* р-н: *Ври.* – Вершина, *Тми.* – Тимошино; *ВЕЛЬ.* – *ВЕЛЬСКИЙ* р-н: *Лхд.* – Лиходеево, *Пжм.* – Пежма, *Сдр.* – Судрома, *Уг.* – Угренъга; *ВИЛ.* – *ВИЛЕГОДСКИЙ* р-н: *Пвл.* – Павловское, *Трп.* – Тырпасовская; *ВИН.* – *ВИНОГРАДОВСКИЙ* р-н: *Брк.* – Борок, *Зст.* – Заостровье, *Мрж.* – Моржегорское; *КАРГ.* – *КАРГОПОЛЬСКИЙ* р-н: *Нкл.* – Нокола, *Ош.* – Ошевенское, *Хтн.* – Хотеново; *КОН.* – *КОНОШСКИЙ* р-н: *Влц.* – Вельци, *Клм.* – Климовская, *Твр.* – Тавреньга, *Хмл.* – Хмельники; *КРАСН.* – *КРАСНОБОРСКИЙ* р-н: *ВУ.* – Верхняя Уфтуга, *Нвш.* – Новошино; *ЛЕН.* – *ЛЕНСКИЙ* р-н: *Схд.* – Суходол, *Тхт.* – Тохта; *ЛЕШ.* – *ЛЕШУКОНСКИЙ* р-н: *Блц.* – Белащелья, *Вжг.* – Возжгора, *Клч.* – Кельчемгора, *Лбс.* – Лебское, *Ол.* – Олема, *Смл.* – Смоленец, *Шгм.* – Шегмас, *Юр.* – Юрома; *МЕЗ.* – *МЕЗЕНСКИЙ* р-н: *Длг.* – Долгощелье, *Дрг.* – Дорогорское, *Кмж.* – Кимжа, *Мд.* – Майда; *НЯНД.* – *НЯНДОМСКИЙ* р-н: *Врл.* – Верола, *Миш.* – Моша; *ОНЕЖ.* – *ОНЕЖСКИЙ* р-н: *Врз.* – Ворзогоры, *Трч.* – Турчасово, *Хчл.* – Хачела; *ПИН.* – *ПИНЕЖСКИЙ* р-н: *Брз.* – Березник, *Влд.* – Валдокурье, *Влт.* – Вальтево, *Врк.* – Веркола, *Ёр.* – Ёркино, *Квр.* – Кеврола, *Пки.* – Покшеньга, *Ср.* – Сура, *Шрд.* – Шардонемь, *Штв.* – Шотово, *Яв.* – Явзора; *ПЛЕС.* – *ПЛЕСЕЦКИЙ*: *Кнз.* – Кенозеро; *ПРИМ.* – *ПРИМОРСКИЙ* р-н: *ЗЗ.* – Зимняя Золотица, *ЛЗ.* – Летняя Золотица, *Пшл.* – Пушлахта; *УСТЬ.* – *УСТЬЯНСКИЙ* р-н: *Снк.* – Синики; *ХОЛМ.* – *ХОЛМОГОРСКИЙ* р-н: *Звз.* – Звоз, *Кзм.* – Кузомень, *НК.* – Нижнее Койдокурье, *Сия.* – ШЕНК. – *ШЕНКУРСКИЙ* р-н: *ВП.* – Верхопаденьга, *УП.* – Усть-Паденьга, *Шгв.* – Шеговары.

Л и т е р а т у р а

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15. М., 1980–2013. Картотека «Архангельского областного словаря» (хранится на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

Olesya A. Glushchenko

*Vitus Bering Kamchatka State University
(Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky)
oag.kam@mail.ru*

SOME SPECIFIC FEATURES OF ALL-RUSSIAN ADVERBS IN DIALECTS

The paper analyses the semantic structure of 785 monosemantic and polysemantic adverbs of “how”-questions, which have some similarity of their expression in the modern Russian language and Arkhangelsk dialects. The typology of meaning relations of all-Russian adverbs is formed on the basis of word-semantic comparison in two subsystems of the Russian language. Semantic specific of the word-structure, types of word-relations (coincidence or convergence of meanings), the grade of meaning coincidence (full, partial or asymmetrical) and the proportionality of meaning coincidence are taken into account. 14% of adverbs in these subsystems have absolute semantic identity, 28% of words are lexical homonyms in these two subsystems of the Russian language. Another part of common Russian adverbs has semantic differences in the compared subsystems, which are the results of meaning generalization and specification of meanings. In the case of meaning generalization the cause of widening of the semantic structure of a word in the dialect subsystem is an additional inner-conceptual differentiation, motivated by the peculiarity of dividing the extra linguistic reality in the speech of a dialect speaker, and the existence of extra linguistic facts and processes with common or similar features, uniting one conception. In the case of specifications of meanings there is a specification of a all-Russian word, explaining the lack of the extremely generalized meaning of an adverb.

Key words: all-Russian word, dialect, semantics, adverbial lexis.

R e f e r e n c e s

- Gecova O.G. (Ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Iss. 1–15–, Moscow, 1980–2013–.
Card index and electronic card file by Arkhangelsk Regional Dictionary kept in the philology faculty by MSU. (In Russ.)